

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 3
ББК 6/8
Т 33

Т 33 «Тенденции развития общественных наук: социология, политология, философия и история»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (18 июля 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. —138 с.

ISBN 978-5-4379-0121-2

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Тенденции развития общественных наук: социология, политология, философия и история» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ББК 6/8

ISBN 978-5-4379-0121-2

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. История социально-политических учений зарубежных стран	6
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ ТАРСКОГО РАЙОНА (1960-е-2000-е гг.) Ерошевская Дарья Викторовна	6
1.2. Политика в России	13
КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ПАРАДИГМ Кадурина Наталья Владимировна	13
1.3. Социология и психология политики	24
ИМИДЖ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА КАК ВАЖНЕЙШАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РОССИИ Делёва Александра Александровна	24
Секция 2. Социология	30
2.1. Методология и методика социологического исследования	30
ДИСКУРСНЫЕ ПРАКТИКИ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ Баутина Полина Вячеславовна	30
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ХАРАКТЕР БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ Мамедова Рена Октаедр гызы	36

Секция 3. Философия	42
3.1. Социальная философия	42
ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ОПИСАНИЕ ЦЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ «КОНЕЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТОК»	42
Аксютина Зульфия Абдулловна	
ФАКТОРЫ РЕНЕССАНСА НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ	49
Савин Валерий Викторович	
3.2. Онтология и теория познания	59
МЕТАФИЗИКА И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: КЛАССИЧЕСКИЙ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ИДЕАЛЫ	59
Дмитриева Анастасия Валерьевна	
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МЫСЛИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ СКЕПТИЦИЗМА	64
Ткачёв Андрей Николаевич	
3.3. Философские проблемы образования	69
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	69
Латыпова Хатира Шамильевна	
Секция 4. История	73
4.1. История России	73
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (1861—1917 гг.)	73
Золотарева Вера Петровна	
ЦИКЛЫ ФИБОНАЧЧИ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ	77
Львов Евгений Владимирович	

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 1-Й ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ Пышнограев Сергей Викторович	92
СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ Седой Евгений Юрьевич	96
АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ИСТОРИИ РОССИИ Трегубов Алексей Евгеньевич	100
УЕЗДНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Хорина Вера Владимировна	107
4.2. Всемирная история	115
ЕВРАЗИЙСТВО КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ ЭСХАТОЛОГИИ ИСКУПЛЕНИЯ (Часть I) Халяпина Наталья Владимировна	115
К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СООБЩЕНИЯ ЗОСИМА О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ХРАМА СОЛНЦА АВРЕЛИАНОМ Шенцов Максим Евгеньевич	122
4.3. Историософия	128
ОСНОВНЫЕ ВОЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В РУССКОЙ АРМИИ В XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА Широкова Вера Валерьевна	128
4.4. Книговедение и библиотековедение	133
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ САРАТОВСКОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ТЕХНИКУМА, БИБЛИОТЕКОВЕД ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА ОФИЦЕРОВА Самохин Алексей Николаевич	133

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ ТАРСКОГО РАЙОНА (1960-Е-2000-Е ГГ.)

Ерошевская Дарья Викторовна

младший научный сотрудник ОГИКМ, г. Омск

E-mail: sima59510@mail.ru

В настоящее время в Тарском районе только Тарский историко-краеведческий музей (с отделами в с. Вставское, с. Екатерининское, с. Ермаковка) и Тарский художественный музей имеют статус муниципальных учреждений культуры, остальные музеи с точки зрения правового положения являются общественными. В данном сообщении была предпринята попытка дать общую характеристику общественных музеев Тарского района, и на примере школьных музеев в с. Атирка и с. Имшегал охарактеризовать их историю.

В настоящее время не существует данных о точном количестве общественных музеев в Тарском районе (в основном, это школьные музеи), поэтому автором была предпринята попытка выявить их общее число путем телефонных переговоров с сотрудниками школ района. Полученные результаты позволяют говорить о 22 музеях, расположенных в разных селах Тарского района. По типу, в основном, это историко-краеведческие музеи.

Одним из самых первых общественных музеев, который появился в Тарском районе, был Атирский школьный историко-краеведческий музей. Свою историю он ведет с создания в Атирской школе историко-краеведческого кружка под руководством Елизаветы Ефимовны Белоножкиной — учителя истории. Кружок был создан в 1962 г. после инспекторской проверки, возглавляемой П.П. Слинковым, который

покриковал Е.Е. Белоножкину за то, что она как молодой историк не занимается исследованием своего края. С этого времени начали активно проводиться заседания «исторического кружка».

На одном из таких заседаний осенью 1966 г. была прочтена заметка в газете «Омская правда» о создании музея в р. п. Большеречье. По этому случаю в своем дневнике Е.Е. Белоножкина написала: «... на последней ракете я вместе с членами кружка и некоторыми педагогами отправились в Большеречье. Там встретились с Василием Семеновичем Апашиным, создателем музея, который в ходе оживленной дружеской беседы, дал мне множество полезных советов, заметки Радищева (к сожалению, не удалось установить, в какой форме эти заметки существовали), материал о кулацком мятеже в Колосовском районе и многие другие ценные сведения» [4, с. 1-2].

Эта поездка была осуществлена с целью — перенять практический опыт по организации музея. В результате поездки в Атирской средней школе (двухэтажное деревянное здание, построенной в 1962 г.) [7, с. 2] был создан музей в 1966 г. Инициаторам выделили комнату, в которой они вместе с Е.Е. Белоножкиной разместили стеллажи, сделанные собственными руками, расставили на них первые экспонаты. Из дневника Е.Е. Белоножкиной автор узнал, что музей хотели создать в Атирской церкви, которая располагалась на территории школы. Но осуществить задуманное не удалось, так как церковь была разрушена. Первая музейная экспозиция включала четыре раздела: «Жизнь и быт первобытных людей в доклассовом обществе», «Рабовладельческий строй», «Феодальная эпоха», «Великая Отечественная война» [4, с. 3-4].

Е.Е. Белоножкина в своем дневнике написала: «Школьный музей должен быть и должен стать центром воспитательной работы». Она также отметила, что музей работал на общественных началах. Работа музея строилась на основе самоуправления. Был создан Совет музея, в состав которого входило по 1—2 учащихся от каждого класса среднего и старшего звена. Председателем этого Совета назначался учитель, который вел подготовку планов работы, создавал экспозиции, организовывал походы, экскурсии, беседы, уроки и поддерживал связи с другими музеями. Секретарь Совета музея осуществлял поиск новых форм сотрудничества и вел переписку с другими музеями [4, с. 5].

Активно сотрудничал со школьным музеем Виктор Васильевич Захаренко, работавший в школе с 1957 г. Он был учителем немецкого языка, музыки, военным руководителем, имел звание старшего лейтенанта. В.В. Захаренко в таежном селе прослыл талантливым поэтом (написал стихи для гимна Атирской школы). Он пополнил Атирский школьный музей новыми предметами [8, с. 1—5].

В 1976 г. было сдано в эксплуатацию новое типовое здание школы, которое действует и в настоящее время, и в которое был перенесен школьный музей [7, с. 5]. В 1988 г. на заслуженный отдых вышла Е.Е. Белоножкина [4, с. 5—6], а в 1998 г. —

В.В. Захаренко [8, с. 7]. Работу Е.Е. Белоножкиной и В.В. Захаренко продолжил Геннадий Иванович Ильенко, который в 1988 г. пришел в Атирскую школу после окончания исторического факультета Омского государственного педагогического института. Новый человек заинтересовался работой музея, и сам начал активно принимать в ней участие. Он не только продолжил работу по сохранению уже собранных экспонатов, но и приумножил их.

В сентябре 2003 г. было получено свидетельство о присвоении звания «школьный музей» Атирскому историко-краеведческому музею за большую поисково-исследовательскую, общественно-полезную работу, создание интересной экспозиции и успехи в патриотическом воспитании учащихся [6]. Г.И. Ильенко в марте 2004 г. принимал участие во 2-ой научно-практической конференции, посвященной памяти А.В. Ваганова. Здесь была представлена выставка предметов из музея Атирской школы, которая произвела большое впечатление на участников конференции, о чем было впоследствии написано в местной газете «Тарское Прииртышье» [12]. Вскоре после опубликования данной заметки (в ней было рассказано о ценных экспонатах Атирского школьного музея), неизвестными мужчинами была предпринята попытка кражи костей мамонта. К счастью, выпускникам Атирской школы 2003 г. удалось предотвратить акт воровства и вернуть школьному музею большую часть костей. Личности воров не установили, украденные кости и коллекцию колокольчиков в музей не вернули. В дальнейшем таких прецедентов не было. Данное происшествие говорит о незащищенности экспонатов Атирского музея. В Атирской школе имеется сторож, но он осуществляет лишь общий осмотр помещения школы, а не музея в отдельности.

В 2004 г. Г.И. Ильенко ушел на заслуженный отдых, но руководить музеем не прекратил [1]. В местной печати иногда появляются заметки об Атирском школьном историко-краеведческом музее. В частности в газете «Тарское Прииртышье» в январе 2008 г. была опубликована статья, названная «Хотгабыч из Атирки». Так журналист Владимир Глебов образно назвал Г.И. Ильенко, мотивируя это следующим образом: «Он, словно волшебник, умеет заставить говорить немые вещи и предметы. Повезло Атирке с музейщиком-подвижником. Мне показалось, он одновременно похож на древнегреческого мудреца Сократа и сказочного старика

Хоттабыча» [10]. Г.И. Ильенко продолжал работу в музее до 2011 г. С марта 2011 г. и по настоящее время музеем руководит И.В. Терещенко — учитель русского языка и литературы.

В настоящее время музей занимает коридор для эвакуации при пожаре. Находится он на втором этаже в здании Атирской школы, отгорожен со всех сторон бетонными стенами и состоит из двух комнат общей площадью 72 м². В конце второй комнаты имеется лестница, которая ведет на 1 этаж к выходу на улицу. Перспектив по расширению площади в будущем не наблюдается.

В музее представлены следующие разделы экспозиций: бонистика (коллекция денежных знаков, вышедшие из употребления); сфрагистика (предметы печати, оттиски, штампы); перидромофелия (коллекция проездных билетов); филателия (коллекция почтовых марок); фалеристика (коллекция орденов, медалей, наград); филофония (коллекция грампластинок); филумения (коллекция спичечных этикеток); филокартия (коллекция открыток, почтовых карточек); история школьного образования (летопись школы): директора школы, история пионерского движения в школе, класная комната начала XX века, «Школа сегодня»; мир детства (игрушки); церковь и религия (иконы, богословские книги); орудия труда в сельском хозяйстве (глиняные горшочки, крынки и др.); коллекция изделий из стекла (промышленного, бытового, художественного); рукоделие (предметы вышивки, вязаные вещи) и ткацкое производство; военная история российского государства; палеонтология (кости мамонта и др.).

В настоящее время количество предметов основного фонда составляет более 3000 единиц хранения, а вспомогательного — более 2000. Сложилась традиция ежегодно открывать музей на вечере, посвященном встрече выпускников, где они могут вспомнить школьные годы. Поэтому в 2000-х гг. у учителя географии местной школы Кайни Жетнисовны Бекбулатовой появилась идея создать отдельную комнату музея, в которой была бы отражена история Атирской школы, биографии работавших здесь учителей, успехи выпускников и др. Эта идея была успешно реализована. В 2004 г. был образован музей «Летопись школы». Торжественное открытие его состоялось 7 февраля 2004 г. на вечере встречи выпускников, посвящённом 50-летию Атирской средней школы. Руководителем музея стала К.Ж. Бекбулатова, которая проработала в нем до 2008 г. С 2008 г. руководителем музея «Летопись школы» стала И.В. Терещенко [2].

Музей «Летопись школы» разместился в трех небольших комнатах общей площадью около 25 м². Здесь представлены

материалы по истории школы с. Атирка с 1898 г. до 2000-х гг., материалы о педагогическом коллективе Атирской школы 1950-1960-х гг. (представлены краткие биографии учителей); даны краткие биографии выпускников школы, которые впоследствии стали ее учителями, а также представлены краткие биографии выпускников, которые добились профессиональных успехов в своей деятельности. Один из таких выпускников Г.Т. Солдатенко по своей инициативе создал календарь к знаменательной дате 2008 г. «Атирская школа-интернат» [5] и по почте прислал его из Украины к юбилею Атирской школы (110-летие со дня открытия). В данном календаре представлены краткие биографии некоторых выпускников школы, которые добились профессиональных успехов. В музее также представлены материалы по современному этапу в истории Атирской школы (2004-2012 гг.), представляющий собой подробный отчет о достижениях учеников и учителей Атирской школы с 2004 г. и по настоящее время. Данный раздел постоянно обновляется.

Открытие Имшегальского школьного историко-краеведческого музея состоялось 15 октября 1998 г. под руководством Антонида Степановны Уляшевой, хотя собирательскую работу начал Никита Афанасьевич Жангуров (учитель труда, рисования и черчения) еще в конце 1980-х гг. Собранные им предметы сначала находились в его деревянном доме. После сдачи в эксплуатацию нового здания школы в 1994 г., материалы Н.А. Жангурова были перенесены в эту новую школу. Чучела для отдела природы Н.А. Жангуров делал сам, а стену для этого отдела разрисовывал его сын — Г.Н. Жангуров [3].

Историко-краеведческий музей в Имшегальской школе расположился в двух небольших комнатах и представлен шестью разделами. На первом этаже находится комната со стендами, посвященными истории школы и ее выпускникам, стеллажом с фотографиями выпускников, страницами дореволюционного букваря и т. д. (раздел по истории школы), а также значительную часть занял раздел «Родная природа» с чучелами птиц и животных (37). В этом же помещении находится раздел «Солдаты Победы», включающий множество папок и альбомов с воспоминаниями женщин-тружениц тыла («Хлеборобы войны»), с биографиями погибших на фронте односельчан («Они погибли за родину», «Рядовые победы»). Ученики школы занимаются сбором сведений о царившей во время войны обстановке в с. Имшегал. Например, письмо бывшей жительницы села Н.И. Уляшевой с подробными ответами на вопросы учеников. На отдельном полке шкафа в музее разместились удостоверения к медалям и орденские книжки ветеранов войны. На стене разместился

стенд с письмами с фронта, похоронками, ответами на запросы из архива армии («Я пишу...последнее, быть может...»), другой стенд посвящен тем, кто не вернулся с фронта («Они погибли за Родину»). Есть и еще один стенд («Ради жизни на земле») с точными цифрами солдат, ушедших на войну из деревень и сел Имшегальского сельского совета и погибших на фронте. Здесь же разместились фото и краткие анкетные данные некоторых ветеранов войны. Каждый стенд выпускался обычно ко Дню Победы.

Раздел нумизматики в школьном музее представлен такими экспонатами, как например: полкопейки, рубль 1896 г. и др. Имеется раздел, посвященный большому рукописному альбому по истории с. Имшегал с воспоминаниями старожилов. Материал для данного альбома собирали педагоги местной школы: Н.М. Шаповалова, В.Н. Широких, А.С. Уляшева, Т.В. Коктомова. Работа над альбомом была закончена в 1986 г. [3].

Другая комната музея расположилась на втором этаже школы, и ее экспозиция носит историко-бытовой характер. Здесь разместились раздел «Крестьянская изба», который содержит предметы старины: старинная кровать, ткацкий станок, инструменты для работы со льном, предметы обихода: лукошко, кушак и т. д. В 1995 г., в честь 50-летия победы в Великой Отечественной войне, в центре села воздвигли памятник воинам-односельчанам. В апреле 2007 г. Имшегальский музей получил свидетельство музея образовательного учреждения — школьного музея [9].

Общественные музеи в Тарском районе стали появляться не позднее 1960-х гг. (Атирский музей основан в 1966 г.). Они являются источниками знаний по истории и культуре каждого отдельного населенного пункта, функционирующей в нем школы и т. д. Музей на селе является основным культуросберегающим центром. Благодаря собранным экспонатам и материалам музеи имеют хорошую источниковую базу, реализуют функции просветительных, воспитательных и образовательных центров, мест хранения и трансляции социальной памяти, являются источниками знаний по истории региона, его культуры. Их фонды являются резервом для развития государственной музейной сети. Общественные музеи выполняют те же социальные функции, что и государственные музеи, соответственно, каждый из них может получить статус государственного учреждения (за последние 20 лет 200 общественных музеев получили статус государственных) [11, с. 43], а значит получать постоянную материальную поддержку.

Список литературы:

1. Архив автора. Сообщение Ильенко Г.И.
2. Архив автора. Сообщение Терещенко И.В.
3. Архив автора. Сообщение Уляшевой А.С.
4. Архив Атирского школьного историко-краеведческого музея. Дневник Белоножкиной Е.Е. Рукопись. — 12 с.
5. Архив Атирского школьного историко-краеведческого музея. Календарь к знаменательной дате 2008. Атирская школа-интернат.
6. Архив Атирского школьного историко-краеведческого музея. Свидетельство № 002709 о присвоении звания «школьный музей» историко-краеведческому музею МОУ «Атирская школа-интернат среднего общего образования» Тарского района // Архив АШИКМ.
7. Архив Атирского школьного историко-краеведческого музея. Творческая работа ученицы Атирской средней школы Бекбулатовой Л. Рукопись. — 14 с.
8. Архив Атирского школьного историко-краеведческого музея. Творческая работа ученицы Атирской средней школы Стрелко В. Рукопись. — 10 с.
9. Архив Имшегальского школьного историко-краеведческого музея. Свидетельство № 11452 музея образовательного учреждения (школьного музея) Историко-краеведческий музей МОУ «Имшегальская ООШ» Тарского района 16 апреля 2007 г.
10. Глебов В. Хоттабыч из Атирки // Тарское Прииртышье. — 2008.— 10 января. (№ 2).
11. Туманов В.Е. Общественные музеи // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. — М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. - Т. 2. — С. 43-44.
12. Шахов В. Времен связующая нить // Тарское Прииртышье. — 2004. (№ 16).

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ПАРАДИГМ

Кадурина Наталья Владимировна

*аспирант, Российская Академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Южно-Российский институт-филиал,
г. Ростов на Дону
E-mail: kadurina11@yandex.ru*

В настоящее время представления о политических процессах в различных странах мира во многом складываются под воздействием ряда влиятельных конспирологических концептов, распространяющихся, в том числе, и посредством средств массовой информации. Благодаря многочисленным публикациям в прессе, книжной продукции, художественным фильмам и сериалам произведениям конспирологов удалось выйти на большой экран, обрести массового читателя, став, в конечном итоге, неотъемлемым компонентом современной массовой культуры.

Как отмечает крупнейший отечественный специалист в области конспирологии А.Г. Дугин, она постепенно становится легитимным стилем, своего рода модой, причем имеются определенные основания утверждать, что интерес к конспирологическим концептам является не просто «краткосрочным увлечением, но устойчивой социологической тенденцией».

Популярность теорий заговора в современном мире обусловлена, по мнению многих исследователей, вовсе не тем, что конспирологам удалось открыть какие-то объективные закономерности, которые ранее были скрытыми, а размытостью самого образа мира в современную эпоху, общей ситуацией нестабильности и неопределенности, в том числе, и в сфере политики. Именно в представлениях о политической сфере жизни общества конспирология получает очень широкую и благодарную массовую поддержку, что обусловлено самой природой власти, сущностью механизма ее осуществления. Все дело в том, что даже в самых демократических и транспарентных обществах большинство политических решений, так или иначе, принимаются за закрытыми дверями» и даже вездесущим СМИ в большинстве случаев

не удастся проникнуть за этот занавес. В конечном итоге, отмечает А.Г. Дугин, все это приводит к тому, что существующая в политической сфере «вполне реальная и прагматически объяснимая зона тени разрастается у активных наблюдателей до невероятных размеров» и рождаются мифы о всевозможных «заговорах».

Несмотря на перманентный рост популярности произведений современных конспирологов, в рамках современного научно-политологического сообщества практику подготовки и применения конспирологических концептов чаще всего относят к паранаучной деятельности. Это обусловлено тем обстоятельством, что получение подтверждения существования конспирологической практики крайне затруднено ввиду отсутствия надежных документальных свидетельств и релевантных методов, позволяющих четко определить детерминанты политических конспирологических институтов и формируемых ими политических решений. В реальности наиболее затруднительным делом является поиск конкретных доказательств того, что те или иные глобальные, региональные, локальные политические события действительно обусловлены действием конспирологических факторов. Необходимо отметить, что на отнесение конспирологии официальной политической наукой к сфере паранауки сама конспирология отвечает тем, что научно-политологические изыскания, за небольшим исключением, объявляет сферой производства наукообразных мифов, которые сами выступают как «прикрытие» сложной сферы реальной политики. С точки зрения конспирологов, политическая наука якобы упрощает, схематизирует, идеализирует реальную политику, показывая ее в качестве результирующей столкновений различных сил, цели которых редко осуществляются (даже частично), тогда как политика, если следовать конспирологической трактовке политического процесса, давно уже «кодируется» либо в одном, либо в немногих центрах влияния.

Так или иначе, растущая популярность конспирологических концептов, корни которой следует искать в глубинных социальных и психологических потребностях человека, обуславливает актуальность их научного изучения, в контексте анализа воздействия конспирологических концептов на современные представления о политических процессах. Несмотря на наличие, действительно слабых мест в конспирологических конструкциях, к числу которых следует отнести в первую очередь представления о существовании тайной, не институционализированной, власти, проводящей единую политику в течение долгого времени, что выглядит весьма маловероятным, поскольку отсутствие институтов и высокая степень секретности

блокирует информационные потоки между такими властителями и делает сомнительной их способность к совместной деятельности по единому плану долгое время, конспирологические концепты продолжают оказывать сильное влияние на массовое сознание, формируют образы, представления о политических процессах, которые могут сильно отличаться от их официальной версии. Весь этот комплекс проблем недостаточно разработан и нуждается в дальнейшей глубокой теоретической разработке.

Необходимо отметить, что исследования, посвященные анализу влияния конспирологических концептов на массовое сознание, включая представления о политических процессах, а также феномена конспиративизма и конспиративистского менталитета в целом появились в зарубежной и отечественной политической науке относительно недавно. Наибольших успехов в изучении теорий заговоров добились представители американской политической и исторической науки. Так, одной из первых работ, посвященных исследованию влияния конспирологических концептов на американскую политику, стало эссе Р. Хофштадтера «Параноидальный стиль в американской политике», в рамках которой был освещен психологический аспект бытования конспирологических мифов в политической сфере Р. Хофштадтер, в частности, обозначил основные черты, присущие мышлению человека, верящего в теории заговора, характерное для него восприятие прошлого и настоящего.

Несмотря на то, что начало исследований конспирологических концептов американскими историками и политологами приходится на 1960-е годы, рост научного интереса к этой теме был отмечен в 1990-2000-е годы, что связано с политическими и экономическими изменениями в самом американском обществе. Среди наиболее влиятельных работ, посвященную теориям и заговора и их воздействию на формирование представлений о политических процессах, следует упомянуть работу Д. Пайпса «Заговор: Мания преследования в умах политиков». В этом произведении автор, проанализировав типичные черты, свойственные наиболее влиятельным конспирологическим концептам, сделал довольно интересный вывод, в соответствии с которым, людям, независимо от их политической принадлежности, присуща склонность серьезно относиться к теориям заговора, верить в них и популяризировать данные теории. Иными словами, по мысли Д. Пайпса, теории заговора и вера в них являются не просто уделом маргиналов праворадикального толка, но повсеместно распространенным феноменом, обусловленным в большей степени природой человеческого сознания, нежели политической ориентаций

отдельных индивидов. Как двойственное явление описывает феномен теории заговора и другой американский политолог, М. Фенстер, автор работы «Теории заговора: секретность и власть в американской культуре». По мнению этого ученого, конспирологические концепты представляют собой определенную угрозу политическому порядку, поскольку потенциально исходят от наиболее активных и агрессивно настроенных людей, верящих в теории заговора. В то же время, М. Фенстер рассматривает данные теории как уникальное воплощение демократичности политического процесса, представляющее собой неотъемлемую часть политического дискурса современного демократического государства.

Подчеркнем, что в зарубежной политической теории, равно как и в отечественной, преобладают работы, так или иначе направленные против конспирологии и конспиративистского менталитета: для некоторых из них характерна не только критика отдельных элементов и положений конспиративистских теорий, но принципиальное нежелание признавать даже вероятность существования объяснительного потенциала конспирологии. К числу радикальных критиков теорий заговоров относится, например, американский исследователь Дж. Энтин, с точки зрения которого, «теории заговоров как средство интерпретации истории и политики являются опасным и дестабилизирующим явлением в сегодняшнем мире». По мнению Дж. Энтина, научные толкования и теории заговоров характеризуются двумя разными менталитетами: в отличие от научного подхода конспиративизм начисто лишен здравого смысла, мало знает о действительных заговорах и о том, как часто они проваливаются.

Аналогичной точки зрения придерживается и современный норвежский исследователь Ф. Рудмин, рассматривающий теорию заговора как «наивную деконструкцию истории». В качестве основных причин, способствующих повышению интереса к конспирологическим концептам, норвежский ученый выделяет увеличение числа людей, обладающих необходимыми навыками и ресурсами для исследований заговоров и обмена результатами, рост числа самих заговоров вследствие усиления концентрации власти в политике и экономике и ослабления демократии, а также то обстоятельство, что традиционная журналистика, равно как и политическая наука стали в большей степени, чем в прошлом, служить интересам власти и корпораций, порождая в результате больше бессмыслицы.

Ф. Рудмин считает, что сферу конспирологических изысканий в ближайшем будущем ожидает рост интереса, который ослабнет лишь при снижении числа самих заговоров, а также тогда, когда ученые

и журналисты станут прилагать больше усилий для объяснения событий, а не для их запутывания. Наряду с общими теоретическими работами, в зарубежной науке существует немало специальных исследований, посвященных отдельным конспирологическим концептам, направленных на разоблачение наиболее популярных теорий заговора, иудейского, масонского и т. д., а также фальшивых документов («Протоколы сионских мудрецов»). Здесь необходимо выделить таких исследователей как Н. Кон, Ч. Де Микелис, Й. фон Бибберштайн и других.

В отличие от зарубежной науки, в отечественной политической мысли наблюдается явный недостаток работ, связанных с изучением конспирологических концептов и их влияния на массовые представления о политических процессах. Среди работ российских авторов, посвященных конспирологической проблематике, следует выделить в первую очередь произведения А.Г. Дугина. В своем фундаментальном труде «Конспирология» этот известный ученый и общественно-политический деятель рассматривает теорию заговоров в качестве феномена современной массовой культуры. Рассматривая конспирологические концепты с точки зрения культурологии, А.Г. Дугин объясняет феномен их популярности тем обстоятельством, что конспирология является типичным проявлением культуры постмодерна, когда критичное отношение к окружающей действительности влечёт за собой наложение различных исторических контекстов и выражается тотальным недоверием к рациональному началу в политике и искусстве. По мысли Дугина, конспирологический подход более всего характерен для анализа политических процессов: именно в том, что касается политики, конспирология получает, по мнению данного ученого, очень широкую и благодарную массовую поддержку.

Из других современных отечественных исследований феномена конспиративизма хотелось бы выделить работы И.А. Яблокова, посвященные изучению влияния теории заговора на массовое сознание. К числу несомненных заслуг этого исследователя следует отнести определение им основных черт теорий заговора и конспирологического сознания в целом, а также выделение объективных факторов социального, экономического, политологического и психологического свойства, предопределяющих формирование теорий заговора в современном обществе. Среди характерных черт, присущих различным конспирологическим концептам И.А. Яблоков выделяет содержащиеся в них объяснения кризисного положения сообщества в тот или иной момент времени.

Секрет популярности теорий заговора кроется в том, что они доступно объясняют природу происходящих вокруг событий людям, чувствующим бессилие изменить что-либо в жизни, создавая тем самым определенный комфорт в восприятии действительности, психологически перенося ответственность за изменения привычной жизни и проблемы сообщества на реальных или воображаемых «других». Именно поэтому теории заговора могут стать поводом для обоснования агрессии в отношении определенных групп населения.

Таким образом, проблематика, связанная с воздействием конспирологических концептов на отдельные сферы массового сознания в контексте формирования представлений людей об отдельных аспектах окружающей действительности, в последние годы становится популярной и находит достаточно широкое освещение в научной литературе. Однако, несмотря на социальную востребованность изучения влияния конспирологических концептов на формирование представлений о политических процессах, данная проблема не обрела еще адекватного рассмотрения.

Конспирологический подход в целом базируется на том, что мировые процессы являются обусловленными невидимыми для обывателя причинами. Данная точка зрения предполагает, что мир на самом деле не явен в своем устройстве, а составляет сложную скрытую структуру согласования различных интересов влиятельных людей, которые совсем не обязательно являются главами государств или находятся на крупных государственных должностях, но при этом обладают способностью влиять на политические процессы. Что же касается людей, которые формально занимают ведущие государственные посты, то и они, согласно конспирологической интерпретации, могут далеко не всегда декларировать свои истинные намерения и параллельно отстаиванию государственных интересов могут также сознательно выполнять противоречащие им действия. Данный подход предполагает существование неких тайных обществ, не принадлежащих нациям, и осуществляющих свое влияние косвенными, завуалированными от глаз обывателя способами. Соответственно конспирологический подход к трактовке мировых политических процессов открывает нам картину существования неких наднациональных организаций, которые пытаются осуществлять свое влияние на национальные правительства в целях установления Нового мирового порядка.

В рамках политической науки подавляющим большинством членов современного научно-политологического сообщества практика подготовки и применения конспирологических концептов чаще всего

относится к паранаучной деятельности. Происходит это главным образом по той причине, что получение подтверждения существования конспирологической практики крайне затруднено ввиду отсутствия надежных документальных свидетельств и релевантных методов, позволяющих четко определить детерминанты политических конспирологических институтов и формируемых ими политических решений. Однако наиболее затруднительно доказать, что те или иные глобальные, региональные, локальные политические события действительно обусловлены действием конспирологических факторов. В целом для конспирологических концептов и, шире, конспирологической парадигмы характерен отход от натуроцентрической (объектоцентрической) парадигмы в гуманитарном знании и опора на культуроцентрические принципы, примат субъектоцентризма в эмпирическом исследовании, обобщении и трактовке его результатов, а также широкое задействование герменевтических подходов (понимание, выявление целей, смыслов и ценностей как основных характеристик политических процессов) и использование телеологических и диалогово-рефлексивных интерпретаций наблюдаемых политических действий и событий. Таким образом, в конспирологической парадигме политическая власть репрезентируется как многослойный элитный институт с многослойным же продуктом в виде политических решений и действий.

Ряд влиятельных конспирологических концептов оказывают в настоящее время существенное воздействие на формирование образов глобальных политических процессов, своеобразных представлений о них, характерных для населения различных современных государств. В рамках современного общества многочисленные теории заговоров стали качественно новым явлением: интегрируя в свою структуру некоторые элементы психологии человека, используя образ внешней научности и критического подхода к окружающей действительности, они смогли в понятных терминах и образах объяснить людям происходящие в мировом сообществе изменения. Важную роль здесь сыграли также и средства массовой информации, благодаря которым конспирология стала явлением массовой культуры. Конспирологические концепты в настоящее время находят отражение как в разнообразных фильмах и сериалах, так и книжной печатной продукции, газетных, журнальных и интернет — публикациях: интерес к подобной литературе является достаточно высоким, что никак не зависит от правдивости, документальной точности и корректности всех этих источников. В результате конспирология становится вполне легитимным стилем,

а массовый интерес к конспирологическим концептам рассматривается исследователями как устойчивая социологическая тенденция.

В настоящее время наибольшее воздействие на формирование образов глобальных политических процессов оказывают такие влиятельные конспирологические концепты как масонский заговор, еврейский заговор, мондиалистский заговор, а также заговор банкиров или экономический заговор. Необходимо отметить, что в изображении некоторых конспирологов все эти концепты оказываются слитыми воедино, и таким же образом изображается их воздействие на политический процесс, что нередко формирует у широкой общественности достаточно противоречивые представления о политических событиях прошлого и настоящего. Определенной общей идеей, находящейся в центре многочисленных научных изысканий отечественных и зарубежных конспирологов, является обусловленность современных глобальных политических процессов деятельностью разветвленной сети тайных организаций, которая имеет наднациональный характер и преследует цель построения мира по единому образцу. Конечной целью данных латентных обществ является создание единого мирового правительства с постоянным централизованным социальным контролем и утратой всеми странами национального суверенитета, что в настоящее время становится возможным благодаря возрастающему корпоративному и финансовому контролю над правительствами и экономикой отдельных стран.

Современный период развития российского общества характеризуется активным проникновением в массовое сознание населения страны, в повседневную жизнь людей различных конспирологических конструкций. Так, достаточно большое место в массовом сознании населения современной России занимает возрожденный в конспирологической литературе миф о заговоре против нашей страны. Ассортимент продукции современных российских книжных магазинов представлен огромным количеством разнообразных изданий, посвященных иудейским проектам, а также различным эпизодам борьбы тайных обществ, иностранных спецслужб и правительств против Российского государства. Наряду с «Сионскими протоколами» в современной России появился целый пласт литературы националистического плана, направленные на пропаганду не только антисемитизма, но и других форм национальной и религиозной нетерпимости. Особенно богатым на всевозможные конспирологические изыскания оказалось XX столетие, что объясняется тем, что именно в этом веке наша страна пережила несколько революций, смен общественного и государственного строя, крупнейшие

вооруженные конфликты, сопряженные с миллионными жертвами, что не могло не вызвать представлений о том, что все произошедшее было вызвано действием не каких-то внутренних факторов и причин, а произошло вследствие воздействия «извне», явилось результатом деятельности всевозможных тайных организаций, стремящихся установить контроль над страной и использовать ее ресурсы, в том числе, и человеческие, для реализации своих целей.

Конспирологические интерпретации политического процесса в России в настоящее время широко представлены не только во всевозможных книгах и газетных статьях, но и в сети Интернет, где они размещены на сотнях различных сайтов, что, учитывая все возрастающее воздействие глобальной сети на массовое сознание, не может не способствовать формированию соответствующих представлений о политических событиях в нашей стране у значительной части ее населения. Так, несколько лет назад в Интернете появилась статья, а также видеоролик, с которым уже успели ознакомиться миллионы пользователей, где речь идет о так называемых Гарвардском и Хьюстонском проектах, предполагавших уничтожение СССР, а затем и России.

В целом же, в настоящее время на формирование представлений о российском политическом процессе оказывают воздействие все наиболее влиятельные конспирологические концепты, от традиционных уже классических теорий иудейско-масонского заговора, до современных мондиалистских концепций. Разработчики этих концептов стремятся внедрить в массовое сознание представления о том, что «мировая закулиса», различные тайные общества через своих «агентов влияния» стремятся к ликвидации России как самостоятельного суверенного государства, а также к уничтожению русских или даже всех славян. Авторы книг и публикаций, посвященных всевозможным заговорам против России, пытаются доказать, что все проекты и планы «мировой закулисы», направленные против нашей страны, так или иначе пересекаются между собой и уже реализуются в рамках осуществляющейся в нашем государстве политики.

Результаты моего исследования позволяют углубить теоретические представления в области политической философии, политической психологии и политической социологии, стимулируя дальнейшее исследование проблем, связанных с воздействием конспирологических концептов на массовые представления о политических процессах. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы как для конкретного

политического анализа и корректировке деятельности политиков, так и при чтении общих и специальных курсов по политологии, политической философии, политической социологии, управленческим дисциплинам.

Список литературы:

1. Алексеева Т.А. Политический процесс в социокультурном измерении. М., 1997.
2. Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. М, 2001.
3. Ашин Г.К. Элитология. М., 1999.
4. Бернетт Т., Геймз А. Кто на самом деле правит миром? Война между глобализацией и демократией. М. — Спб., 2008.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2008.
6. Боголюбов Н. Тайные общества XXI века. СПб., 2003.
7. Брачев В. Масоны и власть в России. М., 2005.
8. Бурлуцкая Л.А. Тайные общества или кто правит миром? М., 2003.
9. Вебстер Н. Всемирная революция. Заговор против цивилизации. Киев, 2001.
10. Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. М., 1999.
11. Гарвардский проект + Хьюстонский проект = смерть [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/6537/> См. также: nsm.ru/.../ssha_unichtozhaet_rossiyu_garvardskij_proekt/ и др.
12. Грачева Т.В. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2009.
13. Деружинский В.В. Теории заговора. Самые известные мировые мифы и мистификации. М., 2009.
14. Дугин А.Г. Конспирология. М., 2005.
15. Дугин А.Г. Философия войны. М., 2004.
16. Дугин А.Г. Крестовый поход солнца. М., 1993.
17. Зенькович Н.А. Тайны уходящего века. Книга 1 — 4. 1998, 1999, 2000.
18. Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск, 2000.
19. Зюганов Г.А. География победы: Основы российской геополитики. М., 1997.
20. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
21. Кирсанов В. Мировое правительство: тайный заговор против человечества. [Электронный ресурс] /В. Кирсанов. — Режим доступа: www.proza.ru/2009/02/18/37/
22. Колеман Д. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М., 2001.
23. Немировский В.Г. Тайные организации в контексте социальных изменений. Постнеклассические подходы. Красноярск, 2006.

24. Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998.
25. Субетто А.И. Разум и антиразум. Спб., 2003.
26. Стариков Н.В. 1917. Кто «заказал» Россию?: Главная тайна XX века. М., 2009.
27. Теория заговоров, или Зачем нужны мифы об 11 сентября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [//www.point.ru/news/stories/515](http://www.point.ru/news/stories/515)
28. Яблоков И.А. Теория заговора и современной историческое сознание (на примере американской исторической мысли). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 2010.
29. Яблоков И.А. Конспирологические мифы в современной художественной литературе (на примере романа Д. Брауна «Код да Винчи») //Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Выпуск 2. Томск, 2007.
30. Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics and other Essays. New York, 1965.
31. Pipes D. Conspiracy: How the Paranoid Style Flourishes and Where it Comes from. New York. 1997.

1.3. СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

ИМИДЖ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА КАК ВАЖНЕЙШАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РОССИИ

Делёва Александра Александровна

ассистент ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток

E-mail: deleva@list.ru

Современный мир переживает этап глубоких трансформаций, вследствие чего динамично меняется и институциональная картина мира. На политической карте мира можно увидеть множество различных стран, каждая из которых имеет свои законы и порядки, традиции и культуру, политический строй, свой имидж. На современном этапе развития общества мы все чаще задумываемся о своем образе в глазах окружающих, о своем имидже. Нас все чаще интересуют вопросы внешней политики, социальной политики, экономики нашей страны, а значит, мы задумываемся, собственно, об имидже России.

Политический имидж, имидж лидера, имидж вообще — это довольно распространенные и достаточно изученные темы в науке. Однако, в условиях глобализации, от того, какой имидж (образ) страна имеет, зависят ее отношения с другими странами и положение в мире. Сегодня происходят перемены в отношении к России со стороны развитых стран. России необходимо определить стратегию своего поведения в новом мировом порядке информационной эры, выработать грамотную стратегию поведения, на которую будет опираться имидж современной России.

Понятие имиджа автором осмысливается, прежде всего, как социально-психологическое явление — взаимодействие реальных личностных качеств государственного деятеля и отражение в общественном мнении.

Несмотря на многогранность самого понятия «политический имидж», а также на комплексность политического имиджа лидера, многими исследователями предпринимались неоднократные попытки выявить обязательный набор характеристик для каждого политического лидера в глазах общественности. Большинство исследователей, работающих в области определения положительных черт страны и ее

политического лидера, отмечают, что политический лидер государства должен представляться активным и деятельным человеком. Следует отметить, что большинство исследований в этой сфере показывают, что положительному имиджу лидера больше способствуют оказывающие на публику наибольшее влияние решения, инициативы и предложения, чем постепенные и малозаметные действия по практическому решению важных государственных проблем. То есть ключевым моментом здесь выступает не само действие, а демонстрация готовности политического лидера взять ответственность за положение дел в стране и решить эти проблемы. Таким образом, общество преимущественно на подсознательном уровне убеждается в том, что все под контролем, и жизнь будет становиться лучше, если не сейчас, то в обозримом будущем [1; 7].

Важной характеристикой политического имиджа лидера является и его успешность, оказывающая прямое влияние в глазах общественности на политический образ страны. Вместе с тем, косвенное влияние на престиж политического лидера оказывает также авторитет его команды или союзников. Лидер считается более успешным и уважаемым, если его поддерживают широко известные обществу сторонники.

Особое значение для политического имиджа нашей страны имеет фактор восприятия руководства Российской Федерацией в США, активно пользующихся поддержкой своих европейских союзников.

По мнению российских и зарубежных политологов, несмотря на четкое конституционное разграничение властных полномочий между президентом и премьер-министром РФ, до выборов Президента РФ в этом году фактической властью обладал премьер-министр Владимир Путин, выступающий наставником президента Дмитрия Медведева. Как считает политолог Дмитрий Травин, Медведев не имеет реальной опоры в российском обществе, и его проводимая политика, несмотря на резкие заявления, не может считаться самостоятельной. Бразды правления были сосредоточены в руках Владимира Путина [6, с. 43].

Одним из способов отражения общественного сознания в Европе и Америке выступают карикатуры, являющиеся результатом пропагандистского воздействия. Например, В. Путин в большинстве случаев изображается в действии, с серьезным выражением лица и отсутствием жестикуляции. Актуальны и «советские мотивы» при изображении Путина и России в целом. Чаще всего Путин предстает как новый Сталин. Еще одним характерным «внешнеполитическим» сюжетом является выведение образа России и конкретно Путина

как обладателя больших сырьевых запасов, за счет которых он может контролировать всю Европу [2].

Карикатурные изображения Д. Медведева, отличаются отсутствием рисунков, на которых он изображался без Путина. Карикатуристы представляют Медведева как «маленького Путина», как куклу или марионетку.

Так же, карикатуристы используют такие распространенные символы, связанные с Россией, как матрешка и медведь. Иногда в этих образах изображаются и сами главы государства.

Тем самым, в карикатурах отражаются такие наиболее негативные черты имиджа российских лидеров, как антидемократичность, концентрация власти в одних руках, агрессивная внешняя политика, стремление к «советскому реваншу». Эти черты негативно влияют на репрезентацию образа России в целом: Путина представляют концентрированным выражением сути российской действительности.

Вместе с тем, Владимир Путин обладает значительным влиянием в обществе, как и властью. Однако, его фигура выглядела более негативно на фоне современного и либерального Медведева. Развитие различных технологий — от нано — до информационных — занимают важное место в стратегии Д. Медведева, ярким примером является проект собственной Кремниевой долины в Сколково [6, с. 44].

Различия между Медведевым и Путиным проявляются и в проводимой внешней политике. По мнению российских политологов, В. Путин, стараясь поддерживать свой рейтинг, придерживается антиамериканской направленности, которая привлекает россиян. Д. Медведев же за сближение России с Западом, развитие страны на пути к вступлению России в ВТО. Именно благодаря своей либеральной и прозападной политике Медведев составляет контраст Путину и более благоприятно воспринимается в США и Европе [5].

В зарубежной прессе образ Путина приобрел отчетливые негативные характеристики, благодаря судебным процессам по делам Литвиненко и Ходорковского. Большая часть публикаций по данным темам ставит под вопрос демократичность имиджа Российского государства и его руководства. Западные журналисты и политологи обвиняют В. Путина в злоупотреблении властью [8, с. 37].

Судебный процесс по делу нефтяного магната Ходорковского и вынесение ему приговора считаются ударом по репутации Дмитрия Медведева. Очевидно, что от этого страдает политический имидж страны, снижается ее инвестиционная привлекательность.

Несмотря на то, что бывшего президента России и называют прозападным, на Западе, преимущественно в США, так не считают,

объясняя это отсутствием практических политических решений. Период его правления отмечен вмешательством и фальсификациями на выборах, войной с Грузией, снятием ограничений на применение вооруженных сил за рубежом, беззаконием и коррупцией милиции и чиновников и пр.

Отсюда следует, что, в целом, готовый имидж страны общество получает большей частью через средства массовой информации. Именно в современном информационном пространстве складывается картина реальности, воспринимаемая аудиторией.

Учитывая все минусы и ошибки руководства страны, нельзя не принять во внимание и успешность курса Медведева и Путина. «Политика, начатая Владимиром Путиным и продолженная Дмитрием Медведевым, в чем-то принесла и реальные плоды. В 2010 году Россия, бесспорно, пользуется большим влиянием в мире, чем в 2000 году. Говоря совсем просто, ее больше уважают», — заявила Тома Гомар, директор Центра по изучению России и республик бывшего СССР при Французском институте международных отношений в Париже [3].

Хотя на Западе президента Дмитрия Медведева и воспринимали как временного заместителя Владимира Путина, за время его президентства в американо-российских отношениях были достигнуты значительные положительные изменения.

Прежде всего, Медведев подписал новый договор об ограничении стратегических вооружений (СНВ), который был одобрен в обеих странах с президентом США Обамой. В период президентского правления Медведева Россия оказала значительную поддержку силам НАТО в Афганистане, открыв свою территорию для военного транзита. Более того, Медведев считает, что Россия будет работать с НАТО в области строительства противоракетных систем. Наконец, Медведев сумел способствовать изменению политического имиджа страны и отойти от образа России как потенциального противника коалиции США.

Западные аналитики, в отличие от отечественных, склонны видеть внутри тандема Медведев-Путин раскол, они рассматриваются как соперники. Более того, по мнению эксперта московского центра Карнеги Марии Липман, Медведев якобы инициировал ряд разоблачительных заявлений в адрес Путина с целью настроить общественное мнение против премьер-министра в преддверии президентских выборов 2012 года. Западные специалисты склонны считать напряжение между президентом и премьером реальным и в перспективе нарастающими ближе к президентским выборам [4].

В отличие от них российские политологи не считали разногласия между Медведевым и Путиным серьезными, скорее игрой на публику. Так, по прогнозу Д. Травина, Владимир Путин не должен был вернуться на президентский пост в этом году именно потому, что он стал символом стагнации и коррупции, а Медведев — символом модернизации и борьбы с коррупцией. Путин стал ассоциироваться с жесткой властью и консерватизмом, Медведев — с новыми технологиями, прогрессом и развитием, надеждами на лучшее будущее [5]. Но, как показало время, данный прогноз не оправдался.

Очевидным является тот факт, что репутация и действия руководства России отражаются на восприятии страны всем мировым сообществом. В основе политического имиджа бывшего президента Дмитрия Медведева лежат либеральные черты, прогрессивная направленность заявлений и политического курса. В основе имиджа Владимира Путина — жесткий контроль, властность, антиамериканские настроения. Следовательно, в структуре политического имиджа руководства России определяются такие особенности как: противоборство либеральных и авторитарных консервативных тенденций; стремление к развитию и совершенствованию на уровне технологий и демократических институтов; желание и готовность вести диалог с ключевыми партнерами России. Несмотря на противоречивую оценку политических лидеров России на Западе, отмеченные антидемократичность и авторитаризм, политический имидж Российской Федерации, все же с успехом меняется в лучшую сторону.

Таким образом, формирование позитивного имиджа всей страны зависит, прежде всего, от создания эффективного, положительного имиджа главы государства. За весь период своего правления Владимир Путин сделал для России немало и в целом добился повышения уровня жизни граждан. На сегодняшний день, самый несомненный успех Путина — это укрепление международных позиций России.

Список литературы:

1. Бойков В.Э. Выборы в России в контексте эволюции политической системы российского общества (взгляд социолога) // Социология власти. — 2011. — № 4. — С. 34—43.
2. Галерея карикатур [электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL:<http://photofile.name/users/katerinakorb/3702210/> (дата обращения: 04.05.2012)
3. Гомар Т. Нам никуда не деться от сложной России [электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. — Режим доступа. — URL:http://ria.ru/vybor2012_analysis/20120301/583284561.html (дата обращения: 04.05.2012)

4. Липман М. О путинском сосредоточении России [электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. — Режим доступа. — URL:<http://carnegiemoscow.matrixdev.net/publications/?fa=46495> (дата обращения: 04.05.2012)
5. Мнения [электронный ресурс] // «Радио Свобода». — Режим доступа. — URL:http://mneniya.info/quotes/media:%D0%A0%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BE_%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0 (дата обращения: 04.05.2012)
6. Пеконида А.В. Структура имиджа руководства России и его проекция на политический образ страны в зарубежных СМИ // Мир и Политика. — 2011. — № 09 (60). — С. 40—56.
7. Селиверстова Ю.А. Имидж политического лидера: создание, внедрение, актуализация // Власть. — 2011. — № 01. — С. 71—73.
8. Структура имиджа руководства России и его проекция на политический образ страны в зарубежных СМИ // Мир и политика. — 2011. — № 09 (60). — С. 34—45.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ДИСКУРСНЫЕ ПРАКТИКИ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Баутина Полина Вячеславовна

*канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВПО «Казанский
национальный исследовательский технологический университет»
Волжский филиал, г. Волжск
E-mail: bautin-i@yandex.ru*

Анализ социальной проблематики в современных российских газетных изданиях позволяет утверждать, что СМИ создают общую картину социальной жизни, устанавливают «повестку дня», привлекая внимание к острым вопросам и деятельности разных акторов, ориентируют свою аудиторию на развитие общественных процессов, отражают социальное состояние людей.

Журналист всегда пишет либо о личности, либо об обществе в целом. А с этим всегда связаны и социальные проблемы, и коллизии, и конфликты, поэтому в отрыве от социальности существовать журналистика никак не может. Во второй главе нами будет рассмотрено то, каким социальным проблемам современной России отдается предпочтение, и в какой степени придается легитимность социальным проблемам средствами журналистики федерального и регионального уровня.

Социальные проблемы постсоветской России, можно условно разделить на две большие группы: первая обусловлена трансформацией социальной структуры, вторая — деформацией социального порядка. Социальные проблемы, вызываемые этими процессами, формулируются социологами и политиками в специальной литературе, на закрытых трибунах. Эти проблемы

становятся или не становятся предметом непосредственного рассмотрения российской журналистики. Гипотетически можно утверждать, что федеральная пресса в этом смысле более активна в сравнении с региональными изданиями. Надо также отметить, что внутри обозначенных отрядов печати также нет единообразия: отдельные издания (и федеральные, и региональные) очень по-разному могут вести себя в вопросах участия в социальной политике.

Таким образом, степень освоения социальной проблематики периодикой может быть проявлена через соотнесение: 1) позиций газет по отношению друг к другу; 2) позиций федеральной и региональной прессы; 3) позиций региональной и федеральной прессы по отношению к публичному пространству, другим его каналам легитимации социальной политики.

Для того чтобы произвести соотнесение характеристик газетного содержания по этим направлениям, мы нуждаемся в гибких единицах качественного анализа. Таковыми для нас выступают элементы журналистского дискурса.

В новейших теориях, получивших распространение в искусствознании и социальных науках, дискурс стал одним из широко употребляемых терминов — понятием, не имеющим ясно очерченного и однозначного определения. Часто дискурс и текст используются как взаимозаменяемые понятия. Различия производится либо на основании методологической перспективы (текст = материальный продукт; дискурс = коммуникативный процесс), либо на основе характера связей текстов в рамках одного диалога. Для данного исследования приемлемы оба случая различения. Согласно Богранду и Дресслеру, значение дискурса лежит вне грамматических форм как таковых, поэтому читатели или слушатели должны активно конструировать значение на основе выводов [1, с. 24]. Таким образом, дискурс — это актуальный текст, вызванный к жизни конкретной ситуацией и конкретными явлениями.

Социальные проблемы, став частью публичного дискурса, становятся элементом коммуникации. Дискурсная коммуникация в публичной сфере определяется как когнитивно-коммуникативная триада: адресант — текст — адресат. Существуют различные смысловые поля дискурса — это может быть и лингвистический, и психологический, и социокультурный дискурс. Дискурсы бывают как универсальные, так и специфические. О повседневных дискурсах, как и о темах, используемых в различных ситуациях с разными людьми, мы знаем недостаточно. Дискурсы сами по себе являются социальными действиями, которые могут запоминаться ради самих

себя. Например, острая социальная проблема, касающаяся всех людей, — загрязнение окружающей среды или перенаселенность. Об этом говорят и дискутируют как на уровне отдельной семьи (приватно), так и всего общества (публично). В каждой культуре есть свои табу на определенные темы: например, обсуждение однополых браков в православном мире или «открытая» дискуссия о коррупции в правоохранительных органах.

Таким образом, дискурс, будучи создан людьми и обретая, таким образом, статус артефакта, становится субъектом действия в конкретной практической области. Это дает основание говорить о том, что дискурс — явление социально динамичное и активное: «различные дискурсы — каждый из которых представляет особый способ обобщения и понимания социального мира — вовлечены в постоянную борьбу за достижение своего превосходства» [2, с. 25]. В нашем поле зрения — журналистский дискурс.

Дискурс существует во времени и фактически остается в том временном континууме, в котором был рожден, хотя время идет вперед. По мере удаления во времени текст довольно быстро теряет дискурсное начало и перестает быть дискурсом. Самыми яркими дискурсами являются журналистские тексты: уровень их публицистичности обуславливает уровень дискурсности. Зависимость здесь самая непосредственная. Без дискурсного компонента журналистский текст существовать не может, поскольку произойдет его полный отрыв от реальности. Тематика дискурса, более или менее стереотипна: при наличии информации на определенную тему мы можем предсказать, что случится дальше. Другими словами, наше знание об условиях и следствиях в реальном мире часто служит для нас базой формирования контекстных ожиданий относительно дальнейшего хода повествования в дискурсе. Но дискурс также часто повествует о непредсказуемом или неожиданном. Мы имеем представления о том, какие действия или события описываются обычно в дискурсах разных жанров: в новостях мы ожидаем сообщений о политических событиях, но не о банальных, неинтересных повседневных действиях или фактах. Поэтому большая часть типов дискурса имеет ограничения на диапазон возможных тем, который можно назвать *тематическом репертуаром* определенного типа дискурса. Границы этого тематического репертуара четко не определены, они зависят от интересов, ценностей, социокультурных норм [2, с. 51].

Дискурс дает представление о предметах и людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях либо об их сложном сплетении, т. е. о некотором фрагменте мира, который мы именуем

ситуацией. Каждая новая порция информации об определенной ситуации может быть использована для расширения и совершенствования «ситуативной модели». В СМИ часто встречаются «ситуативные модели», когда контекст является неотъемлемой частью журналистского дискурса. В некоторых случаях мы вспоминаем только контекстную модель проблемы, не помня ситуативную модель (о чем шла речь и как все завершилось). Именно «контекстная модель» определяет типичную эпизодическую природу дискурса и частной ситуационной модели: задает такие параметры, как время, место, способ получения информации о какой-либо проблеме.

Репрезентация самого дискурса (базы проблемы и его поверхностной структуры) является частью контекстной модели, которая находится в систематических отношениях с конструируемой частной ситуационной моделью. Контекстная модель позволяет провести также теоретическое рассмотрение различий между устной и письменной речью. Иногда могут иметь значение различия в способе коммуникации, и это следует отразить в контекстной модели. В фокусе зрения нашего исследования — печатная журналистика. Для нас важно, что в печатном (письменном) тексте обнаруживаются различные сигналы, способствующие формированию базы текста (концепты, категории субъективности, персонажи и «рабочая идея» автора). Концепты (или понятия) — это идеи автора. Коды субъективности (категории) — «жертва», «спаситель», «наблюдатель», «виновник» и пр., в роли которых выступают социальные акторы, персонажи или сам рассказчик; позиция журналиста (ее еще называют «рабочая идея» автора в тексте) показывает определенный взгляд и подачу журналистского материала. Далее, в следующих параграфах, мы непосредственно на практиках будем рассматривать, как проявляют себя эти элементы журналистского дискурса в разных периодических изданиях.

Любой журналистский текст, а именно, текст, достаточно адаптированный к публикации в соответствующих средствах массовой информации, отличается существенной актуализацией отмеченных признаков — коммуникативных, социальных, идеологических. Во многих текстах уровень актуализации данных признаков может достигать максимума — это практически все газетно-журнальные тексты на актуальные общественно-политические и экономические темы.

Кроме коммуникативной задачи в рамках указанных текстов тем или иным образом решаются задачи социального характера — тематически значительные, поднимающие произведения на ступень широкого обобщения. Как правило, в журналистских текстах, если даже

они реализованы в пределах единого тематического направления, могут по-разному проявляться социальные факторы. Они детерминируют, в конечном счете, качественный уровень осуществления социальной функции, обязательно присущей вообще любому журналистскому тексту. С социальным аспектом текстового произведения связан аспект идеологический. Последний, в свою очередь, отражая познавательносмысловую сторону текста, конкретно проявляется в его концепте — «языковом воплощении понятия», своеобразном семантическом ядре.

Дискурсные практики рассматриваются как одно из измерений или один из моментов социальной действительности. Дискурсные практики воспроизводят или изменяют другие измерения социального мира. Создавая дискурс, журналисты тем самым создают новую реальность. Масс-медиа ежеминутно создают и формируют дискурс для общества и его индивидов. Как утверждает исследователь масс-медиа Н. Луман, вся социальная система состоит не из людей, а из коммуникаций, поэтому все медийное пространство занимают всевозможные социальные дискурсы, их интерпретация и толкование.

Таким образом, каждая газета — это отдельный дискурс, реально существующий как коммуникативный процесс или как связь текстов в рамках одного диалога. Нас интересует журналистский дискурс, который является универсальным средством публичной коммуникации. Дискурсные практики в изданиях — это всегда связанные по смыслу и тематике журналистские тексты. Каждая газета старается выделять так называемые «элементарные функции», которые включают в себя: «повестку дня» («злобу дня», «фокус дня»); тематизируют явления, создают героев, наделяя их капиталом известности [3, с. 59]. Субъективная «повестка дня» каждого издания не совпадает у разных социальных субъектов в силу несовпадения их основы — объективных социальных интересов. Но «знаки социального факта» должны совпадать с реальным опытом аудитории. Если этого не будет, то СМИ потеряет «символический капитал», которым может пользоваться и распоряжаться в свое удовольствие. Как правило, такие издания, как «Коммерсантъ», «Новая газета», «Новые известия», дорожат подобным «символическим капиталом», работая в формате «качественной прессы», а таким изданиям, как «Волжская правда», которая является единственным источником информации малого города, потеря «символического капитала» не угрожает. Как показывает дальнейший анализ, такая газета, как «Волжская правда», заняла свое место и информационную нишу на городском медиаландшафте. Поэтому она представляет такую информационную картину, которая удовлетворяет и журналистский коллектив, и учредителей издания.

Итак, журналистскому, и в частности проблемному, дискурсу свойственны в основном те же системообразующие признаки, которые свойственны и любому иному дискурсивному образованию. Любой журналистский текст, а именно, текст, достаточно адаптированный к публикации в соответствующих средствах массовой информации, отличается существенной актуализацией отмеченных признаков — коммуникативных, социальных, идеологических.

Авторский дискурс, в нашем случае, находится в области сферы коммуникативных наук, поэтому, рассуждая далее на эту тему, необходимо затронуть коммуникативные предпосылки проблемного дискурса. Именно с помощью этого метода мы будем изучать, анализировать и делать выводы о социальной журналистике, ее тенденциях и перспективах.

Анализируя социальные проблемы как часть журналистского дискурса, они в свою очередь становятся элементом (или составной частью) коммуникации. Дискурсивная коммуникация в публичной сфере определяется как когнитивно-коммуникативная триада: адресант — текст — адресат, которая проявляет себя в журналистских практиках.

Разбирая дискурс как метод анализа журналистских практик, мы опираемся и рассматриваем его в рамках коммуникативных наук, основываясь на бытовую повседневность — практики адресата и практики адресанта. Практики адресата на наш взгляд — это реально существующие проблемы, которые наличествуют в публичной сфере. Практики адресанта — это сами источники (журналистские практики), которые мы рассматриваем в рамках журналистского дискурса. Выдвигая следующие элементы дискурса: «тематический репертуар», «ситуация», «ситуативная модель», «контекст», «контекстная модель», «концепты», «коды субъективности», «рабочая идея» автора в тексте (ее еще называют позицией журналиста в тексте), мы показываем определенный взгляд и подачу журналистского материала. Благодаря этому принципу мы можем анализировать журналистские практики как качественной прессы, так и периферийной.

Список литературы:

1. Майнхоф У. Дискурс // Контексты современности — П.Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998., 249 с.
2. Филипс Л.Д. , Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: теория и метод / Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный Центр, 2004., 351 с.
3. Фомичева И.Д. Социология СМИ: Учеб. Пособие для студентов вузов / И.Д. Фомичева. — М.: Аспект Пресс, 2007., 368 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ХАРАКТЕР БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Мамедова Рена Октаедр гызы

*канд. филос. наук, доцент кафедры «Социология» Бакинского
Государственного Университета, г. Баку, Азербайджан*

E-mail: reana_mamedova@rambler.ru

*Связь двух лиц различного пола, называемая браком,
это не просто естественный, животный союз
и не просто гражданский договор, а прежде всего
моральный союз, возникающий на основе взаимной любви
и доверия и превращающий супругов в одно лицо.*

Гегель [3, с. 1]

Семью можно считать начальной формой групповой жизни людей, так как именно здесь закладывается и формируется умение жить в обществе.

Социологи традиционно рассматривают семью как социальную группу, члены которой связаны узами родства, брака или усыновления и живут совместно, сотрудничая экономически и заботясь о детях [1, с. 293].

Социолог Энтони Гидденс дал более широкое определение: семья — это ячейка общества, состоящая из людей, которые поддерживают друг друга социально, экономически или психологически либо идентифицируют друг друга как поддерживающую ячейку [1, с. 294].

Институт семьи является одним из самых значимых разделов социологической науки. Основы изучения семьи были заложены в середине XIX века. В этот период двумя известными европейскими статистами Рилтзом и Ф. Ле Пле были проведены масштабные эмпирические исследования, посвященные выявлению влияния на структуру семьи таких социальных факторов, как урбанизация, образование, религия [7, с. 211]. С тех пор к семье не ослабевает внимание социологов, потому что семья представляет собой уникальную структуру.

Многие социологи говорят, что институт брака во многих странах за последние 40 лет сильно ослабел. В качестве аргументов они называют легкость и частоту разводов, вступление в брак в более позднем возрасте, увеличение людей, никогда не состоявших в браке,

рост количества незарегистрированных браков, доступность контрацептивов, рассматривая эти факторы как силы, подтачивающие основы семьи и сводящие на нет ее главную функцию — продолжение рода. Если такая тенденция сохранится, предостерегают социологи и демографы, то индустриальные общества иссякнут, поскольку не смогут воспроизводить сами себя [1, с. 292].

Социологи убеждены в том, что семья является вневременной социальной единицей, уходящей корнями в социальную и биологическую природу человека. Однако общество непрерывно изменяется, семья также должна меняться, приспосабливаясь к социальным переменам. С точки зрения перспективы реорганизации семьи, брак и семья просто изменяются, отражая личные жизненные стили, наблюдаемые в современном обществе. Семья не просто является гибким социальным институтом; она представляет собой один из постоянных факторов человеческого опыта.

Семьи различаются по составу, по типу наследования, месту проживания и по принципу распределения власти.

Признавая все имеющиеся в мире различия в организации и структуре семьи, сторонники функционалистского подхода в социологии стремятся выделить ряд постоянных функций, типичных для любой семьи. Это продолжение рода, социализация, забота, защита и эмоциональная поддержка, придание статуса, регулирование сексуального поведения [1, с. 301-302]. Функционалисты делают упор на задачи, выполняемые семьей, которые служат интересам общества в целом.

Специальным разделом социологии семьи — социологией разводов, исследуется развод как социальный феномен, а также причины разводов.

Мы полагаем, что в современном азербайджанском обществе изучение динамики браков и разводов является востребованной и актуальной задачей, стоящей перед социологами, обществоведами. В свете исследуемого вопроса было бы уместным привести официальные данные о числе браков и разводов в Азербайджане.

Таблица 1.

Браки и разводы в Азербайджане [5, с. 25]

Годы	Число браков	Число разводов
2005	71643	8895
2006	79443	7817
2007	81758	8340
2008	79964	7933

Из приведенной таблицы следует, что с 2005-го по 2007-й гг. наблюдается рост числа заключаемых браков. Вместе с этим, за период с 2005-го до 2006-го года уменьшается число совершаемых разводов. С 2006-го до 2007-го года число заключенных браков возрастает, параллельно с этим увеличивается число разводов. С 2007-го до 2008-го года идет спад числа заключаемых браков и разводов.

В последнее время наблюдается увеличение числа браков гражданок Азербайджана с иностранцами. За первое полугодие 2011-го года между гражданками Азербайджана и иностранцами зарегистрировано 640 брака, в прошлом году это число равнялось 604, говорится в информации Службы реестра актов гражданского состояния Главного управления регистрации и нотариата миноуста. В 2010-м году 19 разводов, а в первом полугодии прошлого года — 41 развод приходятся на браки с иностранцами [2, с. 2].

В Азербайджане за 2010-й год расторгли брак 10 % молодых пар. Согласно официальной информации Государственного комитета по статистике, в 2010-м году в стране зарегистрировано 78,9 тысяч браков, количество же разводов составило 7,8 тысяч [4, с. 1].

Для сравнения хотелось бы отметить, что в начале XX века развод в Азербайджане был очень редким событием. Дело даже не в том, что развод противоречил нравственным и социальным нормам того времени. Как известно, одним из основных факторов, определяющих уровень разводов, является семейно-брачное законодательство. Законодательство, действующее в тот период, крайне ограничивало возможность развода. В 1965-м году было заключено 39077 браков, в 1990-м — 73119. В эти же годы картина с разводами выглядела следующим образом: в 1965-м году — 3537, а в 1990-м году — 14040 разводов [6, с. 292].

По официальной статистике, по сравнению с аналогичным периодом 2010-го года в 2011-м году число разводов возросло: в первой половине 2011-го года в Азербайджане зарегистрировано 5335 разводов, а за аналогичный период прошлого года — 4276 [2, с. 1].

Среди основных факторов развода можно выделить демографические и социально-экономические детерминанты. Когда речь заходит о возрасте, в котором супружеские пары принимают решение о разводе, то следует отметить, что в Азербайджане большей частью разводятся в возрасте 35—39 лет. Только в 2005-м году из 1895 разведенных пар 1870 были в возрасте 35—39 лет. Специалисты утверждают, что доказанный факт измены, большая разница в возрасте между мужем и женой, отсутствие детей также являются причинами, приводящими к разводу. Проведенные в Азербайджане исследования

дают основание утверждать, что наряду с вышеперечисленными причинами толчком к разводу могут послужить неудовлетворительное экономическое, социальное положение, жилищные условия, наркомания, пьянство и другие формы девиантного поведения [6, с. 293].

Госкомитет по проблемам семьи, женщин и детей обнаружил причины увеличения числа разводов в Азербайджане за последние годы. Согласно проведенным исследованиям, первые места в ряде причин разводов в Азербайджане занимают материальные интересы сторон при заключении брака, принуждение родителями детей при создании семьи и чрезмерное внимание к внешности [2, с. 1].

Одной из причин разводов является сожительство мужа с другой женщиной. В разрушении семьи особую роль играет бытовое насилие. Больше всего в семьях от бытового насилия страдают женщины и дети. Госкомитет проводит просветительские работы с женщинами и детьми в этом направлении, и в каждой семье должны с уважением относиться к ценностям азербайджанской семьи, а мелкие проблемы не должны становиться причиной для развода.

Тенденция роста разводов в Азербайджане вызывает беспокойство, и, по мнению экспертов, это связано с различными причинами. По мнению председателя комитета по социальной политике Милли Меджлиса Хады Раджабли на первом месте среди них — психоэмоциональный фактор, бесосновательные семейные скандалы, людская молва. По словам депутата, разводами заканчиваются также скандалы между невесткой и свекровью, невесткой и золовкой, невесткой и женой деверя. Подчеркнув в качестве другой причины разводов ранние браки, Раджабли сказал о том, что около пяти тысяч пар, заключивших брак в 2010-м году, составляют лица, не достигшие 18 лет.

Депутат Эльмира Ахундова главную причину разводов видит в недостатках института семьи, в неуважительном отношении к нему. Также депутат в качестве причины разводов отмечает неподготовленность молодежи к семейной жизни.

Вступающие в брак часто бывают психологически не подготовленными к созданию семьи. И молодоженам заранее необходимо обозначить общие цели, научиться находить компромисс и осознать свои внутрисемейные функции.

По мнению психолога Азада Исазаде большинство обращающихся к нему женщин жалуются на насилие в семье. Это и является главной причиной распада семей. Однако часто супруги расходятся из-за социально-бытовых, финансовых проблем и сексуальной несовместимости. Психолог не исключает влияние на распад семьи постороннего вмешательства, разговоров и слухов.

Председатель Центра защиты религиозных убеждений и свободы совести Ильгар Ибрагимовлу главную причину роста числа разводов видит в телевидении [4, с. 2]. На транслируемых по телеканалам передачах, сериалах пропагандируются отрицательные примеры, и в такой ситуации рост числа разводов естественен. На наш взгляд эта пропаганда особенно влияет на молодых людей, у которых нет психологической, моральной опоры.

Мы полагаем, что необходимо начать религиозное просвещение в этой области путем организации научных лекций, обсуждений, с привлечением молодежи, представителей старшего поколения и специалистов.

На наш взгляд, на уменьшение числа разводов может повлиять и заключение брачного договора между мужем и женой. При наличии брачного договора семьи могут отказаться от развода, если перед ними станет угроза существенных лишений. Брачный договор позволяет решить все проблемы при разводе цивилизным путем. Договор должен соответствовать требованиям существующего законодательства. Многие считают, что если одна из вступающих в брак сторон требует от другой заключения брачного договора, это говорит о недоверии между ними. В наших семьях при разводах родители часто используют детей в качестве средства для достижения своих целей. А это наносит психологии детей серьезный удар. Если между сторонами будет заключен брачный договор, при разводах положение женщин и детей будет намного лучше. Среди граждан должна вестись просветительская работа о преимуществах заключения брачных договоров. Людям должны быть разъяснены негативные последствия отсутствия брачного договора.

Без сомнения, значение брака изменилось, а вместе с ним изменился и институт семьи, но правомерно предположить, что семья будет продолжать адаптироваться к существующим условиям, а исследования семьи и ее трансформации в условиях современного общества будут продолжаться и углубляться.

Список литературы:

1. Волков Ю.Г., Добренков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология, М., Гардарики, 2004, 512 с.
2. Названы основные причины разводов в Азербайджане. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://news.day.az/society/280667.html> (дата обращения 10.05.2011 г.)
3. Цитаты великих [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.epwr.ru/quotation/txt_155.php (дата обращения 09.07.2012 г.)

4. Чем в Азербайджане обусловлен факт роста разводов? — комментарий. [электронный ресурс] — Режим доступа. - URL: //http://www.trend.az/life/ (дата обращения 21.12.2011 г.)
5. Azərbaycan rəqəmlərdə. Dövlət Statistika Komitəsi. Bakı, Səda. 2009, 809 s.
6. Vahidov F.Q., Ağayev T.B. Sosiologiya. Ali məktəblər üçün dərs vəsaiti. Bakı, Təknur, 2008, 334 s.
7. Ümumi sosiologiya. Dərs vəsaiti. Qolenkova Z.T., Akuliç M.M., Kuznetsov V.N. Tərcümə edən f.e.d., professor İ.Ə.Rüstəmov. Bakı, “Diplomat”, 2007, 494 s.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ОПИСАНИЕ ЦЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ «КОНЕЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТОК»

Аксютина Зульфия Абдуллоевна

канд. пед. наук, доцент ОмГПУ, г. Омск

E-mail: aksutina_zulfia@mail.ru

В основе методологии социального воспитания лежит общефилософское направление научного познания, указывающее пути исследования функционирования всего общества, его групп и развития отдельной личности, индивида в конкретных историко-культурных условиях общества, а также пути исследования воздействия отдельных групп на социальное формирование личности.

В современной ситуации модернизации общества просматриваются проблемы обостренного внимания к человеку, повышения роли человеческого фактора, трудностей решения этой проблемы в переходный период. Актуальность и востребованность характеристики воспитания как социального явления и научной категории определяются двумя обстоятельствами. Во-первых, настоятельной теоретической и практической потребностью в научно-педагогических рекомендациях для решения сложных, многоуровневых задач воспитания, развития личности в условиях педагогизации среды и модернизации образования, в том числе потребностью в научно-методическом обобщении опыта (массового и передового) для комплексного решения широкого круга воспитательных задач. И, во-вторых, известным расширением сферы педагогического регулирования, имея в виду под этим следующее: школа

не организующий, а педагогический центр, призванный быть в авангарде социального воспитания [3].

Начиная с первой половины XIX в. усиливается социологический подход к предмету педагогики, происходит ее обогащение социальными идеями, пересматриваются взаимоотношения с социальными интересами, социальной практикой, усиливается социальное видение воспитания, возрастает интерес к проблемам социализации личности (О. Вильман, П. Барт, Д. Дьюи, Ф. Паульсен и др.) [1; 2]. И с конца XIX в. с появлением работ по социальной педагогике, впервые социальное воспитание стало рассматриваться как научная категория. Как отдельное понятие оно не выделено до сих пор, не рассмотрены его исторические корни: возникновение и аспекты его существования как основного механизма эволюции человека и общества, основы межкультурных взаимосвязей.

Мы определяем социальное воспитание как процесс деятельности социума по воспроизводству человека готового к жизни в новых условиях — условиях глобального общества, с учетом социально-образовательных потребностей личности, общества и государства.

Социальное воспитание направлено на преобразование окружающей среды, создание гуманных отношений в социуме, поиск педагогически компетентных решений в различных, в том числе личностно-кризисных ситуациях. *Целью социального воспитания является формирование способности человека к активному функционированию в конкретной социальной ситуации при обеспечении развития личности как неповторимой человеческой индивидуальности.*

Проведем идентификацию целей социального воспитания на базе категориальной модели «Конечный информационный поток»

Изложим кратко суть категориальной модели «*Конечный информационный поток*» (КИП).

Каждым исследователем в процессе познания инициируется возникновение и развитие особого информационного пространства (среды) между собой и объектом, называемого «*конечный информационный поток*». Он представляет собой специально организованный информационный образ объекта исследования, характеризующий его в совокупности с самим процессом познания [4, с. 97].

Основной единицей представления информации в КИП является информационный критерий (ИК), фиксирующий любую новую познавательную информацию об объекте. Информационные критерии имеют определённую последовательность, которая отражает, с одной стороны, процесс познания объекта, развитие представления о нём во всей качественной определённости, с другой стороны, процесс

развития самого объекта, порядок обретения им новых качественных характеристик. Цели социального воспитания в модели *КИП* репрезентируются как системные объекты, развивающиеся в строго заданных направлениях.

Категориальная модель *КИП* позволяет получить новые данные о сущности и качественных характеристиках целей социального воспитания, а также об особенностях их функционирования. Все эти аспекты отражаются тремя параметрами модели — *ЛУ*, *ЛП* и *Т* (рис. 1), — которые обеспечивают адекватность процедуры идентификации и описания целей социального воспитания.

Логический уровень (*ЛУ*) обозначает глубину информационного взаимодействия исследователя с объектом, степень его проникновения в источник информации. Это показатель поиска принципиально нового в предмете. Открытие новой качественной характеристики в объекте означает возникновение нового *ИК* и, соответственно, повышение *ЛУ*, что отражает следующую ступень в эволюции объекта исследования (на рис. 1 *ЛУ* — высота одной секции фигуры *КИП*).

Эволюция целей социального воспитания приводит к их трансформации от более простой к более развитой и, соответственно, более сложной социально-воспитательной системе.

Данный принцип, очевидно, будет действовать и для целей социального воспитания, формируемых в рамках государственной (региональной) воспитательной политики. Отличие в данном случае будет лишь в разнице исходной платформы для дальнейшей эволюции. Сегодня в качестве ядра, вокруг которого формируются цели социального воспитания, часто выступают исследовательские организации, образовательные учреждения и другие структуры, способствующие созданию таких специфических факторов социального воспитания как микро-, мезо-, макро-, мегафакторы воспитания.

Итак, *ЛУ* обозначает каждое новое качество целей социального воспитания (его конечный результат), которое задает ему новую качественную определённую. Это позволяет идентифицировать цели социального воспитания, начиная с любого *ЛУ*, опознанного исследователем, двигаясь в процессе идентификации через сопряжённые уровни к минимальному из существующих в идентифицируемой цели и максимальному. Ниже приведён комплекс параметров *ЛУ* для *КИП* целей социального воспитания, на основе которого формализуется процедура идентификации и первичного описания социального воспитания. Заметим, что перечень выделенных автором целей социального воспитания и их последовательность отражают его представление о логике прогрессивного развития данного

системного объекта, которое основано на примерах реального общественного развития, описанных исследователями в специальной литературе. Отметим также, что речь идёт о целях социального воспитания, возникших и развивающихся в процессе общественно-исторического развития. В зависимости от того, какова последовательность появления новых качеств у целей социального воспитания, его эволюция может иметь разную траекторию, отражающуюся в разной последовательности параметров ЛУ.

Итак, комплекс параметров ЛУ для КИП целей социального воспитания за рубежом может принимать следующий вид.

ЛУ1 — Воспитание человека в интересах государства. Данный параметр указывает на наличие в целях социального воспитания интересов конкретного государства. Так, напр. В Древнем Риме была жестко выраженная цель формирования воина, готового к жизни в суровых условиях завоеваний на чужбине. На этом уровне происходило зарождение системы социального воспитания.

ЛУ2 — Воспитание автономной личности, «частного» человека. Параметр показывает вовлечение в цель социального воспитания появление нового ресурса «личности». Личность начинает прогрессивно развиваться, что проявляется в снижении влияния государства и появление большого количества творческих изысканий. Эта цель хорошо прослеживается в эпоху Возрождения, однако отметим, что прежде всего у господствующих классов. Человеку из народа трудно было овладеть системой научных знаний, либо освоить основы искусств. Это были приоритеты власть имущих.

Рисунок 1. Конечный информационный поток целей социального воспитания за рубежом

ЛУ3 — Воспитание автономной личности, индивидуальности, гражданина. Цель социального воспитания данного уровня вовлекает в свой процесс индивидуализацию, ориентацию на формирование личности способной жить автономно. Цель социального воспитания становится более развитой.

ЛУ4 — Воспитание человека готового жить общественными интересами, содействовать благу общества. Очевидно, что данной цели социального воспитания способствовали исторические события, коснувшиеся всего человечества. Прежде всего, история второй мировой войны дала понять, что человек, живущий лишь своими личными интересами, выпавший из социальной жизни, отказавшийся от критического отношения к происходящим социальным событиям стимулирует патологическое развитие социума, содействуют негативным проявлениям человеческого существования.

ЛУ5 — Воспитание умения ориентироваться в изменяющемся мире. На данном уровне цели социального воспитания обогащаются за счёт динамично развивающихся технологий, обеспечивающих разработки новаций в социальном воспитании. Социальное воспитание становится исследовательским. Это современный уровень развития социального воспитания.

Для наглядного сравнения целей социального воспитания за рубежом и в России рассмотрим комплекс параметров *ЛУ* для *КИП* целей социального воспитания в нашей стране.

ЛУ1 — Воспитание человека способного к коллективному существованию. Данный параметр указывает на наличие в целях социального воспитания интересов коллектива. Принцип совместной организации жизни особо ярко просматривается на примере сельских поселений. До сих пор в деревнях сохранились традиции, связанные с оказанием помощи. Напр.: на строительство дома собирается все взрослое население. На этом уровне происходило зарождение системы социального воспитания на Руси.

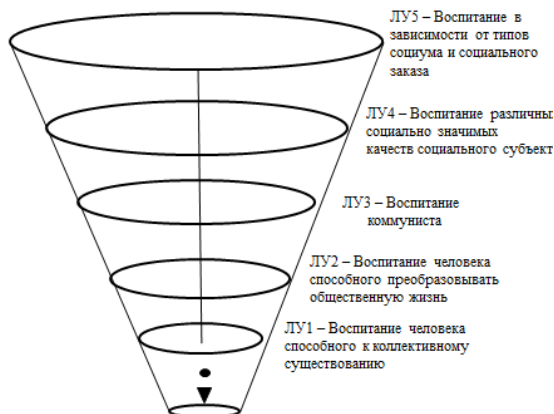
ЛУ2 — Воспитание человека способного преобразовывать общественную жизнь. Данная цель социального воспитания активно прорабатывалась начиная примерно с середины XIX в. до Октябрьской революции. Стране нужны были социальные преобразования, которые мог бы осуществлять человек.

ЛУ3 — Воспитание коммуниста. Данная цель была характерна для Советского Союза. Эта цель всячески декларировалась. Напр.: в учебных аудиториях вывешивался красный стяг, на котором был золотыми буквами написан кодекс строителя коммунизма. Цель

социального воспитания становится более узкой не терпящей плюрализма и инакомыслия.

ЛУ4 — Воспитание различных социально значимых качеств социального субъекта. Очевидно, что данной цели социального воспитания способствовали события, связанные с перестройкой социалистического уклада жизни на рыночный. В условиях рынка человек должен стать активным, т.е. субъектом прежде всего своей жизни и жизни общественной.

ЛУ5 — Воспитание в зависимости от типов социума и социального заказа. На данном уровне цели социального воспитания обогащаются за счёт динамично развивающихся социальных процессов и процессов связанных с расслоением населения по принципу наличия финансовых ресурсов. Данный подход неизбежно может привести к трансформации всей социальной системы общественной жизни.

Рисунок 2. Конечный информационный поток целей социального воспитания в России

Итак, идентификация и описание целей социального воспитания могут выполняться с помощью не вполне традиционного пока для исследований инструмента — категориальной модели «*Конечный информационный поток*». Данный подход позволяет идентификацию целей социального воспитания реализовать, опираясь на понимание их качественных характеристик, выраженных определенными категориальными параметрами. Идентификационная процедура обретает вид целенаправленного поиска качественных характеристик,

выраженных комплексом *ЛУ*, носителями которых в структурах социального воспитания являются цели. Весомым достоинством описанного подхода является необязательность выявления ядра целей социального воспитания на первых этапах идентификации, которая на базе модели *КИП* выполняется, начиная с любого выявленного *ЛУ*.

Таким образом, идентификация и описание структуры целей социального воспитания может осуществляться, как видно из представленного материала, с применением категориальных методов, что повышает полноту и точность данных процедур, позволяет учитывать динамику происходящих в социальном воспитании процессов и более продуктивно применять количественные методы анализа с учётом результатов качественного моделирования.

Кроме того, проведенный анализ целей социального воспитания позволяют утверждать, что развитие социального воспитания в России в отличие от других стран шло своим индивидуальным путем, обусловленным историческими преобразованиями, происходящими в стране.

Список литературы:

1. Дьюи Д. Введение в философию воспитания — М.: Работник просвещения, 1921. — 62 с.
2. Дьюи Д. Школа и общество; Школа и ребенок // История зарубежной дошкольной педагогики: Хрестоматия / сост. Н.Б. Мчедлидзе и др. — М., 1986. — С. 338 — 345.
3. Мудрик А.В., Плоткин М. М. Социальное воспитание и социальная педагогика / Социальная педагогика: Монография / Под ред. В.Г. Бочаровой. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. — С. 110-145.
4. Разумов В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: Учеб. пособие. — Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. — 277 с.

ФАКТОРЫ РЕНЕССАНСА НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Савин Валерий Викторович

*ассистент кафедры процессы и аппараты химических
производств, соискатель ученой степени кандидата философских
наук, Волгоградский государственный технический университет,
г. Волгоград
E-mail: yvs-5@mail.ru*

Проблемам становления социальной парадигмы в условиях современной цивилизации, глобализационных процессов, уделяли и уделяют серьезное внимание ученые — наши соотечественники и зарубежные исследователи: В.И. Вернадский, Ю.В. Шишков, В.И. Самохвалова, Г.Г. Дилигенский, А.И. Уткин, Е.Ю. Леонтьева, И.А. Герасимова, И. Пригожин А.Б. Вебер, У. Бек, З. Бжезинский, О. Конт и другие.

Отметим, что И. Пригожин рассматривает конец XX века как чрезвычайно важный период в развитии науки, как «тот период научной революции, когда коренной переоценке подвергается место и самое существо научного подхода, — период, несколько напоминающий возникновение научного подхода в Древней Греции или его возрождение во времена Галилея» [16, с. 18].

Характеризуя основные черты современного периода научной революции, Пригожин пишет, что классическая наука всячески подчеркивала порядок и устойчивость. «Мы же, наоборот, видим флуктуации, неустойчивость, выбор одной из многих возможностей и ограниченную предсказуемость на всех уровнях наблюдения» [17, с. 11].

Работы И. Пригожина вновь ставят вопрос о соотношении естественных и гуманитарных наук, об ограниченной номотетичности первых и ограниченной идиографичности вторых. На современном этапе развития методологии социального познания это соотношение проявляется в виде противостояния двух парадигм, двух исследовательских программ — натуралистической, формирующей нормы научности обществознания по образцу естественных наук, и культуроцентристской, основанной на процедурах индивидуализации [19, с. 61].

В одном из фундаментальных отечественных исследований по теории познания, автор раздела «Познание социальной реальности» Семенов Е.В. справедливо указывает на то, что «социальное познание — это огромный мир, богатый и разнообразный, который сейчас уже трудно охватить целиком. Он давно противостоит миру

естественных наук, противостоит не в плане конкуренции, а в силу своей специфики и стремления к самоорганизации» [18, с. 65].

С этим нельзя не согласиться, вполне очевидно, что это действительно особый мир со своими проблемами, методами, подходами. Этот мир еще не сложившийся окончательно, но формирующийся на наших глазах в условиях глобального социума. Данное суждение раскрывает сущность и задачи современного социального познания: получение нового знания в сфере глобального социума, который необходимо рассматривать в качестве феномена. Наиболее напряженный комплекс проблем порожден культурным многообразием человечества.

Дело в том, что объектом воздействия глобализации является не столько экономика, политика, культура, сколько само человеческое сознание. Трансформируются представления человека о мире, обществе, меняются сами механизмы выбора жизненных стратегий, а глобальный социум выступает как совокупность всех индивидуумов, объединенных в единую формацию, выражает сумму тех связей и отношений, которые существуют между людьми. Социальное познание в этих условиях призвано воплотить единую цель — обеспечить индивида, общество необходимым знанием для совершенствования глобализационных процессов, подчиненных интересам человечества. И для решения этих задач не правомерно игнорировать натуралистическую парадигму в социальном познании. В настоящее время можно выделить ряд факторов, свидетельствующих о необходимости возрождения этой парадигмы.

Таковыми факторами являются с нашей точки зрения:

- идея творчества как объединяющая начало любого познания;
- развитие теории ноосферы;
- достижения науки конца XX века (новый взгляд на законы «квантовой механики», законы разветвления Вселенной, антропный принцип, тайны пропорции Фибоначчи).

Почему проявляется повышенный интерес именно к творческому процессу социального познания?

Да потому, что новое знание приобретается в процессе «творческого» состояния субъекта в отношении объекта исследования. Анализ творческих процессов убеждает в том, что границы между сознательным и бессознательным подвижны, творчество не знает границ в установлении путей контакта, диалога и даже сотрудничества с бессознательным.

И.А. Герасимова в своей работе [7] **отмечает**, «что внутренняя мысленная реальность создает события внешней реальности,

воплощается в ней, пройдя путь трансформации. Событие, уже созданное в реальности мысли, «достраивается» (до-конкретизируется) на физическом плане». **Она продолжает:** «Если в непосредственном переживании субъект и мысленные репрезентации объекта слиты — в этом состоянии человек сам есть свое переживание, то для рефлексивных актов осознания и познания необходимо выделить объект, его отделить. Познание чувств, требует их отделения и трансформацию в форму, пригодную для сознательного освоения, управления и использования в творческих целях. Эти возможности реализуются наиболее явно и полно в литературе и искусстве» [7, с. 93].

В заключении автор делает вывод о том, что в искусстве «очевиден факт — спонтанность, естественность и легкость мастера достигаются напряженнейшим предшествующим трудом и самодисциплиной. В образовании и обучении путь к творческой спонтанности через дисциплину более надежный» [7, с. 99].

Человек в искусстве, в процессе творчества, оказывается способным продемонстрировать изысканные качества на пределе возможностей «среднего» индивида. А это, по сути, часть жизнедеятельности человека, жизненной среды, хотя, пожалуй, самой активной.

Известный русский ученый К.Н. Леонтьев при изучении социальных явлений впервые обратил внимание на то, что сама жизнь противостоит энтропийным процессам, подчиняющимся второму началу термодинамики. Дальнейшее развитие идеи Леонтьева получили в трудах Н.А. Умова, С.А. Подолинского, П.А. Флоренского, немецкого физика Ф. Ауэрбаха, в биосферном учении В.И. Вернадского. Эти мыслители изобрели понятие ценности энергии, позволяющее выносить точные суждения об энергетическом потенциале всякой физической и органической системы.

«Жизнь, — писал Ауэрбах, — это та организация, которую мир создал для борьбы против обесценения энергии» [2, с. 48]. В той же книге [2] Ауэрбах утверждал: «Если энтропическое есть, по Больцману, вероятное, то в соответствии с этим эктропическое (антиэнтропийное) будет невероятное. Ряд вероятных и всё более вероятных явлений образуют процесс нисхождения, вмешательство невероятного осуществляет процесс восхождения. Демон или страж Тэта» [2, с. 54].

В Земной биосфере происходят невероятные, с точки зрения категорий механистической физики, явления. Она накапливает огромные, по земным меркам, количества ценной, *превратимой*, по терминологии С.А. Подолинского, энергии [15, с. 81]. Вернадский называл её *свободной* и указывал, «что жизнь, сопровождаемая

необратимыми процессами в биосфере, увеличивает, а не уменьшает с ходом времени «свободную энергию этой оболочки» То есть: «Живое вещество является носителем и создателем свободной энергии, ни в одной земной оболочке в таком масштабе не существующей» [5, с. 102].

Чем шире и глубже становятся наши знания и социальный опыт, тем с большим интересом мы вчитываемся в слова Вернадского: «...основное влияние мысли человека как геологического фактора выявляется в научном ее проявлении: оно главным образом строит и направляет техническую работу человечества, переделывающую биосферу» [6, с. 190]; там же «появилась в ясной реальной форме возможная для создания единства человечества сила — *научная мысль*, переживающая небывалый взрыв творчества» [6, с. 213]. В этих словах мы теперь видим новые элементы содержания.

Н. Бердяев в своей работе «Смысл творчества» говорит о творении энергии из ничего, он отмечает, что человек родствен и подобен космосу, но не потому, что он дробная часть космоса, а потому, что он сам целый космос и одного с космосом состава [3].

Аналогичный феномен (творение энергии из ничего) мы встречаем на принципиально ином уровне мироздания — в «квантовой механике».

В картине атома по Бору, электроны переходят вниз и вверх по орбитам дискретными скачками — с одной разрешенной орбиты на другую, подобно тому, как мы поднимаемся и спускаемся по ступеням лестницы. Каждый скачок обязательно сопровождается испусканием или поглощением кванта энергии электромагнитного излучения, который мы называем фотоном.

Менский дополняет, что «концептуальный анализ квантовой механики приводит к необходимости ввести в эту теорию сознание наблюдателя как необходимый элемент. Это, в свою очередь, откроет путь к непосредственному контакту между физикой и психологией, а если смотреть более широко — то между естественными науками, с одной стороны, и различными способами изучения духовного мира человека — с другой» [12, с. 71].

Может между творческим процессом и проявлением «квантовой механики» есть что-то общее, и есть смысл провести параллель, сравнить эти явления?

Процессы творчества в социальном познании и процессы «квантовой механики» имеют общее в своей природе: приращения энергии из «ничего», что говорит о связи этих явлений с законами гармонии Вселенной, законами ряда Фибоначчи.

За последние два десятилетия появились публикации теоретического характера, разрабатывающие проблемы становления и формирования новой парадигмы социального познания. Особенно выделяются в этом ряду монографии В.В. Ильина, А.М. Коршунова. Вопросам методологии социального познания посвящены работы В.П. Кохановского, М.Н. Насирова, С.С. Хоружий, Е.А. Мамчур, Л.А. Шелепина, С. Хокинга, К. Поппера и других. Так, Е.Ю. Леонтьева полагает, что социальное познание неизменно включает в себя так называемых медиаторов — посредников между познаваемым объектом и собственно субъектом [10]. А по мнению Насирова, для социального познания прямое перенесение естественнонаучной парадигмы не представляется возможным: «Во-первых, потому, что пока не было сделано открытия, способного убедить все научное сообщество и служащего основанием для создания общеобязательной картины какого-либо среза общественной жизни или общества в целом. Во-вторых, социальное познание не основано на принципе модификации математических моделей, обладающем исключительной убедительностью для естественнонаучного мышления, она часто определяется изменениями самой социальной жизни. В-третьих, в истории социальной мысли трудно обнаружить периоды господства какого-либо одного способа мышления, который, исчерпав свои возможности, заменялся бы другим способом мышления» [13, с. 98].

Однако существуют и другие точки зрения по этому вопросу. Относительно недавно, в 1973 году английским физиком Б. Картером был введен в научной среде термин «антропный принцип». Общее содержание антропного принципа заключается в установлении взаимосвязи между фундаментальными параметрами Вселенной и присутствием в ней человека. Более строго — это соотношение между наличием наблюдателя и зафиксированными им свойствами Вселенной.

Философские проблемы антропного принципа участия были во многом предвосхищены в трансцендентализме И. Канта. Вселенная без наблюдателя строго не существует, а явления без знания о них, по мнению Канта, отсутствуют [9].

По существу этого вопроса, А. Болдачев в своей работе отметил, что «можно сформулировать два крайних предположения обосновывающих антропный принцип: 1) разум в нашей Метагалактике явление абсолютно случайное, которое стало возможным лишь благодаря маловероятному, но реализованному совпадению многих независимых физических параметров; 2) наличие биологической и социальной форм движения закономерное следствие развития

Вселенной, а все ее физические характеристики взаимосвязаны и взаимообусловлены таким образом, что с необходимостью вызывают появление разума» [4, с. 98].

Несколько с иной стороны подходит к интересующей нас проблеме Л.Н Гумилев, который разрабатывал проблему этногенеза (происхождения народов). Он усматривал прямую зависимость этногенеза от конкретной географической среды. По его мнению, эта среда является фрагментом биосферы Земли, которая входит в состав Солнечной системы — участка Галактики. И он приходит к выводу, что «человек и общество являются составной частью Вселенной и существуют в общей цепи иерархической совместимости микромира (человека) с макромиром (космосом)» [8, с. 115].

Из сказанного можно предположить, что парадигма социального познания представляет, по сути, то же, что и другие парадигмы, т.е. социально-гуманитарная, естественнонаучная и прочие имеют в своем основании некий единый корень. Это положение обусловлено идеей единства законов природы и космоса для всех уровней бытия, от микро — до макро — структур, включая общество, индивида и все процессы взаимодействия между ними. То есть, мир един по своему происхождению: свою «начальную точку» имеют галактики, наша солнечная система, человек и другие материальные и духовные явления. Все многообразие человеческих этносов, рас, индивидов имеет единый «корень» — возникновение и становление вселенной в целом и Солнечной системы в частности.

В подтверждение своих слов обратимся к предметам принципиально других областей знания, уже даже не естественнонаучного, а технического. Рассмотрим такие процессы, как сверхпластичность, обратим внимание на технические характеристики «квантового атомного двигателя», проанализируем гипотезы возникновения Вселенной [14, 21, 22]. В каждом из этих различных феноменов мы обнаруживаем присутствие пропорции Фибоначчи, более того, на наш взгляд, она проявляет себя как причинная характеристика.

При углубленном изучении указанных явлений, было обнаружено, что пропорция Фибоначчи проявляет себя:

- в суперсимметричном партнере гравитона со спином $\frac{3}{2}$ (первичный элемент Вселенной) [14];

- в работе квантового атомного двигателя, в искусственно созданных оптических решетках, обеспечивая максимум скорости «носителя» при разности фаз $\frac{\pi}{2}$ и $\frac{3\pi}{2}$ [21];

- в процессе сверхпластичности пропорция Фибоначчи $\frac{2}{3\pi}$ и π обеспечивает миграцию тройного стыка для проявления СП [22];

- проявляют свою квантовую сущность в проводниках, свернутых в спираль Фибоначчи, демонстрируя самоподдерживающуюся систему модели Галактики.

Во Вселенной предсказывается существование суперсимметричного партнера гравитона, а, именно, — массивного, со спином $3/2$ [14]. Микро уровень квантового атомного двигателя несет в себе те же параметры, что и Вселенная — пропорцию золотого сечения. Максимум скорости «носителя» квантового атомного двигателя будет наблюдаться, когда разность фаз равна $\pi/2$ и $3\pi/2$. Отрицательное значение скорости означает, что атом («носитель») вращается в противоположную сторону [21]. Пример работы квантового атомного двигателя дает нам возможность наглядно убедиться в том, что пропорция Фибоначчи проявляет себя на макро (Вселенная) и микро (квантовый атомный двигатель) уровнях.

В процессе исследования проявлений пропорции ряда Фибоначчи нами были проведены эксперименты. Соблюдая пропорции нашей Галактики, принимая то, что она представляет собой спираль Фибоначчи, из алюминиевой проволоки в трехмерном измерении её смоделировали. Построили ряд Фибоначчи — $8.1 \cdot 10^{-10}$; $12.15 \cdot 10^{-10}$; $20.25 \cdot 10^{-10}$; $32.4 \cdot 10^{-10}$ (м)... За исходный параметр для построения ряда Фибоначчи приняли период решетки алюминия — $4.05 \cdot 10^{-10}$ м, так как полагаем, что этот параметр может служить первичным звеном построения кристаллической решетки алюминия.

Показания активного сопротивления проводника снималось в течение двух дней — 8 и 9 сентября 2009 года на приборе LCR Цифровом E 7—8 для определения влияния конфигурации спирали Фибоначчи на эффект проводимости. Было подготовлено четыре варианта эксперимента на алюминиевом проводнике $D=0,7$ мм, $L=800$ мм: проводник развернут в длину; свернут плавной кривой в спираль Фибоначчи (моделирование Галактики); свернут ломаной кривой в спираль Фибоначчи (моделирование Галактики); свернут плавной кривой в логарифмическую спираль (моделирование Галактики).

Показания прибора 0.000 (Ом) проводника свернутого плавной кривой в спираль Фибоначчи (моделирование Галактики), является подтверждением работы закона квантовой механики: конфигурация спирали Фибоначчи влияет на эффект проводимости, обеспечивая демонстрацию самоподдерживающейся системы — модели Галактики.

Что характерно, проволока свернутая ломаной кривой в спираль Фибоначчи (значение прибора — 0.052 Ом), показывает проводимость

значительно выше проводника развернутого в длину (значение прибора — 0.142 Ом) и свернутого в плавную кривую логарифмической спирали (значение прибора — 0.214 Ом).

Теория квантовой механики на наш взгляд имеет перспективу применения не только в области единичной или множественной физических систем в микроструктурах, но может успешно объяснять и макроструктуры, включая общество, индивида и все процессы взаимодействия между ними. Закономерности ряда Фибоначчи дают такую перспективу.

Действительно, революционные изменения в эпистемологии были сделаны именно квантовой механикой. По мнению Мамчур: «Эта теория потребовала не только введения новых понятий, ее открытие означало пересмотр основополагающих эпистемологических принципов научного знания. С появлением этой теории подверглись ревизии существующие представления о детерминизме (изменились представления о законе природы), произошли изменения в содержании идеалов объективности знания» [11, с. 7].

Легендарный английский физик-теоретик, философ, ниспровергатель вековых теорий С. Хокинг по сути кратко изложил историю физики элементарных частиц, сосредоточившись на ключевых фигурах и теориях в этой области, начиная с Аристотеля и заканчивая Стивеном Вейнбергом (Stephen Weinberg, нобелевский лауреат, родившийся в 1933 году) [20].

Он перекидывает мостик от древнейших представлений об устройстве Вселенной к современным воззрениям, переходя от Большого Взрыва и природы пространства-времени к черным дырам и теории струн. Но более всего Хокинга занимает перспектива создания великой объединенной теории, «теории всего». «Некоторые люди будут сильно разочарованы, узнав, что окончательной теории нет — сказал Хокинг. — Я тоже принадлежал к этому лагерю, но теперь я передумал. Мы будем всегда иметь дело с вызовом со стороны новых научных открытий. Без этого цивилизация будет застаиваться. Поиск можно продолжать очень долго» [20, с. 154].

Хокинг ставит общий мировоззренческий вопрос: каков мир изначально? «Если наш мир — немарковский, и используется бесконечно далекая память (с самого начала развития), то некая первоначальная информация в принципе может определить эволюцию. В этом плане отмечались также определенные параллели с философией Г. Гегеля, который ввел понятие абсолютной идеи — абсолютного духовного и разумного начала, лежащего в основе всех явлений природы и общества» [1, с. 97].

Нам представляется, что все сказанное выше позволяет утверждать, что социально-гуманитарное, естественнонаучное, техническое познание имеют одно единое основание — мир в целом. Он многообразен и противоречив, но это один мир, ставший таковым в результате Большого взрыва. В силу этого, в нем на макро, и на микро, на социальном уровнях, действуют и проявляют себя одинаковые законы, пропорции, постоянные. И потому есть смысл говорить о возможности построения единой познавательной парадигмы различных наук.

Таким образом, натуралистическая парадигма представляет не только исследовательский интерес, но и реальные научные доказательства его эффективности в применении к социальному познанию.

Список литературы:

1. Азроянц Э.А., Харитонов А.С., Шелепин Л.А. Немарковские процессы как новая парадигма. Вопросы философии. № 7. 1999. с. 94—104.
2. Ауэрбах Ф. Эктропизм жизни или физическая теория жизни, Лейпциг: Wilhelm Engelmann, 1945. с. 114.
3. Бердяев Н. Смысл творчества. ООО Издательство «АСТ Москва». 2007. с. 668.
4. Болдачев А. Антропный принцип и глобальный эволюционизм. On-Line кабинет. 2006. с. 5.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М. Наука. 1991. с. 385.
6. Вернадский В.И. Химико-биологические взаимодействия и новое в учении о биосфере. Инновации. Вып. 10. М.: 2009. с. 376.
7. Герасимова И.А. Творческое сознание как дисциплинированная спонтанность. Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. М.: ИФ РАН, 2006. С 92 — 108.
8. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — АСТ, Астрель, ISBN: 5170318111. 2005. с. 512.
9. Кант И. Критика чистого разума. Сочинение в 6 т. Т. 3, М. Мысль, 1964. с. 834.
10. Леонтьева Е.Ю. Медиаторы социального познания (постановка проблемы) / Е.Ю. Леонтьева, В.А. Потапов // Философское осмысление социально—экономических проблем: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13 / ВолгГТУ, Каф. философии. - Волгоград, 2009. — с. 93—98.
11. Мамчур Е.А. Присутствуем ли мы при кризисе эпистемологических оснований парадигмы физического знания? Электронная библиотека. ИФ РАН, 2001.с. 20.

12. Менский М.Б. Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами. Вопросы философии № 6, 2004. с. 64 — 74.
13. Насиров МН Проблема отрицания парадигмальности социального познания. Теория и практика общественного развития № 2. 2010. с. 95—101.
14. Павленко А.Н. Современная космология: проблемы обоснования. Астрономия и современная картина мира. М.: ИФ РАН, 1996. с. 56—83.
15. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. «Ноосфера», Мыслители Отечества... М.: Наука. 1991. с. 159.
16. Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: 2002. с. 18.
17. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 1999. с. 11.
18. Семенов Е.В. Глава «Антропо- и социоцентризм в социальном познании» Теория познания. Т. 4. Познание социальной реальности. М.: Мысль, 1995. с. 125.
19. Федотова В.Г. Методология истории сегодня // Новая и новейшая история, № 6 1996. — с. 60—63.
20. Хокинг С. Теория всего. Происхождение и судьба Вселенной пер., перевод. Иванов Н., из-во Амфора, СПб. ISBN: 978 — 5—367—00991— 0. 2009. с. 160.
21. Ponomarev A.V., S. Denisov, P. Hänggi. Ac-Driven Atomic Quantum Motor // Phys. Rev. Lett. 102, 230601 2009.
22. Kaibyshev O.A., Valiev R.Z., Astanin V.V., Emaletdinov A.K. The nature of grain boundary sliding and the superplastic flow. // Phys. Stat.Sol.(a), 1983, v. 78, pp. 439 — 448.

3.2. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

МЕТАФИЗИКА И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: КЛАССИЧЕСКИЙ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ИДЕАЛЫ

Дмитриева Анастасия Валерьевна

аспирант НГГУ, г. Нижневартовск

E-mail: anastas84@mail.ru

В истории философии и науки под рациональностью понимается ориентация на разум (рассудок). Рациональное — это то, что проистекает из разума (рассудка), ориентируется на него, тем самым делая понятным, гносеологически «прозрачным», бытие и познающего его человека.

В постнеклассической философии рациональность трактуется иначе, чем в философии классической. В рамках классической традиции философия прежде всего понимается как метафизика — учение о сверхчувственных принципах и предельных основаниях бытия. Ее основными проблемами были проблемы существования всеобщего, сущности мира и человека, универсальных методов эволюции мироздания и человеческой истории. Постнеклассическая философия отказывается от традиционной метафизики, от поиска универсалий бытия и познания. Она проявляет интерес к единичному, к его своеобразию, подчеркивает несводимость этого единичного к общему, стремится воссоздать полноту, многогранность, уникальность отдельных сторон и видов бытия [1, с. 376].

Новоевропейские метафизические системы, как сенсуалистические, так и рационалистические, конструируют и развивают не только формальное понятие мира в целом, единство многообразия, но и его содержательную целостность. Критерием всеобщей связи мироздания служит ее *рациональность*, т. е. выводимость из априорных аксиом разума и дедуктивных положений. Таким путем «метафизика разума» в лице *Френсиса Бэкона* (1561—1626 гг.), *Рене Декарта* (1596—1650 гг.), *Готфрида Вильгельма Лейбница* (1646—1716 гг.) и др. набрасывает образ мира как интеграл всех возможных содержаний опыта и обосновывает их ценность в разумно-рассудочной основательности, устанавливая аналог с естествознанием [1, с. 11—12].

Метафизика разума Нового времени апеллирует к рационально-рассудочным методам познания мира и человека, пытаясь отразить в понятиях и смоделировать в теориях их трансцендентные основания. Это было вызвано попытками выявить и сформулировать некие универсальные правила, дающие возможность человеку эффективно взаимодействовать с окружающей действительностью.

Осмысление сущности рационального в классической философии шло по двум направлениям. В рамках первого направления «рациональными» считались те акты познания и действия человека, которые позволяют достигать желаемых целей с наименьшими затратами времени и усилий. Такое понимание рельефно выражено в концепции *Макса Вебера* (1864—1920 гг.), которая основывается на идее полезности и целесообразности хозяйственных усилий человека. Второе направление, сформировавшееся в философии и науке Нового времени, было ориентировано на поиск регулятивных правил, обеспечивающих последовательность и связность человеческих рассуждений в устройстве самого человеческого интеллекта [3, с. 11]. Видными сторонниками этого подхода были Рене Декарт и *Иммануил Кант* (1724—1804 гг.).

Классическая философская парадигма ориентируется на построение объяснительных моделей объективной и субъективной реальности. Ее волнуют вопросы: «Что есть мир?», «Что есть человек?» Постнеклассическая парадигма, напротив, занята поиском путей преобразования мира и человека, созданием проективных моделей. Ее интересуют вопросы: «Что нужно предпринять, чтобы остаться человеком в этом несовершенном мире?», «Как сделать мир более человечным?» [1, с. 376—377].

В конце XIX в. утвердилось положение о том, что рациональное в полной мере проявляется в науке. В теоретическом познании на первый план выдвинулась прогностическая функция, согласно которой главная задача науки состоит в том, чтобы предсказывать возможные последствия воздействия человека на окружающий мир и контролировать его. При этом большие надежды возлагались на обнаружение универсальных схем рассуждения, которые были успешно применены на практике в прошлом и, следовательно, должны иметь положительный эффект в будущем.

Однако в истории философии и науки известно немало примеров, когда возникающая проблема понималась в соответствии с актуальными на тот момент времени нормами рациональности, которые отвергались научным сообществом, как иррациональные или абсурдные. Так, «метафизическая идея» *Нильса Бора* (1885—1962 гг.)

о планетарной модели атома не сразу нашла признание среди ученых, однако впоследствии была освоена естествоиспытателями.

По-видимому, научное познание не может быть ограничено, а нормы рациональности имеют свою динамику развития. Деятельность человека вовсе не сводится к познанию мира: познавая, люди одновременно преобразуют мир, переживают свое бытие в нем, воспринимают влияние окружающей среды. Чем больше выдвигаемая человеком цель совпадает с нормами того общества, к которому он принадлежит, тем более рациональной она воспринимается этой культурой.

Это одна из причин, почему современная наука оказалась в кризисной ситуации. На рубеже тысячелетий стало ясно, что научные цели должны соотноситься не только с нормами рациональности, определяющими порядок отбора гипотез для их осуществления, но и с нравственными установками, влияющими на оценку социального и индивидуального поведения. В этом случае научно понимаемая «разумность» («рациональность») порой начинает расходиться с общепринятыми требованиями социума, например, в сфере морали [3, с. 15]. Следовательно, вопрос о рациональности того или иного поведения становится проблемой нравственности.

В комплексе норм человеческого поведения подобные столкновения не так уж редки. Противоречие потребностей биологических и социальных — яркий тому пример. Так, жертвуя собственной жизнью ради других, человек подавляет в себе сильнейший инстинкт — инстинкт самосохранения.

В классической философии господствовала идея понимания рациональности как эффективности и конструктивности целенаправленной деятельности. Разумно то, что позволяет достичь цели оптимальными средствами. В результате путь познания сводится к осознанию некой схемы действий по осуществлению определенной цели. В рамках этой традиции сформировалась и преуспела западная техногенная цивилизация, породившая экологические проблемы, ядерное оружие, политическое насилие и т. д.

Однако традиционная «техничная» рациональность не вписывается в понятия гармонии и меры, напротив, природа и общество становятся жертвами принудительного внедрения абстрактных схем, требующих своей реализации. При этом с «исполнителей» снимается всякого рода ответственность, а оправданием таких действий является односторонне понятая рациональность, точнее, выражаясь словами Канта, — рассудочность — желание достичь цели с наименьшими затратами.

Наше время — время осознания предела традиционного «технологического» разума и классической рациональности, стремящейся конечными средствами понять и выразить бесконечное разнообразие мира [3, с. 47]. Современный мир представляется не миром гармонической мудрости, но миром конфликта мудрости и знания, «победы» знания над мудростью.

Человек ответственен за свой путь в этом мире, поэтому, постигая эту ответственность, он обретает свободу от мира. Свобода действовать и творить в мире предполагает ответственность за него [3, с. 52].

Именно поэтому в период постнеклассического миропонимания возникает потребность в новом осознании природы рационального, фундаментальными понятиями которого становятся целостность и ответственность. По своему содержанию постнеклассическая традиция понимания рационального основывается на восприятии человеческого бытия как реализации части конкретного единства, где вопрос об изначальной ответственности за гармонию целого подлежит теоретическому осмыслению. Не потому поступок ответственен, что он рационален, а потому он рационален, что ответственен [3, с. 51]. Сущность человека — в единстве и сопричастности целостной гармонии мира, в его взаимозависимости от других людей, в невозможности самореализации без социума, но не за счет других.

В глубине нового «космического» понимания рациональности лежат фундаментальные метафизические категории целостности системы мироздания, всеобщей связи явлений, причинно-следственных отношений, а также «антропологические» категории нравственной гармонии, морального выбора, человеческой свободы и т. д.

Но там где начинается метафизика, заканчивается наука. Это две принципиально разные сферы человеческого мышления, в основе которых лежат фундаментально различные задачи. Наука стремится выработать теоретические модели, которые специально направлены на решение конкретных проблем, в то время как метафизика претендует на постижение мира в целом и выявление неких универсальных смыслов. Помимо теоретических оснований наука имеет безусловную связь с эмпирией, а ее критериями являются верифицируемость и возможность фальсификации. Метафизика же далека от эмпирии и, осмысляя трансцендентное, непосредственно не опирается на опыт.

Тем не менее их сотрудничество может быть плодотворным. Речь идет о признании в каждой конкретной науке скрытого, «неявного» знания (М. Полани) и причастности ее к метафизическим решениям. Но если наука и далее будет отрицать метафизику, воспринимая мир как

машину, в ее содержании останется лишь ряд незыблемых и неприкосновенных утверждений, похожих на догматы религиозной веры. Техника, механизация, автоматизация и рационализация вырывают человека из «субстанционального содержания жизни» [2, с. 298]. Можно согласиться с выдающимся немецким философом *Мартином Хайдеггером* (1889 — 1976 гг.), который господству современной науки противопоставляет мышление как вопрошающее осмысление.

Таким образом, в условиях постнеклассического мышления, когда аксиологические факторы становятся частью экономических, политических и социальных программ, понятие рационального значительно расширило свои пределы и область применения. Обнаруживая некий метафизический смысл, рациональное проявляется в контексте индивидуальных ситуаций, лишаясь очерченных классическим мышлением четких границ. В отличие от новоевропейской традиции, где рациональное прежде всего выражало себя в науке, в постнеклассическом мышлении рациональное охватывает множество других сфер деятельности человека, включая искусство, быт, повседневность и др. С трансформацией смысла рационального расширились и задачи метафизики, стремящейся к объяснению таких жизненных ориентиров, как долг, мораль, ответственность, которые традиционно исследовались классическим рационализмом.

Список литературы:

1. История философии: Учебник / Под ред. Ч.С. Кирвеля. 2-е изд., испр. — Минск: Новое знание, 2001. — 728 с.
2. Пушкин В.Г. Сущность метафизики. — СПб.: Лань, 2003. — 480 с.
3. Тульчинский Г.Л., Уваров М.С. Перспективы метафизики. — СПб.: Алетея, 2000. — 415 с.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МЫСЛИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ СКЕПТИЦИЗМА

Ткачёв Андрей Николаевич

ассистент ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

E-mail: horatia_flaccus@rambler.ru

Формирование экзистенциального образа мысли происходит под действием проблематики скептицизма, как реакция на полученные скептическим мышлением результаты, и это, прежде всего, результаты критической философии Канта в гносеологии, и результаты радикального этического скептицизма Ницше. Развитие этих направлений скептической мысли разрушало наивно-реалистические представления о данности мира, и требовало ответа на них, для заполнения мировоззренческого вакуума, которое они порождали. С одной стороны, эта скептическая аргументация была серьезно обоснованной, а, с другой стороны, своей разрушительностью не удовлетворяла оптимистических потребностей человека. И эту разрушительность пытались понимать и преодолевать различные мыслители.

В философской и художественно-философской среде возникали различные течения, выражающие скептическое отношение к наивно-реалистическим представлениям о мире, и в этих течениях происходило возвращение к древним, мистическим представлениям о мире, гносеологические иллюзии просвещения развеивались, и мир вновь предстал перед человеком полным тайн и непредсказуемости. Отсюда становится понятным возобновление интереса к религии, которая в это время предпринимает попытки заново посмотреть на различные явления религиозной веры. Причем ценность этого взгляда была в том, что это был взгляд, во многом, именно заново, то есть в меньшей степени ограниченный той или иной догматической предвзятостью.

Например, если рассмотреть природу конфессиональной догматической замкнутости, то очень трудно понимать это явление как органичную часть религиозного или религиозно-философского дискурса. Ведь при догматической замкнутости мы встречаемся с той же непонятной реакцией на скептицизм (о которой уже писалось в данном исследовании), где скептическая аргументация игнорируется, причем во многом бессознательно игнорируется, то есть по существу, религиозно-философский дискурс просто блокируется, и выводится аргументация явно не соответствующая той скептической проблематике, которая предлагается, или с которой, так или иначе,

встречается конфессиональная догматически замкнутая мысль. Например, уже в первом выступлении на Петербургских религиозно-философских собраниях, Тернавцев начинает свой доклад с тезиса: «1. Возрождение России возможно только на почве истинного Христианства» [1, с. 19] — изначально закрывая этим тезисом возможное определение пространства диалога. То есть диалог начинается с интерпретаций того, что есть истинное христианство, тогда как само христианство для части интеллигенции еще является под вопросом, и главное, в данных основных положениях доклада никак не обозначается гносеологическая проблематика того, относительно чего рассматривать христианство на предмет его истинности. То есть Тернавцев в докладе требует «правды о земле», то есть понимания христианства исходя из естественного богословия (или религиозной философии), а с другой стороны игнорирует проблематику данной правды, то есть игнорирует проблематику естественного богословия.

В западной мысли догматика имела сильный стимул для развития: наличие догматического конфликта между католицизмом и протестантизмом, и также развитого философского конфликта между атеизмом и религией, которые заставляли серьезных религиозных мыслителей выходить на проблематику естественного богословия (например, экзистенциально-естественное богословие Блеза Паскаля, а также Кьеркегора, или естественно-богословские воззрения Канта). В русской же религиозной мысли межмировоззренческий конфликт не был настолько глубоко обострен и осознан, в период Петербургских Религиозно-Философских Собраний глубокое осознание этого конфликта лишь начинает формироваться, причем во многом благодаря знакомству философствующей интеллигенции с западной религиозно-философской мыслью. И то, что Гиппиус и Мережковский обнаружили главным в мышлении православной церкви позитивизм, говорит о том способе осознания, который вообще типичен для догматического богословствования. Ведь догматический стиль мышления — это по своей сути форма позитивизма, так как изначально в своем основании предполагает какой-то набор позитивных положений, воспринимаемых некритично и трактуемых как откровение свыше. То есть догматический стиль мышления можно понимать как форму религиозного позитивизма. Причем речь идет именно о догматическом стиле мышления, а не о догматическом богословии вообще, так как, например, в современном протестантском догматическом богословии (в рамках, например, диалектической теологии) практикуется вовсе не догматический стиль мышления, то есть не предполагается изначально некий набор позитивных

положений, то есть там присутствует большая связь с естественным богословием, а потому трактовать любое догматическое богословие исключительно как позитивизм, представляется неправомерным. И потому представляется более правильным говорить о наличии догматического стиля мышления, то есть стиля мышления замкнутого в определенной догматике и не предполагающего в своих рассуждениях проблем естественной теологии.

Тут можно сравнить два противоположных экзистенциально мыслящих типа: Льва Толстого и Льва Шестова. Для Толстого непостижимость мира существует, но выводы из данного у Толстого не предполагают возможности непостижимого. Например, Толстой отрицает в Евангелиях то, что не вписывается в его картину данного (например, чудеса), но он не предполагает и не учитывает возможности того, что непостижимое непредсказуемо и вовсе не обязательно должно соответствовать данным Толстому возможностям познания. Такой подход был свойственен либеральному протестантскому богословию, и был преодолен в нем экзистенциально ориентированной диалектической теологией Карла Барта. (Но это уже было после Толстого). И вот Шестов возмущается у Толстого, прежде всего, именно этим, то есть тем, что Толстой, например, непостижимого Бога, хочет свести к постижимому «богу». Но все-таки Толстой представляется правым на данном этапе осознания вопроса, так как, если вводить непостижимость в естественную теологию, как того хочет Шестов, то неизбежен гносеологический пессимизм, так как рационально немотивированная вера — это произвольно выбранная вера, ведь, немотивированных вер можно предложить сколько угодно, Шестов говорит об «Иерусалиме», но никак не отвечает на вопрос (и даже не ставит его), почему, например, не «Мекка»? А такой вопрос — это значимый вопрос естественной теологии, и такой гносеологический пессимизм никак не мог удовлетворить Толстого, ищущего смысл жизни, а не отсутствие смысла. То есть Толстой все-таки (несмотря на ряд ошибок, неизвестных в его время) идет по пути естественного богословия более прямым путем, нежели Шестов. Во-первых, он, несмотря на непостижимость мира, не отказывается от гносеологического оптимизма на основании экзистенциальной мотивировки поиска смысла жизни, во-вторых, Толстой предлагает все-таки (в отличие от Шестова) какую-то основу для рассмотрения вопросов естественной теологии, а именно, Толстой предлагает для основы данность (в том числе экзистенциальную данность). Собственно, и современная философия пользуется таковой основой, разница лишь в интерпретациях, Толстой не знал, в его время, многих дефиниций в осознании данного, известных

в современной философии и богословии. Поэтому, следуя историко-философской данности, некоторая правота Шестова, например, о противопоставлении «непостижимого Бога» и «постижимого бога» нужно оценивать исходя из воззрений его времени, а Шестов, в его время, не привел достаточных мотивировок для естественного богословия, чтобы можно было правомерно ввести понятия «непостижимого Бога» не утрачивая при этом гносеологического оптимизма. Поэтому, если смотреть со стороны гносеологических представлений времени Толстого, то критика Львом Шестовым воззрений Толстого выглядит экзистенциально немотивированной со стороны данного, да и сам Шестов в последующем развитии своей философии, оставляет свое понятие «вера» без естественно-теологического разрешения, склоняясь к гносеологическому пессимизму. Так как из гносеологического пессимизма вера никак не выводима, ведь гносеологический пессимизм не позволяет определить предмета веры, то есть во что, собственно, верить. Иными словами, при гносеологическом пессимизме никак не преодолевается разрыв между «правдой о земле» и «правдой о небе», они существуют не связанно друг с другом, не пересекаясь, а потому в этом случае решения любых религиозных вопросов в принципе не имеют достаточных обоснований (или имеют иллюзии «обоснований»).

То есть при рассмотрении проблемы преодоления скептицизма в религиозной философии в качестве экзистенциального образца, все-таки более значима логика развития взглядов Толстого, высказанная им в «Исповеди», нежели логика развития мысли у Льва Шестова, хотя, казалось бы, и у Толстого, и у Шестова присутствует одна последовательность этапов развития от «непостижимость мира» к «религиозной вере», но эта вера у Шестова экзистенциально не мотивирована в религиозно-философском осознании, так как Шестов принципиально отрицает осознание таковой мотивировки, он относит ее к «тайне»: «Последняя истина рождается в глубочайшей тайне и одиночестве» — пишет Шестов в своем сочинении «Sola Fide — Только верою» — «Как для влюбленного безразлично, видят ли все люди в его возлюбленной лучшую женщину, так и для того, кто ищет истины, общее признание теряет всякое значение» [3, с. 284]. Нельзя согласиться с таким определением «истины», где не подвергается сомнению личные впечатления, здесь у Шестова в принципе не допускается возможности иллюзии в личном постижении истины, и его пример с влюбленностью не выглядит очень удачным обоснованием, так как влюбленность часто может иметь и разочарования. Таким образом, можно сказать, что, хотя и Шестов, и Толстой идут вроде бы одним

путем от непостижимости мира к вере, однако вера Шестова, согласно его учению, закрыта критике и не предполагает скептического к ней отношения в принципе, а вера Толстого — открыта критике, Толстой, наоборот даже просит критики своей веры! Толстой пишет в «Исследовании догматического богословия»: «... если вы боитесь, что по затемненности и слабости моего ума, по испорченности моего сердца, я не пойму их, помогите мне (вы знаете эти истины Божии, вы, церковь, учите нас), помогите моему слабому уму; но не забывайте, что бы вы ни говорили, вы будете говорить все-таки разуму»[2, с. 67]. Ничего подобного Лев Шестов даже не предполагает в отношении своей личной веры. По причине открытости критике у Толстого в осознании им своей веры есть большие возможности для развития, чем в закрытом осознании веры у Шестова. Если осознание веры у Толстого корректируемо, и его ошибки, в принципе, могут быть исправлены, то это представляется совершенно невозможным в позиции Шестова. Получается, что Шестов, отрицая возможность познания, при этом утверждает нечто лично познанное.

Таким образом, можно сказать, что при преодолении скептицизма в вопросах веры экзистенциальная направленность такого преодоления очень различается: от гносеологического оптимизма до гносеологического пессимизма.

Список литературы:

1. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901—1903 гг.) /Общ. ред. С.М. Половинкина. — М.: Республика, 2005. — 543 с.
2. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 23 — М.: Художественная литература, 1957. — 583 с.
3. Шестов Л. *Sola fide* — только верою. Греческая и средневековая философия: Лютер и церковь — Париж: YMCA-PRESS, 1966. — 295 с.

3.3. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Латыпова Хатира Шамильевна

старший преподаватель Уфимского института (филиала)

РГТЭУ, г. Уфа

E-mail: latypova10@mail.ru

В условиях современного общественного развития неуклонно растет количество людей с высшим образованием, прежде всего, в развитых и развивающихся странах. Однако, в отношении современной системы образования один из законов диалектики о переходе количество в качество не всегда находит свое выражение в объективной действительности. Разумеется, когда речь заходит о понимании качества образования следует выделять два его уровня: качество на уровне отрасли (макроуровень) и качество на уровне вуза (микроуровень). Впрочем, и здесь, порой, качественно подготовленные вузами специалисты не находят своего применения именно в той отрасли, в которой они и являются квалифицированными трудовыми кадрами. Отсюда наиболее образованная часть нашего населения «говоря простым языком», «идейна» и «беспочвенна» [7, с. 408], ибо, обладая достаточно глубокими знаниями, полученными в вузах, они так и не могут найти свою точку некой социальной опоры. Думается, причины указанного феномена следует искать в ретроспективном анализе развития всей мировой системы образования и ее ценностном общественном восприятии.

Так, современная система образования зародилась в Древней Греции и уже тогда наметились два подхода к образовательному процессу. Первый, по сути авторитарный, интерналистический подход, подразумевающий жесткий контроль над учениками, возник в Спарте и был направлен на комплексное физическое, духовное и интеллектуальное развитие личности. Упомянутый подход на данный момент в наибольшей степени характерен для военных вузов, готовящих будущих офицеров. Второй, либеральный подход, направленный на духовно-гуманистическое развитие индивидуума, появился впервые в Афинах, и в сегодняшнее время распространен, практически, повсеместно. Однако, уже в Афинах наметились, в свою

очередь, два подхода в восприятии процесса образования. Например, Платон понимал образование как творческий процесс, ведущий к созиданию иного будущего. Аристотель, напротив, воспринимал образовательный процесс, как просто отдых и развлечение [1, с. 181]. В средневековой Европе, в большей степени, преобладала точка зрения Платона, ибо тогда, как правило, применялся объяснительно-иллюстративный характер обучения, что объяснимо тесным слиянием образования и религии в то время, ведь «теологические аргументы делали умозрительные построения более социально приемлемыми и заслуживающими доверия» [3, с. 11].

Однако, в период Нового времени, когда происходит «переход к механическому и машинному складу жизни» [2, с. 117] меняется и восприятие образовательной системы. Так, трудно не согласиться с мнением о том, что «современная школа моделируется по образу и подобию фабрики, поступающий ученик рассматривается как сырье, которое в процессе различных стадий обработки превращается в готовое изделие» [1, с. 188]. .Отсюда возникает закономерный вопрос о том, что же должно представлять собой упомянутое «готовое изделие»? Наиболее в полной мере дает ответ на данный вопрос философия прагматизма, оказавшая довольно сильное влияние на образовательный процесс, начиная еще с прошлого столетия. Смысл философии прагматизма состоит в том, что основной целью образовательного процесса является приспособление индивида к окружающей среде, а конечной целью — достижение личного успеха и достаточно высокого материального уровня благосостояния, что выражается в лозунге упомянутой философии: «будь успешным». Таким образом, и возникает основное противоречие современной системы образования, ибо, «наука — стремление к истине, экономика — стремление к власти и богатству» [1, с. 177]. Отсюда и объясним феномен системы современного образования, обозначенный в начале данной статьи, когда обладание истинной не всегда является гарантией жизненного успеха и высокого уровня материального благосостояния. Разумеется, попытки решения указанной проблемы предпринимались в различных философских направлениях, например, в философии экзистенциализма, где процесс образования понимался, как процесс развития свободной личности, созидающей свою природу. Однако, восприятие образования в экзистенциализме не как процесса получения знаний, а как процесса достижения способности к переживанию в современном, прагматизированном обществе выглядит, по меньшей мере, очередной утопией, полностью оторванной от реальной действительности. Прагматизм современного

общественного сознания проявляется, прежде всего, в том, что «это мышление тех, у кого на любой вопрос заранее готов ответ, что не составляет труда и вполне устраивает» [5, с. 61]. Отсюда о каких-то там переживаниях, вообще, может ли идти речь.

Таким образом, в настоящее время получил распространение компетентностный подход в обучении, что, по своей сути, является своеобразной адаптацией философии прагматизма в образовании к реальностям современного общественного развития. Смысл указанного подхода можно охарактеризовать четырьмя основными принципами. Во-первых, переход к непрерывному образованию, от образования «на всю жизнь» к образованию «через всю жизнь», ибо в условиях, когда образование становится рыночной услугой вполне закономерным является стремление продавать индивиду образовательные услуги на протяжении всей его жизни, что граничит с продажей, например, продуктов питания или одежды. Во-вторых, гуманизация как концептуальная установка образования, реализующейся в будущей профессиональной деятельности индивида, что носит весьма «туманный» для понимания характер, не говоря уже общекультурной компетенции. В-третьих, переход в образовании от понимания «квалификация» к понятию «компетенция» как возможности проверки результатов образовательного процесса, но в условиях, когда не только не понятны критерии оценок, а и сам процесс обучения носит закрытый характер, когда «руководители вузов видят только конечный продукт изучения студентами определенных дисциплин, который выражается в форме оценок усвоенного материала» [6, с. 245], говорить об объективной проверяемости результатов образовательного процесса, видимо, пока преждевременно. В-четвертых, выработка общих международных стандартов оценки уровня полученного образования.

Думается, выполнение последнего четвертого принципа выглядит наиболее реалистично. Во-первых, в отечественном обществе никогда не существовало собственной системы образования, ибо современная система образования — это модифицированная система классического немецкого образования XVIII века. Во-вторых, отечественное образование, как и гуманитарные дисциплины для собственного развития использовали уже известные зарубежные направления и течения. Например, философ-славянофил о перспективах будущего развития русской философии писал буквально следующее: «философия немецкая может служить у нас самой удобной ступенью мышления» [4, с. 295]. В-третьих, скопировать что-то чужое известное всегда легче, чем придумать что-то свое, собственное.

Однако проблема здесь заключается в том, что не существует какой-то единой системы образовательных стандартов, которой бы придерживались во всем мире. Отсюда возникает закономерный вывод о необходимости создания современной системы отечественного образования, которая бы наиболее адекватно удовлетворяла потребности нашего общества в сфере образовательных услуг. Однако тут же возникает вопрос, кто же должен заниматься созданием указанной системы образования? Разумеется, этим должны заниматься как властные структуры, так и работники образования, но, прежде всего, в данном процессе должна принимать активное участие студенческая и родительская общественность, которая на данный момент от нее полностью отстранилась. Таким образом, когда упомянутая общественность поймет необходимость не только критики, но и конструктивных предложений только тогда и возможен определенный прогресс в решении указанных проблем. Впрочем, изложенный материал следует рассматривать всего лишь как информацию для размышлений над обозначенной проблематикой.

Список литературы:

1. Акофф Р. Акофф о менеджменте. СПб: Питер, 2002. — 448 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. — 174 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002. — 256 с.
4. Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007. — 448 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. — 509 с.
6. Серегин А.В. , Валева Л.Ф. Проблемы конкурентоспособности системы отечественного торгово-экономического образования в условиях ВТО. Материалы Международной научно-практической конференции. Уфа: УИ РГТЭУ, 2007. — С. 244—247;
7. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции//О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. — С. 403—443.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (1861-1917 ГГ.)

Золотарева Вера Петровна

канд. экон. наук, доцент МГУПС (МИИТ), г. Москва

E-mail: zlotareva2005@mail.ru

Трансформация хозяйственной системы России в пореформенный период XIX в. позволила в исторически короткие сроки существенно преобразовать российскую экономику, создав основы ее индустриальной системы. Этот период вошел в экономическую историю как достаточно динамичный, несмотря на то, что происходили фундаментальные по своему характеру изменения, которые в условиях обострения конкуренции мировых держав потребовали не только обновления стратегических решений, но и более интенсивной и разнородной мобилизации финансовых ресурсов на многих уровнях хозяйственной деятельности. Поэтому весьма актуальным в историко-экономической науке является анализ инвестиционного процесса в пореформенный период.

Исследование инвестиционной деятельности в дореволюционной России привело к необходимости структурирования инвестиций по различным критериям. Следует отметить, что классификации инвестиций, используемые современной экономической наукой, не отражают историческую и национальную специфику российской экономики исследуемого периода. Так в настоящее время основными критериями являются: форма собственности, страна происхождения, характер инвестиционных ресурсов, объекты вложения средств, характер участия в инвестировании, период инвестирования, инвестиционная территория, способ учета средств и т. д.

Однако при анализе инвестиций пореформенного периода необходимо учитывать такой значимый критерий как сословное деление российского общества и соответственно капиталов. Поэтому следует выделить дворянские, крестьянские, купеческие, мещанские и казаческие капиталы, а также капиталы иностранных поселенцев.

Необходимо подчеркнуть, в дореволюционной России различные конфессиональные группы, религиозные сообщества и представители разных типов деловой этики активно участвовали в экономической модернизации страны, вследствие чего необходимо выявить и инвестиции различных конфессий.

Так, самой крупной конфессией являлось православие. Одной из российских особенностей трансформационного периода явилось активное участие в инвестиционном процессе религиозных организаций, и в частности, Русской православной церкви (РПЦ). Религиозные организации, являясь активным участником инвестиционной деятельности, хорошо вписались в рыночные отношения, получившие развитие в российском обществе в пореформенный период. Часть доходов РПЦ принимала форму внутренних инвестиций, что способствовало развитию национальной хозяйственной системы рыночного типа. Обладая значительными материальными ресурсами, Русская православная церковь не прекращала усилий по их наращиванию и поиску новых источников дохода, одним из которых стала городская недвижимость, и в частности доходные дома, приносявшие значительную выгоду.

Другой влиятельной до революции конфессиональной группой были старообрядцы, которые сумели создать соответствующую этику и наладить эффективное хозяйствование. Из их среды вышли крупнейшие династии фабрикантов Москвы: Морозовы, Гучковы, Солдатенковы, Хлудовы, Коноваловы, Рахмановы, Рябушинские, Горбуновы, Шелапутины, Кузнецовы и др.

Среди нехристианских конфессий России, пожалуй, самой многочисленной религиозной общностью являлся ислам, представители которого тоже активно участвовали в становлении российской рыночной экономики.

Необходимо подчеркнуть, что при структурировании по таким признакам как сословная принадлежность и принадлежность к конфессиям, автор выделил лишь наиболее значимые.

Важное значение для понимания инвестиционных процессов пореформенного периода принадлежит и делению капиталов по отношению к бюджетному законодательству России. Так, кроме бюджетных кредитов, правительственные учреждения располагали

специальными капиталами, не принадлежащими казне, но состоящими под контролем правительства. Эти капиталы не вносились в финансовые сметы, а лишь указывались министерствами и главными управлениями в приложениях к сметам. Они были свободны от воздействия бюджетного законодательства и могли быть израсходованы только на те цели, которые указаны их учредителями, и только в пределах полученного дохода от оборота [6, с. 4].

Заметным явлением пореформенного периода стало возникновение различных общественных организаций, капиталы которых сыграли определенную роль в активизации инвестиционного процесса и нуждаются в подробном исследовании.

Особый интерес представляет выделение инвестиций российских женщин-предпринимателей пореформенного периода. Так, например, на протяжении всей второй половины XIX ст. женщины из купеческой среды были существенной частью производственной жизни. Они вносили в развитие бизнеса новые капиталы и отдавали делу личные способности, вели самостоятельную благотворительную деятельность.

Кроме того, при исследовании инвестиционного процесса следует особое внимание уделить системе самофинансирования, которая господствовала до конца XIX в. в старых отраслях российской промышленности, где давно сложились устойчивые предпринимательские группировки. Сутью этой системы являлось удовлетворение потребности в капиталах на расширение производства за счет внутренних накоплений. В горнозаводской промышленности Урала, как показало исследование Ю.А. Буранова, эта система преобладала и в начале XX в. [1].

Аналогичная система существовала и в текстильной промышленности Центрального района, отличавшейся одним из самых высоких уровней доходности среди отраслей российской промышленности. Процесс акционирования прошел здесь в 1870—1880-е гг. в основном за счет накопленных ранее прибылей, без привлечения капиталов со стороны. Развитие производства осуществлялось за счет накопленных прибылей и амортизационных отчислений, помещаемых в баланс по статьям «запасных капиталов», «капиталов на расширение производства» и др. Кроме того, использовался такой вид внутреннего финансирования как кредиты со стороны пайщиков. При этом наблюдается тесное переплетение личного состояния предпринимателя с вложенным в дела своей фирмы капиталом [1, с. 111].

Нельзя не отметить влияние иностранного капитала на становление российской индустриальной системы [2]. Однако, несмотря на значительное количество исследований по данной

проблеме, требует переоценки место и значение иностранного капитала в модернизации российской экономики.

Вопреки широко распространенному мнению, Россия обладала достаточными потенциальными финансовыми ресурсами для оживления инвестиционной активности в пореформенный период, о чем свидетельствуют вклады населения в кредитной системе и внутренние займы. И хотя вкладчики составляли всего 3 — 4 % населения, тем не менее общая сумма вкладов в начале 1900-х гг. была равна примерно 900 млн. руб., а годовой бюджет в тогдашней России составлял порядка 1,5 млрд. руб. [7].

Особое место в формировании индустриальной системы отводится интеллектуальным инвестициям, которые для России имели особое значение, так как высшее образование в России в 60-х гг. XIX в. имели лишь 20 тыс. человек и остро ощущалась нехватка русских специалистов [5, с. 304].

Одной из важнейших особенностей трансформации российской экономики являлось еще большее усиление ведущей роли государства. В связи с чем важное значение имеет изучение направленности государственных капиталовложений, позволяющей показать сущность политики царского правительства, ее трансформацию и постепенную социализацию.

Широкомасштабная реконструкция хозяйственной системы России и ее структурная перестройка потребовали не только многократного увеличения объема привлекаемых капиталовложений извне, но и сохранения денежных капиталов внутри страны. Поэтому правительство неоднократно возвращалось к проблеме сохранения капиталов, как путем протекционистской политики, так и с помощью борьбы с утечкой капиталов из России.

Таким образом, комплексный подход к исследованию инвестиционной деятельности в пореформенный период позволит не только уточнить роль национального капитала в становлении хозяйственной системы индустриального типа, но и выявить степень влияния его различных источников, сформировав целостную картину инвестиционного процесса.

Список литературы:

1. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917). — М.: Наука, 1982. — 264 с.
2. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. — М.: РОСПЭН, 1997. — 324 с.

3. Лаврычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900. — М.: Мысль, 1974. — 252 с.
4. Петров Ю.А. Московская буржуазия и проблемы промышленного финансирования в конце XIX — начале XX в. — В кн. Реформы второй половины XVII — XX в.: подготовка, проведение, результаты: Сб. науч. тр. — М.: Ин-т истории СССР, 1989. — 188 с.
5. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. — М.: Госстатиздат, 1956. — 352 с.
6. Сапилов Е.В. Специальные капиталы правительственных учреждений в дореволюционной России. — М.: Институт экономики РАН, 2003. — 134 с.
7. Хромов П.А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. — М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. — 240 с.

ЦИКЛЫ ФИБОНАЧЧИ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Львов Евгений Владимирович

канд. тех. наук, г. Москва

E-mail: yovlvov@yandex.ru

Введение

Ранее в [8] уже было предложено использовать числа ряда Фибоначчи для периодизации истории России. В исследованиях [6, с. 99], [7; 4], [3, с. 286] подробно рассмотрены многочисленные примеры подобия исторических процессов на смежных спиралях Фибоначчи с глубиной ~ 300 лет на основе двух подходов: по длительности эпох и по ключевым датам.

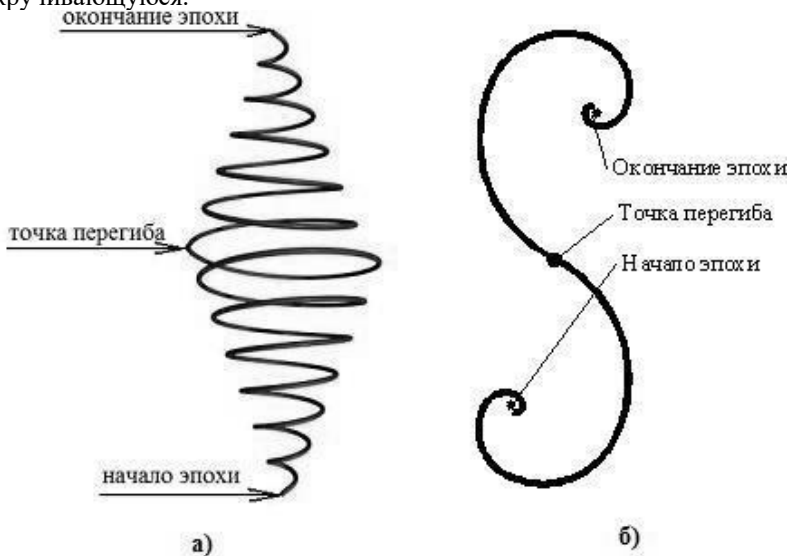
Однако, последние работы не касались более древних событий. Поэтому продолжение исследований и поиск исторических закономерностей древней истории России с глубиной вплоть до Крещения Руси и даже далее является актуальным. Именно этому и посвящена данная работа.

Общий вид спирали Фибоначчи для больших эпох

Все упомянутые выше исторические исследования основаны на том, что общая схема исторических событий, развиваясь по сходящейся спирали, устремляется к фокусу. Этот фокус и является целью исторического процесса, а поиск глубинных исторических закономерностей основан на исследовании сходящейся спирали

Фибоначчи, устремленной к этому фокусу. Такой подход может быть правомерен для исторически коротких периодов времени. Однако, для больших исторических эпох, сопоставимых с эрой (~2000 лет) такой подход уже не совсем правомерен, а схема должна иметь две точки (рис.1): 1) начало эпохи, 2) окончание эпохи.

Начало эпохи является источником для расходящейся, раскручивающейся спирали (представителем процесса дивергенции), а окончание эпохи — фокусом для сходящейся, скручивающейся спирали (представителем процесса конвергенции). Другой интересной точкой является точка перегиба, являющаяся серединой и соединяющая две ветви спирали: раскручивающуюся и скручивающуюся.

Рисунок 1. Общий вид эпохи согласно спиралью Фибоначчи (а) и ее упрощенное изображение (б)

Глубинный смысл этой точки заключается, вероятно, в переходе (и даже некотором конфликте) от тенденции роста (расходящаяся спираль) к тенденции переосмысления (сходящаяся спираль). Она знаменует переход от процесса дивергенции к конвергенции. Понятно, что эта точка должна также будет сопровождаться важным историческим событием. Например, для заканчивающейся 2000-летней христианской эпохи, соответствующей эре Рыб, такая точка перегиба

приходится на 1000 год и сопровождалась даже двумя значимыми историческими событиями:

1. Крещение Руси в 988 году,
2. Великий раскол Церкви 1054 года на Римско-Католическую церковь на Западе с центром в Риме и Православную на Востоке с центром в Константинополе.

Другой пример основан на том, что период длительностью 12 эр (по ~2000 лет каждая), названный Платоновым годом, составляет около 26 тысяч лет. Как известно, нынешние времена также совпадает и с окончанием текущего Платонова года, а историческое событие, соответствующее ей произошло ~13 тысяч лет назад. Именно это время, судя по мифам многих народов мира и современным археологическим исследованиям, совпадает с планетарным катаклизмом, вероятно, ставшим причиной или сопровождавший гибель древнейшие мифологические острова Атлантиды и Гипербореи.

Дальнейшее историческое исследование основано на периодизации истории России сходящейся спиралью Фибоначчи фокусом как для Платонова года.

Циклы Фибоначчи в истории христианской России

В наши дни Крещение Руси в 988 году воспринимается почти как мифологическое событие, несмотря на то, что известны почти все подробности этого исторического события. Однако, этому эпохальному событию предшествовал предварительный период знакомства с христианством. Согласно легенде еще Андрей Первозванный (апостол Андрей) доходил северных краев, до Карелии и нес весть народам древней Руси об Иисусе Христе.

Официальное признание христианства и обретение статуса государственной религии в Римской империи произошло при римском императоре Константине в IV веке. Именно этот период и совпадает с жизнью древнего славянского духовидца и вождя Буса Белояра. При его рождении 20 апреля 295 году, как упоминает древнеславянская рукопись IV века «Боянов гимн», появилась Чигирь-звезда (комета Галлея), по которой волхвы и предсказали, пришествие пророка на Русь. А по различным знамениям, бывшим при его рождении волхвы предсказали, что Бус Белояр закончит Сварожий Круг.

В марте 368 года он был распят захватчиками при затмении, совпавшем с чудовищным землетрясением, которые были зафиксированы в разных странах. Согласно преданию позже воскрес.

Есть версия о том, что часть биографии Буса Белояра вошла в библейские Евангелия как описание жизни Иисуса Христа.

Известно, что Бус Белояр бывал в Византии, был в курсе многих событий, связанных с государственным становлением христианства. Именно он стремился совместить некоторые принципы зарождающегося христианства и древней ведической традиции и в расширенном и дополненном виде принести как обновленное духовное учение на Русь.

В «Слове о полку Игореве» упоминается «время бусово»: «И вот красные готские девы воспели на берегу синего моря, — звеня русским золотом, воспевают время бусово». А в Киеве ведь есть Бусова гора, Бусово поле.

Поэтому, историю христианской России следует начинать с эпохи Буса Белояра (рис.2), первым пытавшимся осмыслить зарождающееся христианство и связать его с судьбой России [6].

*Рисунок 2. Фотография памятника Буса работы Раева. 1849 г.
Реставрация А. Асова, 1998 года [6].*

Определим исторические циклы кратные числам ряда Фибоначчи на основе длительности эпох, начиная с минус пятой эпохи:

- минус пятая эпоха 1991/93 г.— 1998 г. (длительность 5 лет),
- минус шестая эпоха 1985 г. — 1991/93 г. (длительность 8 лет),
- минус седьмая эпоха 1972 г.— 1985 г. (длительность 13 лет),
- минус восьмая эпоха 1951/53 г.— 1972 г. (длительность 21 года),
- минус девятая эпоха 1917 г.— 1951/53 гг. (длительность 34 года),
- минус десятая эпоха 1862 г. — 1917 г. (длительность 55 лет),
- минус одиннадцатая эпоха 1773 г. — 1862 г. (длительность 89 лет),

- минус двенадцатая эпоха 1629 г. — 1773 г. (длительность 144 года),
- минус тринадцатая эпоха 1396 г. — 1629 г. (длительность 233 года),
- минус четырнадцатая эпоха 1019 г. — 1396 г. (длительность 377 года),
- минус пятнадцатая эпоха 409 г. — 1019 г. (длительность 610 года),

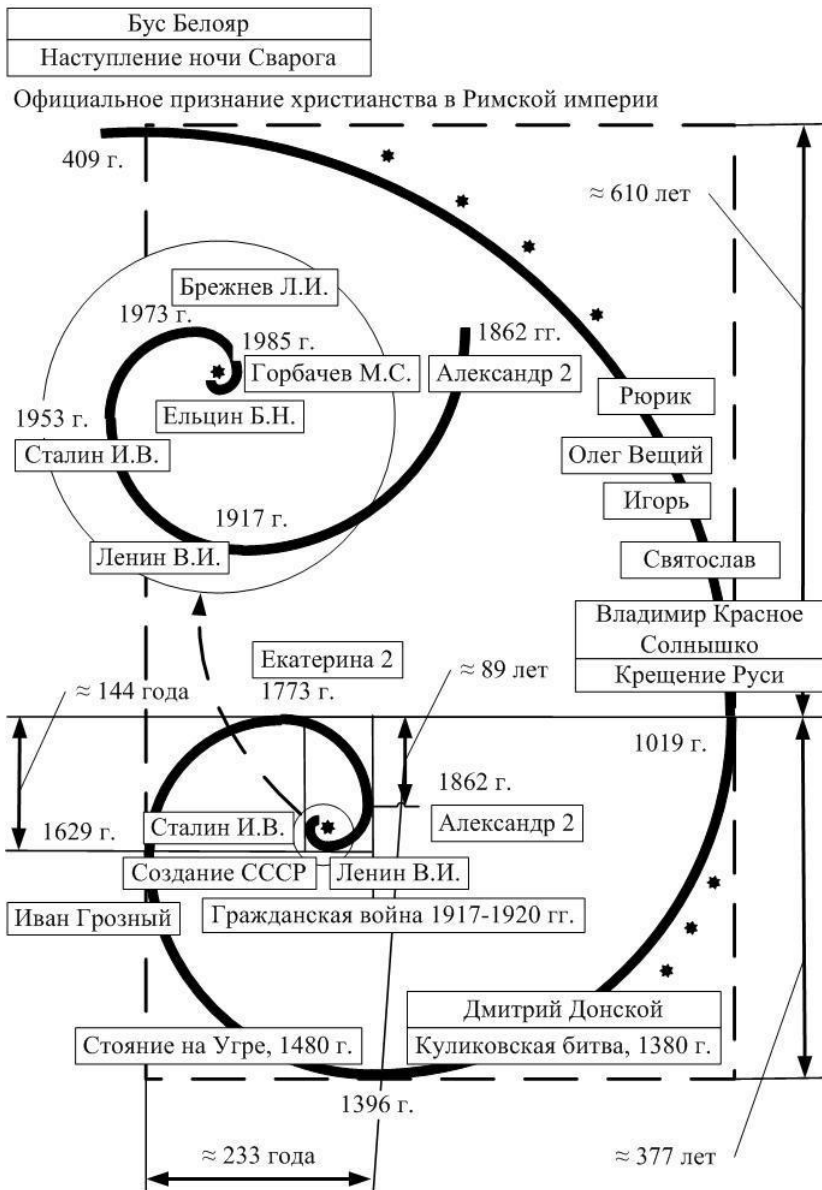
Совмещая полученные периоды истории с реальными правителями России получим диаграмму скручивающейся спирали Фибоначчи (рис.3) для древней истории Руси. Итак, рассмотрим подобные события разных ветвей спирали.

Крещение Руси — реформы Александра II — реформы Горбачева М.С.

На диаграмме (рис.3) крещение Руси (988 г.) занимает место подобное реформам Александра II (1862 г.) на меньшем витке спирали. На следующем уменьшенном витке спирали это историческое место занимают, реформы СССР Горбачева М.С. (1985 г.)

Ни для кого не секрет, что радикальные реформы Александра II и реформаторский политический курс Горбачева М.С. были вынужденными мерами, практически выстраданными всем обществом. Первый был вынужден реформировать страну после долгих лет застоя второй половины правления своего дяди Александра I и своего отца Николая I.

У Горбачева М.С. также практически не было альтернативы перестройке, т. к. по многим показателям страна устойчиво сползала к кризису. И это чувствовали почти все.

Рисунок 3. Циклы Фибоначчи в России, начиная с эпохи Буса Белояра

Используя свойство подобия участков разных ветвей спирали Фибоначчи и проецируя эти обобщения на период правления князя Владимира Красное Солнышко (конец X века) можно утверждать, что и крещение Руси было вынужденным духовным и политическим шагом. Однако, представляется, что это событие еще ждет своих объективных и бесстрастных исследователей.

Внешние и внутренние войны в России

В истории России имеются два подобных периода, в которых внешняя война (война с иноземными захватчиками) пересекалась, соединялась и даже «перехлестывалась» внутренней (междоусобица, борьба с Ордой, гражданская война). Суть внешней войны заключается в отражении захвата, нападения иноземцев.

Под внутренней войной упрощенно следует понимать войну между разными княжествами, племенами, народами, проживающими на территории древней России. Ее проявлениями можно считать междоусобицу (междоусобную войну) между славянскими князьями, борьбу с половцами, кыпчаками, ногайцами и др., а позднее и с Ордой при еще не сложившейся государственности. Безусловно, такие упрощения условны, т. к. сравниваются термины, описывающие историю государства с разницей около 1000 лет, но необходимость сравнения неизбежна, т.к. при всех своих издержках помогает постигнуть единые черты тех или иных эпох и их генезис, развитие. В современное время, в условиях единого государства внутренняя война воспринимается как гражданская война между представителями разных политических (религиозных или других) взглядов, как например, периода 1917—1920 гг.

За счет использования диаграммы (рис.3) выделены внешние и внутренние войны для соседних ветвей спирали Фибоначчи (периода древней истории России и истории начала XX века) и сведены в табл.1.

Таблица 1.

Внешние и внутренние войны в России для периода древней истории России и истории начала XX века

Тип войны	Древняя история России	История России начала XX века
Внешняя война	Ледовое побоище (1242 г.)	Германская война (восточный фронт I мировой войны), 1914—1918 гг.
Внутренняя война	Междоусобица и борьба с Ордой	Гражданская война (1917—1920 гг.)

Дальнейшее описание позволяет раскрыть общее между этими историческими событиями периода древней истории России и истории начала XX века.

Ледовое побоище (1242 г.) и германская война (восточный фронт I мировой войны, 1914—1918 гг.). Ледовое побоище (рис. 4) вошло в пантеон воинской славы как одно из самых светлых его событий. 5 апреля 1242 года состоялась битва между новгородским войском во главе с князем Александром Невским и иноземными рыцарями—монахами Ливонского ордена, в который незадолго до этого вошли рыцари—монахи Тевтонского ордена и Меченосцев. На завоевание коренных русских земель было получено благословение римского папы Григория IX. Итогом ледового побоища стал полный разгром немцев, значительно отсрочивший доктрину *Drang nach Osten*.

Рисунок 4. Ледовое побоище и сбитый немецкий самолет в первой мировой войне

Во времена более близкие к современным на аналогичном участке другого витка спирали Фибоначчи была германская война (восточный фронт I мировой войны). К концу 1916 года многим уже было понятно, что в ближайшее время Россия одержит верх над Германией. Однако, в историю России вмешались революции, в начале февральская, свергнувшая царя, а потом и большевистская, установившая диктатуру пролетариата и подписавшая невыгодный Брестский мир. Некоторое время спустя все территориальные уступки были устранены.

На этом примере мы опять видим четкое соответствие внешних войн на разных витках спирали Фибоначчи.

Междоусобица и борьба с Ордой — Гражданская война. Куликовская битва является, пожалуй, самым важным и почти мифологизированным событием древней Руси, которое к нашим дням исследовано «вдоль и поперек». Тем не менее, победа в Куликовской битве не принесла окончательного освобождения от татаро-

монгольского ига. Понадобилось еще почти 100 лет, чтобы через стояние на Угре (1480 г.) положить ему конец и сделать Московское государство независимым.

Бесстрастные циклы Фибоначчи показывают, что знаменитая Куликовская битва (1380 г.), стояние на Угре (1480 г.), другие предшествующие события, связанные с татаро-монгольским игом занимают то положение на спирали Фибоначчи, которое почти через 500 лет будет занимать гражданская война (1917—1920 гг.). Это позволяет серьезней относиться не только к пониманию сути татаро-монгольского ига, но агрессивности и разрушительности междоусобной войны между славянскими князьями.

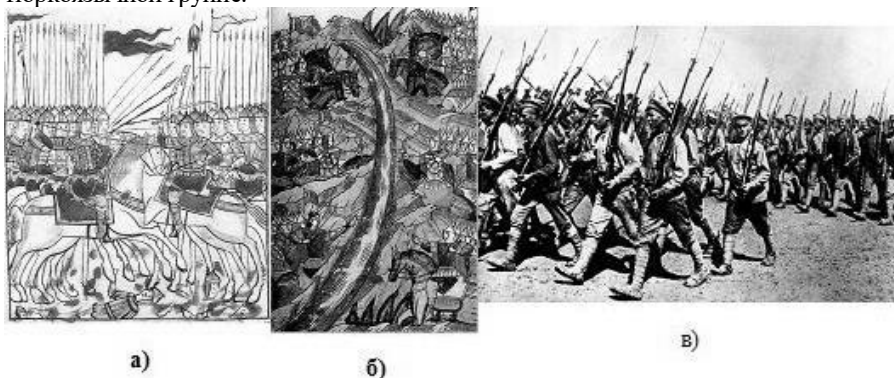
Известно, что на Руси в период 1237—1242 гг. отдельные княжества вели постоянные междоусобные войны — набеги на более слабых соседей, в ходе которых происходило массовое уничтожение мирных жителей и угон в рабство женщин и детей, разрушение населенных пунктов [5]. К концу XII в., например, «мать городов русских», город Киев, «был опустошен и разорен» в ходе междоусобных войн неоднократно, часть населения города была перебита, а оставшаяся уведена в плен [5]. В 1235 г. Киев был взят в очередной раз северским князем Изяславом и опять разорен и разграблен основательно [2].

Основной добычей совершавших междоусобные набеги русских князей были, пленные для продажи в рабство, и как следствие этого, важнейшей статьёй экспорта Руси в XII — к началу XIII в. стала работорговля — вывоз рабов-соотечественников за рубеж.....Продавали и перепродавали ремесленников .....и как наиболее ценный «экспортный товар» уходили массами мастера-ремесленники из Русской земли [5].

Приведенные выдержки не отрицают тяжести татаро-монгольского ига, но, вероятно, приближают общее понимание этого периода к действительно борьбе «всех со всеми», внутренней войны, больше соответствующей гражданской войне в современном понимании сути вещей (рис. 5).

Помимо всего прочего дополнительно было духовное и религиозное противостояние между христианской и языческой частями древней Руси. Спустя почти 550 лет через 3 цикла Фибоначчи подобное противостояние двух непримиримых идеологий повторится между красными и белыми. При этом важно отметить, что это была борьба не с иноземными захватчиками, т. к. большая часть тюркоязычных народов, составлявшими Орду (татары, половцы, ногайцы, кыпчаки, найманы и др.), исконно проживавшими

на территории Приуралья, Западной и Восточной Сибири, относящимися к тюркоязычной группе.

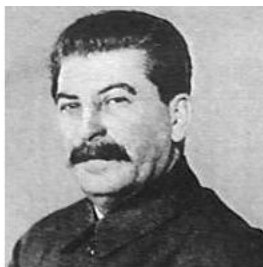
Рисунок 5. а) Куликовская битва (1380 г.), б) Стояние на Угре (1480 г.), в) гражданская война в России 1917 —1920 гг.

Иван Грозный — Иосиф Сталин

Многие неравнодушные к истории России люди интуитивно догадываются о незримой связи между, вероятно, самыми жестокими правителями России: Иваном Грозным и Иосифом Сталиным (рис.6). Для такого вывода не нужно изучать огромные архивы или быть историком. Это ощущение может возникнуть уже после изучения школьного курса истории России.

Спираль Фибоначчи на рис.3 в явном виде показывает четкое историческое соответствие между этими двумя грозными правителями. Не стоит сомневаться, что найдется немало подтверждающей это исторической конкретики.

Такое сильное сходство личностей и эпох особо ощущается творческими людьми: сценаристами, режиссерами. Да и сам Сталин И.В. чувствовал свою духовную близость к Ивану Грозному. Не зря же С. Эйзенштейном в 1944 году был снят фильм «Иван Грозный».

Рисунок 6. Иван Грозный и Иосиф Сталин

Польская интервенция в России в смутное время и Великая отечественная война 1941—1945 гг.

Польская интервенция в Россию в смутное время и Великая отечественная война 1941—1945 гг. занимают схожее положение на смежных ветвях спирали Фибоначчи (рис.3) и этим подтверждают подобность этих трагических событий.

В смутное время польский отряд сопроводил до Москвы, а потом и поставил на московский трон якобы чудом спасшегося царевича Дмитрия (Лжедмитрий). Чуть позже, в 1607 году во второй раз на Русь из Польши двинулась армия якобы вновь спасшегося царевича Дмитрия (Лжедмитрия II). В 1609 войска польского короля Сигизмунда III приступили к штурму Смоленска, а в 1610 году совет бояр (Семибоярщина) решил пригласить на русский престол польского королевича Владислава, и впустили поляков в Москву. Все это составляет горькие страницы польских интервенций в смутное время.

На другом витке спирали Фибоначчи через почти 330 лет в истории России наблюдается самая страшная и разрушительная война в истории России с иноземными фашистскими захватчиками (1941—1945 гг.).

Эти тяжелейшие войны смог превозмочь лишь только патриотический подъем всего русского народа. В XVII веке польские захватчики были разбиты и отброшены благодаря народному ополчению возглавляемому купцом Козьмой Мининым и опытным воеводой Пожарским, которые призывали отдать всё ради победы. В середине XX века только лишь полная мобилизация всех сил народа позволила одержать великую победу 9 мая 1945 года. В память о самых трагических днях истории России установлены памятники Минину и Пожарскому (Москва) и Родина-мать зовет (Волгоград), символически связавшие обе войны (рис.7).

*Рисунок 7. Памятники Минину и Пожарскому,
Родина—мать зовет*

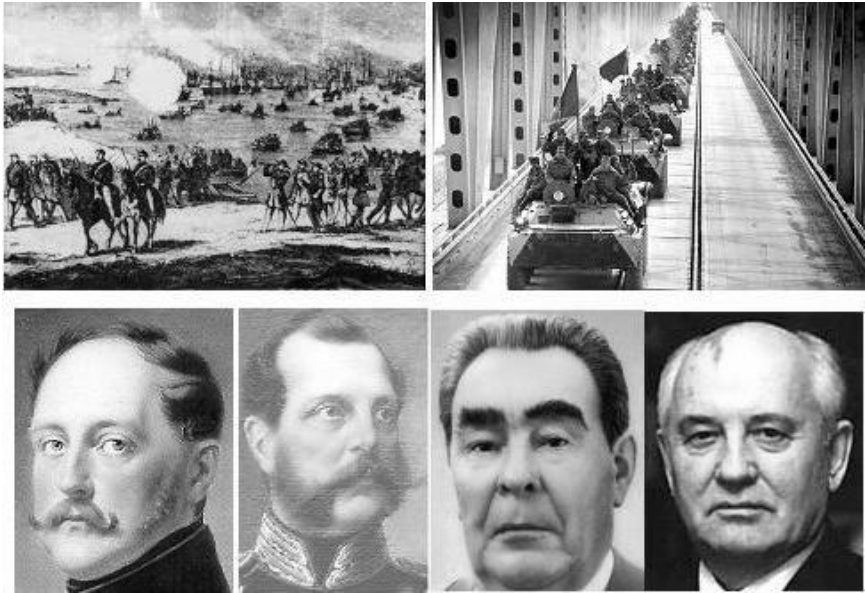
**Крымская (1853—1856 гг.)
и Афганская (1979—1989 гг.) войны**

Пожалуй, два горьких урока связаны с тяжелыми последствиями южных войн: Крымской и Афганской. Несмотря на отличия и почти 130 лет, их разделяющих, общий рисунок этих двух южных войн очень близок.

Россия начала войну успешно и это дало повод вмешаться Англии и ее союзникам. Через некоторое время Россия оказалась в тяжелой затяжной войне, в международной изоляции и даже в противостоянии со многими странами. Выход из обеих войн стал, пожалуй, единственным разумным в обоих случаях.

Обе войны совпали со сменой правителей страны: во время Крымской войны на смену Николаю I пришел его сын, реформатор Александр II, а начавшего Афганскую войну Брежнева Л.И. после двух похорон руководителей страны (Андропов Ю.В., Черненко К.У.) сменил реформатор Горбачев М.С.

Рисунок 8. Крымская (1853—1856 гг.) и Афганская (1979—1989 гг.) войны и руководители России, начавшие и закончившие их: Николай I и Александр II, Брежнев Л.И. и Горбачев М.С.

Поражение в Крымской войне и ощущение поражения после вывода советских войск из Афганистана поставило перед обществом множество вопросов о его причинах. Руководство страны в лице Александр II (времен окончания Крымской войны) и Горбачева М.С. (времен окончания Афганской компании) оказалось на исторической развилке дорог, и ему предстояло сделать выбор, в каком направлении пойдет Россия. Обе войны стали катализатором дальнейших реформ и преобразований в России. Как мы уже сейчас знаем, обе они стали одной из предпосылок для радикального реформирования России.

Интересно, что как видно из диаграммы на рис.3 Крымская и Афганская войны должны иметь свою условную подобную предшественницу в древние времена. На это могут претендовать два кандидата. Первым таким вероятным событием является смерть великого князя Киевской Руси Игоря, сына Рюрика, мужа княгини Ольги, отца Святослава от рук древлян в 945 году. Это произошло при попытке увеличения размера дани на древлян, при сборе которой дружинники Игоря творили также насилие над жителями. Это событие описано в «Повести временных лет» в переводе Д.С. Лихачева.

Вторым кандидатом может быть внешне очень похожее событие, произошедшее спустя 140 лет после первого — неудачный поход 1185 года русских князей на половцев, предпринятый новгород-северским князем Игорем Святославовичем. Именно это событие описано в самом известном памятнике древнерусской литературы «Слове о полку Игореве».

Удивительно, что обе эти истории похожи «как две капли воды» и в обоих центральное место занимает смерть князя Игоря. Трудно не спутать все обстоятельства.....Немаловажное место в обеих историях занимает супруга после смерти мужа. В первом случае жестокая месть княгини Ольги за смерть мужа навсегда осталась в истории, а во втором — плач Ярославны стала одним из самых пронзительных темой для любителей истории.

Рисунок 9. а) Княгиня Ольга встречает тело князя Игоря (Суриков В.И., 1915 г.), б) После побоища Игоря Святославича с половцами. (Васнецов В.М, 1880 г.)

Великие русские художники Суриков В.И. и Васнецов В.М. запечатлели эти трагические события в своих полотнах и дополнительно увековечили эти события в памяти потомков (рис.8).

Выводы:

1. С помощью спирали Фибоначчи, построенной на глубину более 1500 лет в историю, просматривается четкое соответствие на разных ее витках:

проигранные войны, военные походы:

поход великого князя Киевской Руси Игоря на древлян (945 г.), поход князя Игоря (1185 г.) на половцев — Крымская война (1853—1856 гг.) — Афганская война (1979 — 1989 гг.);

войны с иноземцами:

- Ледовое побоище — германская война (русско-пруссский фронт) в I мировой войне;
- польская интервенция в смутное время — Великая Отечественная война;

гражданская война:

- татаро-монгольское иго и особенно 100 — летний период активной борьбы за избавления от него, начиная от Куликовской битвы (1380 г.) до стояния на Угре (1480 г.) и гражданская война после большевистской революции между красными и белыми (1917 — 1920 гг.)

2. Просматривается определенная связь между временем официального признания христианства во времена Буса Белояра и крещением Руси (988 г.)

3. Крещение Руси Владимиром Красное Солнышко было в значительной степени носит характер вынужденного политического и духовного шага.

Список литературы:

1. Асов А.И. Свято-Русские Веды. Книга Велеса. — М: ФАИР—ПРЕСС, 2001.
2. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: ООО «Издательство АСТ». 2003.
3. Евгений Львов В поисках древнейших корней русского языка. Политические мистерии в России. М., Профессионал, 2012, 382 с.
4. Исследование истории России XIX—XXI веков с помощью циклов Фибоначчи, составленных по ключевым датам <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/legal-and-political-science-212/theory-and-history-of-state-and-law-212/13245-212-684>
5. История культуры древней Руси. Т. 1 Домонгольский период. Материальная культура. Издательство Академии наук СССР.М. — Л. 1951.
6. Львов Е.В. Циклы Фибоначчи в истории России. Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы общественных наук: социология, политология, философия и история» (16 мая 2012 г.), Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012, с. 99—121.
7. Циклы Фибоначчи в истории России. URL:<http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/2920-2012-05-27-16-15-52>
8. Шапова Ю.Л. Археологическая эпоха: Хронология, периодизация, теория, модель. Изд. 2-е доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010 —192 с.

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 1-Й ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Пышинограев Сергей Викторович

аспирант кафедры Истории России ВГПУ, г. Воронеж

E-mail: s.legion31@mail.ru

В изучении истории русско-японской войны 1904—1905 гг. Большую роль занимает исследование обороны Порт-Артура и деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры. Эти силы были изначально противопоставлены Японии и имели шансы на победу, поэтому историография занимается выяснением причин, которые привели русский флот к гибели.

В историографии можно выделить три периоды в изучении событий войны:

1. Период Российской Империи, когда изучением занимались непосредственные участники событий.
2. Советский период, особенностью которого стал классовый подход.
3. Современный (российский — С.П.) период, на котором происходит ревизия некоторых взглядов на русско-японскую войну и вместе с тем возрождение и развитие старых, досоветских и советских идей.

В работах дореволюционных авторов разработка русско-японской войны началась с момента её начала и активно продолжилась после окончания.

Первые исследования проводились военными и имели цель обобщить военный опыт, разобраться в причинах поражения, которые виделись в недостатках организации военного дела. Вместе с тем не было никакой серьезной критики офицеров и высшего командования, которая появилась в советский период.

Н.Л. Кладо, один из участников войны и виднейший военно-морской теоретик Российской Империи в своей работе «Очерк военных действий на море во время русско-японской войны» рассматривает организацию 1-й и 2-й Тихоокеанских эскадр, состояние материально-технической базы российского флота [4]. Автор делает вывод, что поражения можно было избежать, если бы русские адмиралы учли мировой опыт и сделали из этого соответствующие выводы.

Специализированные работы врача В. Кравченко и инженера Н.Н. Кутейникова раскрывают организацию медицинской и ремонтной службы эскадры [5; 6].

Японский хрестоматийный официальный труд «Описание военных действий на море 37 — 38 гг. эпохи Мейдзи», вышедший у нас под названием «Русско-японская война. Осада и падение Порт-Артура» и «Русско-японская. От Владивостока до Цуисмы», содержит японский официальный взгляд на события войны [9; 10]. Работа дополнена множеством источников делопроизводственного и мемуарного характера, как русских, так и японских. Недостатком труда является его тенденциозность, превознесение японской стороны.

Спецификой исследований этого периода являлось то, что они граничили с мемуарной литературой, поскольку проводились очевидцами и участниками событий.

В советской исторической литературе закрепились традиции рассматривать русско-японскую войну как изначально обреченную на поражение

А.И. Сорокин, в своей, написанной с марксистских позиций работе «Русско-японская война 1904-1905 гг.» [11] уделяет действиям военно-морского флота большое внимание, отмечая, что морской театр боевых действий был основным для России, потому, что господство на море сделало бы невозможным переброску японских войск на материк, и, следовательно война бы велась при инициативе русской армии и флота. При описании боевых действий он традиционно, для историков той эпохи хвалит действия адмирала С.О. Макарова и обвиняет в несостоятельности других командующих, таких как адмиралы В.К. Витгефт, Н.И. Скрыдлов, Р.Н. Вирен и особенно Е.И. Алексеева.

Отдельно стоит выделить монографии, посвященные истории отдельных кораблей [1; 7; 8]. Кроме фактических данных по техническому состоянию кораблей они содержат информацию по боевой подготовке экипажей и общем положении дел на флоте.

После распада СССР многое в истории претерпело изменения, произошел отказ от марксистских позиций и пересмотр отношения к различным историческим событиям, но русско-японская война так и осталась событием, рассматриваемым крайне негативно.

Среди монографий доминируют обобщающие работы, описывающие всю русско-японскую войну, события, происходившие на морском театре военных действий.

Двухтомный труд В.А. Золотарева и Ю.Ф. Соколова «Трагедия на Дальнем Востоке: русско-японская война» [3]. Не содержит каких-либо принципиально новых выводов. Действия флота в данной монографии рассмотрены более широко, приведено большее количество фактов и уделено большее внимание рассмотрению личностей, участвовавших в войне.

А. Царьков с своей работе также дает характеристику военных действий на морском театре [12].

Коллективная монография В.К. Шацилло и Л.А. Шацилло «Русско-японская война 1904-1905 гг.» [13], написанная с привлечением широкого круга разнообразных источников, рассматривает русско-японскую войну в комплексе — начиная с возникновения напряженности между странами в 1895 г. и заканчивая Портсмутским миром 1905 г. В работе рассматриваются внутренне положение Российской Империи и Японии, состояние их вооруженных сил, планы на предстоящую войну. Кроме этого данный труд содержит большое количество документов характеризующие различные аспекты конфликта: мемуары, официальные документы, тексты приказов и пр. Действия флота описаны здесь довольно обширно, но вместе с тем практически не дается никаких оценок и причин поражения России в этой войне.

Военный историк А.Б. Широкопад, в своей монографии [14] крайне негативно оценивает действия русского военного командования и операции, проводимые военно-морским флотом, кроме периода командования С.О. Макарова, к которому он занимает нейтральную позицию. Основная идея его работы: русско-японская война — период упущенных возможностей. Основываясь на экономико-географическом положении Японии, состоянием японской экономики, её зависимости от импорта промышленных товаров, полезных ископаемых, военной техники и вооружения, а также ссылаясь на опыт США во второй мировой войне автор приводит мысль, что беспощадная крейсерская война могла «... поставить Японию на колени ещё в 1904 г. ...» [14, с. 207]. Рассматривая боевую деятельность Порт-Артурской эскадры он критикует её командующего В.К. Витгефта, но тем не менее дает относительно положительную оценку его действий в бою 28 июля 1904 г. В то время как большинство офицеров, в особенности командиров кораблей нещадно порицаются им, вплоть до скрытых и явных обвинений в трусости.

Характеризуя действия Порт-Артурской эскадры в монографии посвященной броненосцу «Цесаревич» [8] Р.М. Мельников придерживается тех же суждений и оценок, что и в работе, посвященной крейсеру «Рюрик». Вместе с тем, он отмечает, что часть офицеров разоруженного в Циндао «Цесаревича» была распределена на суда 2-й Тихоокеанской эскадры, но их боевой опыт так и не был учтен, что стало одной из причин поражения флота адмирала З.П. Рожественского.

Монография С.А. Балакина, посвященная броненосцу «Ретвизан» несёт информацию о состоянии дел на 1-й Тихоокеанской эскадре, настроениях и уровне подготовки экипажа этих кораблей и о действиях каждого конкретного корабля в бою [1].

В целом можно сделать вывод, что в современной историографии намечился пересмотр, сложившегося в советское время взгляда на русско-японскую войну.

Список литературы:

1. Балакин С.А. «Броненосец Ретвизан». — М.: ЭКСМО, 2005. — 88 с.
2. Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: русско-японская война. Кн. I, II. - М.: Animi Fortitudo, 2004.
3. Кладо Н.Л. Очерк военных действий на море во время русско-японской войны // Русско-японская война: от Владивостока до Цусимы. - М.: ООО Издательство «АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — С. 467 — 602.
4. Кравченко В. Очерк деятельности судовых врачей 1-й и 2-й Тихоокеанских эскадр в русско-японскую войну 1904-1905 гг. — СПб., 1909. — 15 с.
5. Кутейников Н.Н. Из боевого опыта корабельного инженера под Порт-Артуром. — СПб.: Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1905. — 160 с.
6. Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. — Л.: Судостроение, 1989. — 256 с.
7. Мельников Р.М. «Цесаревич». Часть I. Эскадренный броненосец (1899 — 1906). — СПб.: Судостроение, 2000. — 172 с.
8. Русско-японская война: осада и падение Порт-Артура. — М: ООО Издательство «АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 733 с.;
9. Русско-японская война: от Владивостока до Цусимы. — М.: ООО Издательство «АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 605 с.
10. Сорокин А.И. Русско-японская война 1904-1905 гг. — М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1956. — 376 с.
11. Царьков А Русско-японская война 1904 — 1905. Боевые действия на море. — М.: ООО «Издательский центр «Экспринт», 2005. — 56 с.
12. Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война. — М. Молодая Гвардия, 2004. — 470 с.
13. Широкоград А.Б. Падение Порт-Артура. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НЛП «Ермак», 2003. — 506 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Седой Евгений Юрьевич

соискатель, ФГБОУ ВПО «КубГТУ», г. Краснодар

E-mail: sgfpr@mail.ru

Формирование представительных органов власти в России началось в XX веке. Николай II подписал Манифест 1905 года, который провозглашал демократические свободы, в том числе участие представителей различных сословий в работе Государственной думы России. Впоследствии представительные органы в самых разнообразных формах возникают в революционное время. Переломным моментом в развитии системы представительных органов власти в России стало создание Советов.

Съезды Советов возникли накануне Великой Октябрьской социалистической революции как результат стремления масс к объединению. Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов состоялся 4—28 мая 1917 года, а первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов — 3—24 июня 1917 года. В тот же период стали проводиться съезды Советов на местах. Итогом такой деятельности явилось закрепление съездов Советов Конституцией РСФСР 1918 года в качестве органов власти государства.

Созываемые в отдельных регионах, съезды Советов выступили инициаторами созыва и Всероссийских съездов, явились моделью их организации в первый период диктатуры пролетариата. В ряде мест съезды Советов решительно взяли власть в свои руки уже накануне Октября, что способствовало в дальнейшем их правовому закреплению в качестве органов государственной власти. Съезды явились средством объединения в отдельных регионах, а затем в масштабе всей страны Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, средством мобилизации и организации революционных масс.

В ноябре-декабре 1920 года были выборы в Советы рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов по всей территории Кубано-Черноморской области. В июне 1924 года Президиум ВЦИК СССР принял постановление, согласно которому Кубано-Черноморская область ликвидировалась, а на ее территории образовывались четыре округа, подчинявшиеся краевому центру в Ростове-на-Дону. В 1930 году округа были ликвидированы, а районы стали напрямую подчиняться Ростову-на-Дону.

Конституция СССР 1936 года закрепила новую систему высших и местных органов государственной власти. Произошли изменения в формах организации государственной власти в центре и на местах, что обусловило изменения в структуре местных Советов и формах их деятельности.

С совершенствованием государственного аппарата управления и органов советской власти на местах было связано и разукрупнение краев и областей. Так 13 сентября 1937 года было принято Постановление ЦИК СССР о разделении Азово-Черноморского края на Краснодарский край и Ростовскую область [8]. В состав Краснодарского края вошли 14 городов и 77 районов, в том числе 6 районов Адыгейской автономной области.

До первых выборов в Советы депутатов трудящихся Краснодарского края, которые состоялись 24.12.1939 г., на Кубани действовал Краснодарский краевой Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

Совет руководствовался Конституциями СССР и РСФСР, Положением о краевом, областном Совете депутатов трудящихся РСФСР [7]. Краснодарский краевой Совет депутатов трудящихся избирается сроком на 2 года.

На сессиях депутаты осуществляли свое право решающего голоса, рассматривали важные хозяйственные и социально-культурные вопросы, формировали исполнительно-распорядительные и другие органы краевого Совета. Сессии собирались не реже 4 раз в год. Число членов крайисполкома определялось постановлением ВЦИК — 12—15 человек [9].

Крайисполком осуществлял руководство культурно-политической, хозяйственной деятельностью края, организовывал выполнение народно-хозяйственных планов и бюджета, разрабатывал планы хозяйственного и культурного развития, обеспечивал охрану государственного порядка, прав граждан, соблюдение социальной законности.

В составе Крайисполкома входили отделы и управления по отраслям народного хозяйства. Выявить структуру Крайисполкома в начальный период его деятельности не представляется возможным ввиду отсутствия документов, но по переписке можно определить приблизительную структуру крайисполкома: краевой отдел народного образования, краевой отдел здравоохранения, земельный отдел, отдел социального обеспечения, управление по делам искусств, комитет по делам физической культуры и спорта, общий отдел, плановая комиссия, управление местной промышленности, управление легкой

промышленности, управление пищевой промышленностью, краевая прокуратура, краевой суд, краевой отдел коммунального хозяйства, арбитражная комиссия, управление печати, отдел внутренней торговли [6].

К началу войны на Северном Кавказе в основном были завершены организационные и структурные изменения Советов. В период ВОВ с августа 1942 года по октябрь 1943 года часть территории Краснодарского края была во временной оккупации. Краснодарский краевой исполнительный комитет был эвакуирован из г. Краснодар в г. Сочи.

Во время Великой Отечественной Войны выборы не проводились, состав исполкома не менялся, но некоторые члены были призваны в ряды Красной армии. Период эвакуации характеризуется свертыванием общей деятельности Краснодарского краевого исполнительного комитета и перенесением особого внимания на нужды фронта, нужды обороны страны.

С учетом требований военной обстановки Советские органы перестраивали свою работу. Основными направлениями перестройки Советов были структурные изменения и сокращение штатов, усиление военно-мобилизационной деятельности, повышение роли исполкомов и активности депутатов, установление жесткого оперативного контроля за выполнением постановлений и распоряжений чрезвычайных, военных, партийных органов и собственных решений.

Многие отделы и управления стали заниматься главным образом оборонительными работами (отдел коммунального хозяйства). В связи с ограничением деятельности были упразднены комитет по дела физической культуры и спорта [2] и отдел искусств [3]. В тоже время создавались специальные отделы — отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения и вопросов эвакуации [4], отдел по руководству мобилизацией на сельскохозяйственные работы [1].

В восстановительный период деятельность Краснодарского краевого исполнительного комитета по-прежнему направлялась на поднятие экономики края, руководство финансово-хозяйственным и культурным строительством, удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся.

Вторые выборы в Советы депутатов трудящихся состоялись в декабре 1947 года. В это время Крайисполком имел в своем составе следующие структурные подразделения: Аппарат исполнительного комитета, плановую комиссию, отдел народного образования, отдел здравоохранения, отдел местной промышленности, управление пищевой промышленности, управление легкой промышленности, управление

топливной промышленности, управление промышленностью строительных материалов, дорожный отдел, отдел коммунального хозяйства, отдел торговли, отдел культурно-просветительной работы, отдел по делам искусств, управление водного хозяйства, управление по делам сельского и колхозного строительства, госарбитраж, архив ЗАГС [5].

Верховный Совет СССР утвердил закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 — 50 гг. Перед местными органами власти края стояли задачи в течение 5 лет восстановить производственные мощности промышленных предприятий, железнодорожного транспорта, достичь и превзойти довоенный уровень выпуска продукции, полностью возродить экономическое и культурное значение края. Необходимо было осуществить реконструкцию и расширение предприятий, модернизацию оборудования, цехов, повысить производительность труда.

Краснодарский краевой Совет депутатов трудящихся (с октября 1977 года — народных депутатов) просуществовал с различными реорганизациями до января 1994 года. Его правопреемником стало Законодательное Собрание Краснодарского края.

Список литературы:

1. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 22. Л. 90.
2. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 22. Л. 130.
3. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 22. Л. 248.
4. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 28. Л. 634-635.
5. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 42. Л. 1.
6. ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 420. Л. 14.
7. Положение о краевых, областных, окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах. В кн. «Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР». Т. 1. 1917 — 1928 гг., М. 1959. С. 269-410.
8. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1937 г., Т. 61, ст. 267.
9. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 1. Д. 778. Лл. 2 — 2 об.

АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ИСТОРИИ РОССИИ

Трегубов Алексей Евгеньевич

канд. ист. наук, доцент СГУ, г. Ставрополь

E-mail: tregubova59@bk.ru

Студенческое самоуправление, как часть студенческого движения, т. е. борьбы студентов в защиту своих интересов, возникло в средние века вместе с первыми европейскими университетами. В России это проявление студенческой жизни началось в XVIII в. Так первые упоминания о студенческом самоуправлении относятся, по одним данным к 1757 г. [12], по другим к 1787 г. [5, с. 15].

Таким образом, история студенческого самоуправления в России насчитывает как минимум 225 лет. За это время оно стало неотъемлемой частью вузовской жизни и характеризуется постоянной эволюцией. Сегодня, с точки зрения Российского союза студентов, функции, направления и формы студенческого самоуправления должны насчитывать 17 составляющих [20]. В их числе: как традиционные — участие в управлении учебным заведением; содействие организации эффективного учебного процесса и научно-исследовательской работы студентов; участие в решении социально-правовых проблем студенческой молодежи; организация досуга и отдыха и т. д., так и свойственные современному обществу — создание единого инфо-коммуникационного и информационного пространства для студентов.

Эволюция студенческого самоуправления не ограничивается только возникновением новых функций, направлений и форм. В различные периоды развития государства уровень активности студенчества, сила его влияния на жизнь вуза, а иногда и страны, не была одинаковой. Иногда студенческая активность была почти незаметна, но иногда выплескивалась за рамки вуза. Так накануне первой русской революции 1905—1907 гг. «...понятия «студент» и «революционер» были почти синонимами, и тот не считался настоящим студентом, кого не били полицейские и жандармы, кто не отсидел своей порции в участке или тюрьме» [18, с. 6]. Более того, в ряде стран студенческие волнения приводили к отставкам правительств, смене политического режима. Именно с массовой студенческой демонстрации 17 ноября 1988 г. началась Бархатная революция в Чехословакии [3].

В этой связи, вопрос: «Действие, каких факторов влияет на активность студенческой молодежи?» является актуальным.

Исследуя его, можно предположить, что на уровень студенческой активности влияет политическая ситуация, сложившаяся в стране. Однако, вывод о том, что эта связь прямая: чем демократичнее общество, тем активнее студенчество -представляется неоднозначным.

Для анализа интересующего нас вопроса возьмем два периода. Первый — конец XIX — начало XX в. Время, которое нельзя характеризовать как период расцвета демократии. Второй период — конец XX — начало XXI в. Время демократических преобразований, создания многопартийной системы, господства плюрализма мнений.

Первый из выбранных нами этапов, характеризуется реакционной политикой царского правительства в деле организации высшего образования. В 1884 г. был принят университетский Устав и циркуляры Министерства народного просвещения, значительно сокращавший академические права и свободы.

В ответ органы студенческого самоуправления (т. н. землячества — полулегальные организации, объединявшие студентов по месту их рождения или учебы) организовывали студенческие протесты: бойкот лекций реакционных профессоров, неподчинение распоряжениям администрации университетов, подача коллективных петиций, жалоб и т. д. [8, с. 41]

Следует заметить, что землячества возникли в 1850 — 1860-х гг. как органы студенческого самоуправления с целью оказания материальной и моральной поддержки студентам- землякам. Однако позже, в 1890-х гг., в результате изменения политической обстановки в государстве, в среде российского студенчества вызрела антисамодержавная идея. Что в полной мере проявилось в связи с принятием 29 июля 1899 г. «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков».

Отправка в солдаты 183 студентов Киевского и 27 студентов Петербургского университетов, осуществленная в соответствии с названными Правилами, положило начало масштабным и практически непрерывным студенческим выступлениям. Прошли Всероссийские забастовки студентов Москвы, Петербурга, Киева, Харькова, Казани и других городов.

Студенческие выступления в канун первой русской революции, по оценке не только советских исследователей [4; 17; 19] и современных историков [1; 7; 8; 9; 13], но и непосредственных участников тех событий [10; 21], носили исключительно острый, бескомпромиссный и политизированный характер. Так, А.И. Спиридович — жандармский офицер, организатор и непосредственный участник подавления

студенческих волнений вспоминает: «Студенческие беспорядки 1899 — 1901 годов послужили началом того общественного движения, которое, нарастая, затем постепенно захватывало все новые и новые слои населения, слилось с революционным и вылилось в первую 1905 г. революцию» [16, с. 82]. Думается, что он преувеличивает роль студенческих беспорядков как первопричину революции, однако приведенная цитата дает возможность представить масштабность выступлений и глубину воздействия на общество протестующей студенческой молодежи.

Таким образом, мы констатируем высокий уровень студенческой активности и как следствие значительное влияние студенчества на внутривузовскую жизнь, на политическую ситуацию в стране. При этом заметим, что отмеченный выше процесс развивался вопреки политике, проводимой государством, т.е. носил протестный характер. Следовательно, можно сделать вывод о том, что протест является одной из причин стимулирующих активность студенчества.

Обратимся ко второму из избранных нами этапов в истории государства — конец XX — начало XXI вв. Одной из его характерных черт является демократические преобразования, затронувшие все общество, в том числе и студенческую молодежь. Были приняты документы, сформировавшие законодательную базу, направленную на обеспечение свободы самореализации личности, ориентацию студентов на социальную активность, на успех в жизни, на стимулирование социальной активности студента как субъекта создаваемого в России гражданского общества. В их числе: Указ Президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» (1992 г.); Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации (1993 г.), Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98—ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Российской Федерации» и др.

Как же отреагировало студенчество на изменения, произошедшие в политической жизни страны? Стимулировала ли демократизация общества студенческую активность?

Для ответа на этот вопрос, с целью изучения положения дел в студенческой среде в 1999 г. был проведен социологический опрос студентов 2-х и 4-х курсов различных государственных вузов страны. В их числе: Московский государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), Нижегородский государственный университет и Тверской государственный университет.

Среди основных проблем, была исследована такая форма социальной активности студенчества как желание участвовать в общественной жизни своего вуза [2, с. 119]. Результаты опроса приведены в таблице 1.

Таблица 1.

**Отношение студенческой молодежи к участию
в общественной жизни своего вуза (в %).**

	РГГУ	Ниж. Новгород	Тверь	МГУ	Все вузы
Да	16,6	29,4	20,9	20,4	22,7
Нет	56,2	45,2	56,5	49,6	51,4
Еще не решил	27,2	25,4	22,7	30,1	25,7

Таким образом, измерение количества активистов показывает, что примерно каждый пятый студент готов участвовать в общественной жизни своего вуза. Принимая это во внимание, а так же то, что подавляющее большинство студентов представляют «ведомых», возникает вопрос: «Достаточно ли такого количества активистов, способных повести за собой основную массу студентов, или нет?»

Аналогичным вопросом, в свое время, задался известный жандармский полковник С.В. Зубатов. В своей записке заведующему особым отделом Департамента полиции Л.А. Ратаеву «О студенческом движении рубежа XIX — XX вв.» [6] С.В. Зубатов пришел к выводу, что из общего числа студентов примерно 1/3 является активной частью, так сказать ведущими, а остальные 2/3 «болотом». Но при определенных условиях это подавляющее меньшинство может привлечь основную массу студентов к активным действиям. К «определенным условиям» С.В. Зубатов относит возможность непосредственно повлиять на решение жизненно важных для студентов вопросов. Например, восстановление сокращенных академических свобод, борьба с преследованием по политическим мотивам и как следствие призыв в армию, противостояние увеличению платы за обучение и т. д.

Сравнив результаты исследования количества студентов готовых активно участвовать в общественной жизни в 1999 г. (22,7 %) с выводами С.В. Зубатова, сделанные в начале XX в. (33 %), мы видим существенную разницу, превышающую 10 %. Это позволяет нам сделать вывод — уровень демократичности общества создает условия для повышения активности студенчества, но не является единственным фактором, влияющим на данное явление.

Вместе с тем, как показали упомянутые выше социологические исследования, несмотря на пассивность большей части студенчества, оно не потеряло интереса к студенческому самоуправлению, более

того, из всего многообразия общественной работы предпочтение отдается именно ему [2, с. 120].

Таблица 2.

Отношение студенческой молодежи к участию в различных формах общественной работы (в %).

Вы готовы принять участие в:	РГГУ	Ниж. Новгород	Тверь	МГУ	Все вузы
- патриотических акциях	11,2	10,6	3,7	15,1	8,5
- волонтерском движении	18,7	22,1	4,4	27,9	16,7
- политических акциях	11,2	4,8	12,2	14,0	11,1
- студенческом самоуправлении	30,8	38,5	40,2	24,4	37,0
- экологическом движении	13,1	15,4	24,4	7,0	14,3
- других видах деятельности	15,0	8,7	14,6	11,6	12,4

По какой причине студенты отдают предпочтение самоуправлению? Очевидно потому, что студенческое самоуправление помогает решать ежедневные, насущные вопросы, затрагивающие каждого студента, не зависимо от его общественной активности или политических пристрастий.

Исследуя факторы, влияющие на студенческую активность в конце XIX — начале XX вв. были отмечены протестные настроения студентов. Возможно ли влияние этого фактора в постсоветский период истории государств? В таблице № 3 приведено отношение студентов к протестным акциям [2, с. 118].

Таблица 3.

Отношение студенческой молодежи к участию в протестном движении (в %).

Вы готовы принять участие в акциях протеста?	РГГУ	Ниж. Новгород	Тверь	МГУ	Все вузы
- регулярно участвую	0,7	1,2	0	1,3	0,7
- в отдельных мероприятиях	4,2	6,9	3,2	4,9	4,5
- участвую случайно	9,2	16,3	6,1	12,5	9,2
- не участвую	63,3	52,2	76,3	50,9	63,2
- принципиально не участвую	22,6	23,3	14,4	30,4	22,4

Результаты опроса свидетельствуют о том, что у студентов протестный потенциал, правда невысокий, но присутствует. Его существование объясняется наличием острых вопросов, затрагивающих повседневную жизнь студенчества. Так, например, в 1998 г., в ряде тверских вузов, а именно госуниверситете, техническом университете и медакадемии прошли студенческие протестные

выступления под лозунгом «Мы стоим на краю пропасти и предупреждаем всех — мы ещё живы!», вызванные невыплатой стипендий в течение нескольких месяцев. Студенческий протест, зревший в стенах вузов, вылеснулся на улицы города [14]. Только вмешательство руководства региона, и федерального центра, обеспечившее выплату стипендии, позволило вернуть студентов в аудитории. Очевидно, что добившись регулярной выплаты стипендии студенты успокоились и в результате социологический опрос, проведенный через год, показал минимальный протестный потенциал студентов Тверского государственного университета (таблица № 3).

В последние годы, в связи с осуществлением реформы в сфере образования, проведение студенческой молодёжью протестных акций активизировалось. Примером всероссийской акции протеста может служить митинг студентов, состоявшийся в апреле 2005 г. в Москве перед Домом Правительства России под лозунгом «Гагарин учился бесплатно». Митинги проходили в нескольких российских городах одновременно. Около 4 тысяч студентов протестовали против реформы образования. 13 марта 2009 г. в Кирове прошёл митинг в защиту студентов. Основными требованиями митингующих стали: рассрочка оплаты за обучение, предоставление гарантированных рабочих мест для выпускников вузов. По итогам митинга было подготовлено открытое письмо губернатору Кировской области с просьбой обратить пристальное внимание на существующие проблемы. В середине декабря 2010 г. студенты факультета графических искусств Московского государственного университета печати (МГУП) объявили забастовку. Они были недовольны рядом решений руководства университета, в том числе и повышением платы за обучение на 10% [15, с. 12]. Примеры студенческих выступлений в современной России можно найти и в других городах [15, с. 12; 11; 17]. Конечно, их масштаб никак нельзя сравнить с событиями конца XIX — начала XX века, но и игнорировать их было бы ошибкой.

Таким образом, нам удалось определить некоторые факторы, влияющие на развитие активности студенчества и как следствие студенческого самоуправления. Среди них: политическая обстановка, характеризующаяся большей или меньшей демократичностью; наличие законодательной базы, определяющей сферу влияния студенческого самоуправления; наличие проблем в системе образования, способных вызвать студенческое протестное движение.

Не вызывает сомнения существование и других факторов, влияющих на активность студенчества. В их числе можно назвать: ответственность за тот или иной участок работы, поддержку со стороны

администрации вузов, наличие продуманной структуры органов самоуправления, материальное и моральное поощрение и т. д. Однако в рамках одной статьи проанализировать все эти факторы не представляется возможным и этим вопросам будут посвящены будущие публикации.

Список литературы:

1. Алексеева И.А. Студенческое движение в России в начале XX века [электронный ресурс] — Режим доступа <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Alekseeva/>
2. Бабочкин П.И., Шуралева Е.Ф. Социальная активность студентов Российских вузов// Российское студенчество на рубеже веков. Материалы Всероссийского студенческого форума. Под ред. Ю.В. Коврижных, Г.В. Куприяновой. — М.: Логос, 2001. 200 с
3. Бархатная революция в Чехословакии [электронный ресурс] — Режим доступа — <http://ru.vlab.wikia.com/wiki/>
4. Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. М.: Мысль, 1971. — 262.
5. Змеев В.А. Российское студенчество XVIII века//Российское студенчество на рубеже веков. Материалы Всероссийского студенческого форума. Под ред. Ю.В. Коврижных, Г.В. Куприяновой. М.: Логос, 2001 — 200.
6. Зубатов С.В. Студенческий вопрос. Записка начальника Московского охранного отделения заведующему особым отделом Департамента полиции Л.А. Ратаеву [электронный ресурс] — Режим доступа — <http://www.rusarchives.ru/publication/zubатов.shtml>
7. Иванов А.Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905 — 1907 годов // Отечественная история. 1995, № 6.
8. Иванов А.Е. Землячества//Российское студенчество на рубеже веков. Материалы Всероссийского студенческого форума. Под ред. Ю.В. Коврижных, Г.В. Куприяновой. — М.: Логос, 2001 г. 200 с.
9. Иванов А.Е. Студенческая «самопомощь» в высшей школе Российской империи (конец XIX — начало XX в.) // Отечественная история. 2002. № 4.
10. Иорданский Н. «Миссия» П.С. Ванновского (из воспоминаний о студенческом движении 1899 года) // Былое. 1907, № 9.
11. История маленького студенческого бунта [электронный ресурс] — Режим доступа <http://www.yabloko.ru/Union/ММҮА/action/030703.html>
12. История развития студенческого самоуправления в России [электронный ресурс] — Режим доступа — <http://www.sumirea.ru/narticle49.html>
13. Краснов П.В. Департамент полиции МВД и студенческое движение в России в конце XIX — начале XX века.// Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. МГУ 2008. 23 с.

14. Мы стоим на краю пропасти и предупреждаем всех — мы ещё живы! [электронный ресурс] — Режим доступа — www.chat.ru/~tverstud
15. Органы студенческого самоуправления: правовое обеспечение и перспективы развития Аналитические материалы [электронный ресурс] — Режим доступа - <http://www.rapos.ru/Info/viewtopic.php?t=185>
16. Спиридович А.И. Записки жандарма [электронный ресурс] — Режим доступа — <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/gendarme.htm>
17. Тарасов А. Тщательно скрываемые бунты [электронный ресурс] — Режим доступа — http://sceptsis.ru/library/id_316.html
18. Титлинов Б.В. Молодежь и революция. Л., 1925. — 217.
19. Трайнин А.С. Под знаменем революции. Коммунистическая партия — руководитель революционного юношеского движения, организатор комсомола. М.: Молодая гвардия, 1975 — 224.
20. Что такое студенческое самоуправление? [электронный ресурс] — Режим доступа — <http://astruy.3dn.ru/index/0-7>
21. Шохор-Троцкий К.С. Толстой и студенческое движение 1899. [электронный ресурс] - Режим доступа — <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/137/t372651-.htm>

УЕЗДНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Хорина Вера Владимировна

*зам. директора научной библиотеки КГПУ им. В.П. Астафьева,
г. Красноярск
E-mail: horina@kspu.ru*

В XIX — начале XX вв. сельскохозяйственные общества составляли одну из самых многочисленных групп добровольных общественных объединений в Российской Империи. К их числу, например, принадлежали такие старейшие научно-практические общества как Вольное экономическое общество (1765) и Имп. Московское общество сельского хозяйства (МОСХ) (1819) [1, с. 104—105].

В начале 1860-х гг. стали возникать региональные сельскохозяйственные общества с небольшим районом деятельности (губерния, уезд и т.д.). В 1866 г. в целях облегчения процедуры появления таких обществ был упрощен порядок получения разрешения на их открытие, в результате чего к 1898 г. число их в России достигло 300 (в т. ч. около 170 самостоятельных обществ и 125 отделов).

Пик создания губернских, уездных и даже волостных обществ сельского хозяйства пришелся на 1880-е гг. — начало XX в. По данным на 1914 г. в России в этой сфере существовало уже 5795 различных общественных организаций [1, с. 187—258; 15]. Все они преследовали одну главную цель — осуществление модернизации сельского хозяйства, основанной на последних рекомендациях и достижениях агрономической науки, в конкретном регионе.

В 1905 г. открылось второе в Енисейской губернии (и первое уездное) *Минусинское сельскохозяйственное общество*. Первым сельскохозяйственным обществом на этой территории — и самым крупным из них — стал Красноярский отдел Московского общества сельского хозяйства. Главными положительными отличиями Минусинского общества от Красноярского отдела МОСХ (членами которого были, главным образом, городские чиновники, имевшие к сельскому хозяйству зачастую очень отдалённое отношение) стало присутствие в его рядах большого количества сельских хозяев, разбиравшихся в особенностях местного сельского хозяйства и его нуждах, и направленность главных усилий общества на практическое решение конкретных местных проблем.

На первом общем собрании Минусинского общества сельского хозяйства присутствовали: заведующий уездной поземельной устроительной партией В.А. Зубов, правительственный агроном А.А. Пересвет-Солтан, надзиратель 3-го округа А.Г. Каменский, библиотекарь Минусинской публичной библиотеки Е.Ф. Гушин, хранитель Минусинского музея Н.И. Тропин, минусинский лесничий А.И. Крюков, зав. казённым сельскохозяйственным складом В.Я. Райзер, учитель Каратузского народного училища С. Лысяк и 13 человек крестьян. Они и стали учредителями общества, избрав председателем А.А. Пересвет-Солтана.

Вскоре после этого собрания газета «Сибирский край» писала: «Чтобы сельскохозяйственные общества принесли должную пользу местному хозяйству, необходимо, чтобы деятельность их распространялась на небольшие отдельные районы, имеющие общие интересы и нужды, и чтобы в состав их вошли сельские хозяева, заинтересованные в их работе, готовые по мере сил и возможностей служить общему делу. <...> Наиболее важное преимущество таких обществ заключается в постоянном и тесном общении членов общества и в работе в своих близких интересах родного уголка. Нельзя поэтому не приветствовать возникновения первого такого общества в нашей губернии — Минусинского, поставившего целью содействие соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию

сельского хозяйства и сельской промышленности в Минусинском уезде. <...> Присутствие крестьян в качестве учредителей позволяет надеяться, что общество сумеет привлечь <...> местное крестьянство и придаст своей деятельности практическое направление» [7, с. 2].

В 1905—1906 гг. обществом были осуществлены следующие практические мероприятия: 1) учреждена комиссия для выдачи сельскому населению советов по сельскохозяйственным вопросам; 2) выписывались и раздавались местным крестьянам различные семена улучшенных хлебных и огородных растений для их испытания; 3) читались доклады и рефераты приглашённых лекторов и членов общества по самым актуальным сельскохозяйственным вопросам и т. д. Кроме того, на собраниях Минусинского общества живо обсуждался вопрос о земских учреждениях в Сибири, а также манифест 17 октября [8, с. 2].

В 1907 г. деятельность Минусинского общества сельского хозяйства на некоторое время замерла в связи с объявлением в стране «режима усиленной охраны», возобновившись только в 1910 г. На тот момент в обществе было 114 членов, а в 1911 г. — уже 202 (в основном, в это число входили минусинские мещане и крестьяне окрестных сёл и деревень) [9, с. 1].

В 1911 г. на одном из собраний члены общества решили открыть в уезде в целях распространения сельскохозяйственных знаний в доступном изложении до 15 сельскохозяйственных библиотек. В итоге к 1914 г. таких библиотек было открыто 8. Увы, крестьяне посещали их нечасто, в силу постоянной занятости и повальной безграмотности (часто в селе умел написать собственное имя только местный писарь), хотя и признавали их полезность [9, с. 4, 14; 10, с. 21—22].

В 1911—1913 гг. общество неоднократно поднимало перед администрацией вопрос о создании в уезде сельскохозяйственного кредитного товарищества в связи с уже давно назревшей потребностью в мелком сельскохозяйственном кредите. Но ходатайства оставались без ответа, либо наталкивались на массу препон. Решение об открытии кредитного товарищества было принято 6 марта 1911 г., а открылось оно 5 июня 1913 г. [5, с. 3; 9, с. 3; 10, с. 16—18; 13, с. 3]

В 1912 г. сотрудниками Минусинского сельскохозяйственного общества И.А. Михайловым и И.П. Бедро были разработаны анкеты, с помощью которых в течение нескольких лет производилось обследование бахчеводства в уезде. Они же составили листки с советами о посеве сельскохозяйственных трав и корнеплодов. Листки эти раздавались всем желающим производить опыты с посевом трав

и корнеплодов: крестьянам, членам общества, другим уездным сельскохозяйственным обществам, агрономическому персоналу [10, с. 9—10].

В августе 1912 и 1913 гг. общество устраивало в Минусинске выставки бахчеводства и огородничества, в первой из которых приняло участие всего 17 чел. из Минусинска и окрестных сёл, во второй было уже 46 участников. На выставке 1913 г. было представлено 36 видов местных огородных и бахчевых культур, которые оценивались специальным жюри по различным параметрам. Здесь же распространялись листки и брошюры, изданные Минусинским обществом сельского хозяйства, отчёты о его деятельности за несколько лет. Книжный магазин А.Ф. Метёлкина по приглашению общества продавал на выставке книги по сельскому хозяйству. Всего её посетило около 2 тыс. человек.

После выставки правление общества подвело итоги и сделало следующие выводы: «Сибирское крестьянство далеко не так консервативно, оно охотно идёт на улучшения и новшества в хозяйстве. Но некому руководить лицами, желающими улучшить своё хозяйство, некому давать указания. Поэтому необходимо, кроме устройства ежегодных выставок, производить чтения и беседы, устраивать специальные систематические курсы, необходим инструктор по бахчеводству и огородничеству» [10, с. 10—15; 12, с. 3—12].

На 1 января 1913 г. в Минусинском обществе насчитывалось 248 членов. Абсолютное большинство в его составе (68 %) имели крестьяне ближайших к Минусинску селений, далее — мещане г. Минусинска, занимающиеся сельским хозяйством (13 %), а в остальные 19 % входили чиновники, купцы и другие жители Минусинска. Председателем был Н.М. Олтаржевский [10, с. 1—2]. В 1913-1914 гг. при обществе успешно работали комиссии по бахчеводству, по животноводству, по выработке норм размера инокордического надела и т. д. [11].

В 1914 г. кроме Минусинского в губернии действовали уже Енисейское, Казачинское, Ачинское, Черемшанское, Верхне-Шалинское и ещё 20 других небольших уездных и волостных сельскохозяйственных обществ [4; 14].

Чтобы проиллюстрировать их основные задачи и методы, приведём здесь фрагменты почти идентичных уставов *Казачинского* и *Енисейского обществ сельского хозяйства*, основанных в 1911 и 1914 гг.: «Казачинское (Енисейское) сельскохозяйственное общество имеет целью содействовать в районе своих действий <...> развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Для достижения этих целей обществу

предоставляется: 1) изучать положение различных отраслей сельского хозяйства и выяснять сельскохозяйственные нужды и потребности путём совместного обсуждения относящихся сюда вопросов <...>, а также снаряжать экспедиции и экскурсии как для обозрения хозяйств своих членов, так и вообще для всякого рода сельскохозяйственных исследований; 2) распространять теоретические и практические сведения по сельскому хозяйству путём устройства публичных чтений, печатания и распространения своих трудов и сельскохозяйственных сочинений, а в случае возможности и собственного периодического журнала, и учреждения сельскохозяйственных училищ, библиотеки и музея; 3) заботиться о выработке правильных способов ведения хозяйства, производя испытания приёмов и культур, принятых в других местностях как в России, так и за границей, для распространения тех из них, которые окажутся полезными для местных хозяев, устраивая конкурсы земледельческих машин, орудий, упряжек и т.п., учреждая опытные станции и поля, фермы, сады и питомники и проч. и содействуя деятельности сих учреждений <...>; 4) способствовать хозяевам в правильной постановке их сельскохозяйственных предприятий полезными указаниями и рекомендациями и принимать на себя посредничество по снабжению хозяев нужными в хозяйстве предметами и по сбыту произведений их хозяйств, открывая с этой целью комиссионные бюро, сельскохозяйственные склады; 5) устраивать выставки и поощрять заслуги на сельскохозяйственном поприще присуждением <...> почётных наград» [16, с. 1—3; 17, с. 1—3].

Заметки в ряде красноярских газет за 1912—1915 гг. дают нам некоторые сведения об основных приоритетах и направлениях деятельности *Ачинского сельскохозяйственного общества*. Устав общества был утверждён енисейским губернатором 5 февраля 1911 г., официально оно открылось 5 марта в составе 14 членов. В сентябре 1912 г. в Ачинском сельскохозяйственном обществе уже числилось 60 человек. За первые полтора года существования оно возбудило целый ряд ходатайств перед департаментом земледелия и агрономическим совещанием губернии. Некоторые из них даже достигли цели: например, было удовлетворено прошение общества о назначении в Ачинский уезд инспектора по пчеловодству; частично удовлетворена просьба об устройстве двух ферм по разведению племенного скота — прислан бык швицкой породы и получено обещание о доставке овец романовской породы; поддержано ходатайство о распространении на Сибирь мелиоративного кредита. В числе практических мероприятий общества можно упомянуть также учреждение опытного поля и справочно-комиссионного бюро, которое занялось продажей сепараторов

для молочных хозяйств, пчеловодных принадлежностей (в т. ч. ульев собственного изготовления) и т. д. Кроме того, зимой 1912—1913 гг. общество намеревалось организовать курсы по различным отраслям сельского хозяйства и провести ряд лекций-бесед по сельскохозяйственным вопросам [2, с. 3—4; 6, с. 3].

В 1914—1915 гг. Ачинское сельскохозяйственное общество активно взялось за развитие кустарного промысла в уезде. Для этого было предложено открыть показательную ткацкую мастерскую, развивать льноводство, создавать условия для расширения кустарной промышленности и сбыта её продукции. С момента возникновения общества оно охотно приобретало у крестьян льняное волокно, которое затем большими партиями сдавало различным фирмам. Например, лён урожая 1912 г. был по выгодной цене продан в Англию через Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли. Урожай 1913 г. немного залежался и позже был по дешёвке продан в Ригу [18].

В начале 1915 г. на заседание Ачинского общества прибыл лично директор Акционерного общества пароходства, промышленности и торговли господин Йонас Лид и предложил его правлению официально и на постоянной основе доставлять его компании льняное волокно и коноплю для отправки Северным морским путём в Англию. Кроме того, он предложил, в качестве эксперимента, отправлять туда также и кедровый орех [3, с. 3].

Подводя итоги, нужно отметить, что в конце XIX, а особенно в начале XX вв. сельскохозяйственные общества получили в Енисейской губернии широкое распространение и весьма положительное развитие. Собирая и систематизируя сведения по местной сельскохозяйственной статистике, обсуждая актуальные проблемы губернского сельского хозяйства, сельскохозяйственной и кустарной промышленности и принимая практические меры для их разрешения, организуя опытные участки и занимаясь акклиматизацией для условий Сибири огородных и плодовых растений, распространяя улучшенные семена среди губернского крестьянства и обучая его правильно обращаться как с этими семенами, так и с новыми сельскохозяйственными машинами, организуя в отдалённых деревнях чтения, беседы и сельскохозяйственные библиотеки эти общества, несомненно, приносили вполне ощутимую пользу местному сельскому населению и вносили немалый вклад в развитие губернской экономики. Особенно же ярко их работа проявлялась в периоды складывания различных неблагоприятных природных или политических ситуаций, когда помощь сельскому населению губернии со стороны местных

сельскохозяйственных обществ часто оказывалась гораздо более скорой и эффективной, в то время как правительство не всегда спешило поддержать бедствующее население окраинных территорий России. Во многом благодаря организационной, а то и материальной поддержке местных обществ сельского хозяйства получила развитие в губернии и сельскохозяйственная кооперация в сфере сбыта местной сельскохозяйственной продукции — хлеба, масла, льна и т. д. Именно сельскохозяйственные общества являлись главными проводниками модернизации губернского сельского хозяйства.

Главными же трудно разрешимыми проблемами, с которыми приходилось столкнуться абсолютно всем сельскохозяйственным обществам губернии, были постоянная острая нехватка денежных средств и равнодушие и бюрократизм государственных чиновников различного уровня, к которым они обращались за субсидиями или за разрешением на тот или иной вид деятельности.

Список литературы:

1. Агрономическая помощь в России / под ред. В.В. Морачевского. — Пг., 1914. — 607 с.
2. Ачинск. Общее собрание сельскохозяйственного общества // Красноярский вестник. — 1912. — № 50.
3. Ачинск. В сельскохозяйственном обществе // Отклики Сибири. — 1915. — № 21.
4. Енисейская губерния // Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год / под ред. В.В. Морачевского. — Пг., 1916. — С. 588—592.
5. Из жизни Минусинского кредитного товарищества // Отклики Сибири. - 1914. — № 9.
6. Новое сельскохозяйственное общество // Красноярская мысль. — 1911. — № 35.
7. Новое сельскохозяйственное общество в Енисейской губернии // Сибирский край. — 1905. — № 70.
8. Отчёт Минусинского с/х общества за 1910 г. — Минусинск, 1911. — 20 с.
9. Отчёт о деятельности Минусинского с/х общества за 1911 г. — Минусинск, 1912. — 26 с.
10. Отчёт о деятельности Минусинского с/х общества за 1912 г. — Минусинск, 1913. — 34 с.
11. Отчёт о деятельности Минусинского с/х общества за 1913 г. — Минусинск, 1915. — 32 с.

12. Отчёт Минусинского с/х общества по устройству второй выставки бахчеводства и огородничества 29 и 30 августа 1913 г. в г. Минусинске. — Минусинск, 1914. — 38 с.
13. По губернии. г. Минусинск // Красноярский голос. — 1912. — № 20.
14. Сведения о с/х обществах, действующих в Енисейской губернии // Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 г. — Красноярск, 1913. — С. 160—161.
15. Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах: дополнительный выпуск адрес-календарных сведений к 1 января 1917 г. — Пг., 1917. — 163 с.
16. Устав Енисейского с/х общества. — Енисейск, 1914. — 12 с.
17. Устав Казачинского с/х общества. — Красноярск, 1911. — 16 с.
18. Хроника. г. Ачинск Енисейской губернии // Отклики Сибири. — 1914. — № 197. — С. 3, № 204. — С. 3.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ ЭСХАТОЛОГИИ ИСКУПЛЕНИЯ (ЧАСТЬ I)

Халяпина Наталья Владимировна

канд. ист. наук, доцент КРСУ, г. Бишкек

E-mail: halainat.8@gmail.com

Евразийство в качестве самостоятельного идеократического общественно-политического движения возникло в среде русской эмиграции в 20—30-е гг. XX в., когда бежавшие или высланные из СССР на знаменитом «философском пароходе» русские интеллектуалы попытались осмыслить истоки и причины гибели великой империи и найти гносеологические пути спасения России из обозначившегося тупика необратимой энтропии опустившегося марева инобытия. Базисной основой евразийской культурно-исторической философской концепции, настаивающей на постулате особого, символически-мистического «срединного» месторасположения России в системе пространственно-временных диаметральных координат Востока и Запада, Европы и Азии, стали научно-теоретические разработки школы «славянофилов», окончательно доктринально сформировавшейся во втор. пол. XIX века.

Историсофское постижение эвентуального смысла происходящих на мировой арене эпохальных международно-политических событий, вызванных фатальным поражением русской армии и флота в Крымской войне 1853—1856 гг. от сплотившихся в единый коалиционный монолит европейских держав, внезапно выступивших на стороне Османской империи в очередной русско-турецкой военной кампании, привело «славянофилов» к неутешительному выводу о весьма малозначительной, буквально пешечной значимости России и изначальной предопределенности ее роли в разыгрываемом всемогущими тайными силами негласном сценарии хода развития мировой истории человеческой цивилизации. Крайне неожиданным и удручающим фактом явилось и осознание «славянофилами», среди которых особыми интеллектуальными способностями постижения религиозно-метафизической составляющей сути вещей и окружающего бытия выделялись А.С. Хомяков (1804—1860 гг.), К.С. Аксаков (1817—1860 гг.), И.В. Киреевский (1806—1856 гг.), И.Д. Беляев (1810—

1873 г.), Н.Д. Иванишев (1811—1874 г.), Н.Я. Данилевский (1822—1885 г.), Ф.М. Достоевский (1821—1881 г.), Н.Н. Страхов (1828—1896 г.) и др., опосредованного участия России со времен Петра I в глобальном проекте создания архитектурных основ нового миропорядка. Выяснилось, что увлеченность и приверженность юного Петра I европейским ценностям, особенно ярко проявившаяся после его посещения западноевропейских стран в составе знаменитого Великого посольства 1697—1698 г., во время которого русский царь с частью дипломатической миссии на 3 месяца выезжал из Голландии в Великобританию, где имел встречи с английским королем Вильгельмом III Оранским (1689—1702 г./прав.), Исааком Ньютоном (1643—1727 г.) и с другими видными политическими деятелями «туманного Альбиона», организованными стараниями розенкрейцера Якова Брюса (1670—1735 г.), склонившего Петра I к вступлению в масонское «Королевское общество», культовую инициацию посвящения в которое провел сам Христофер Рен (один из легендарных основателей Великой Ложи Англии в 1717 г.), способствовали намеренной вовлеченности России в сотворенную Вестфальским миром 1648 г. общеевропейскую систему миропорядка [1].

Став верным приверженцем и горячим проводником доктринальных идейных ценностей «Великого братства», Петр I на всем протяжении своего самодержавного правления (также как и его монархические преемники) стремился сохранять симметричную гармонию сочетания национальных внешнеполитических интересов Российской империи с базовыми установками «Европейского концерта», базирующихся на незыблемости кредо неизменности условия сохранения и поддержания на Европейском континенте общего равновесия геополитических сил и принципа *raison d'état*, «дающего рациональную основу поведению отдельных стран» [5, с. 55]. Таким образом, участие России в Северной войне 1700—1721 г. против Швеции, равно как и открытие непрерывной череды военных кампаний против Османской империи, начавшихся с Крымских походов 1687 и 1689 г. князя В.В. Голицына и Азовских походов Петра I и Франца Лефорта 1695—1696 г., а затем и последовавшей вслед за ними ширококомасштабной русско-турецкой войны 1710—1713 г. (Прутский поход 1711 г. графа Б.П. Шереметева), были не чем иным как составной частью общеевропейского плана по ослаблению непомерно усилившегося после завершения Тридцатилетней войны 1618—1648 г. Шведского королевства и одновременного сдерживания новоявленным «русским братом» экспансионистских устремлений Османской Турции. Следствием военно-политических успехов русской армии и флота стали

выход России к Балтийскому, Азовскому и Черным морям (с сопутствующим расширением территориального пространства). Архитекторы же Вестфальской системы миропорядка, синхронно нивелирующие на другом конце Европы силами «Большого альянса» (Великобритания, Голландия, Дания, Португалия и др.) геополитическую мощь Франции в войне за Испанское наследство 1701—1714 гг., добились восстановления желаемого баланса сил на континенте, одновременно найдя в лице русских достойную замену крайне поредевшему в длительной череде религиозных (реформационных) баталиях воинству Священной Римской империи. Символический роспуск на Карловицком конгрессе 1698—1699 гг. действующей с 1511 года «Священной лиги» (антитурецкой коалиции, в состав которой попеременно входили Папский Рим, Испания, Венеция, Флоренция, Англия, швейцарские кантоны и др.) и окончательный выход Вены из многолетней череды австро-турецких войн XVI—XVII вв., ознаменовали собой предоставление «Европейским концертом» неограниченного карт-бланша России по сдерживанию «исламской угрозы» с сопутствующей методичной амортизацией геостратегических позиций Османской империи на мировой арене.

Однако по мере международно-политического ослабления Оттоманской Порты, неуклонно развивавшегося на диаметрально противоположном фоне перманентного увеличения территориального пространства Российской империи за счет отвоеванных у турок земель и неуклонного приближения к осуществлению заветной русской мечты — овладения византийским Царьградом (Константинополем), победоносному шествию русской армии по просторам Восточной Европы и общему возрастанию геополитической мощи России решено было положить предел, что и было сделано лидерами западноевропейских стран, традиционно возглавляемых Великобританией, в период русско-турецких военных кампаний 1853—1856 гг. и 1877—1878 гг. Подтверждением избранного архитекторами Европы курса по намеренному «сдерживанию» России на международной арене явился и Берлинский конгресс 1878 года, основные итоги работы которого стали настоящим шоком и неприятным откровением для российских политиков, вполне адекватно воспринявших поступивший сигнал об окончательном завершении возложенной на Россию миссии по разрешению «Восточного вопроса».

Следует заметить, что именно «славянофилы», а вслед за ними и «панславяне» (М.П. Погодин, С.С. Уваров, Р.А. Фадеев, В.И. Ламанский, О.Ф. Миллер и др.) одними из первых публично заговорили об изначальной разнонаправленности конечных целевых

установок общественно-политического развития Европы, окончательно сформировавшейся в целостное культурно-историческое единство Западной цивилизации на основе доминирующих гностико-герметических идеалов масонского пантеизма, и православной идеократической России, ментально исповедующей совершенно иные духовные ориентиры в мироустроительном созидании животворящего бытия. Об онтологическом расхождении мировоззренческих позиций по ведущим международно-политическим проблемам и твердой убежденности в необходимости выхода России из навязанных «сынами вдовы» нормативных рамок общеевропейского проекта и поисков собственного пути достижения имперского величия говорил, в частности, Н.Я. Данилевский. Анализируя взаимоотношения России с европейскими странами во время наполеоновских войн и начала функционирования Венской системы миропорядка, он писал: «Сопричислившись к Европейской семье, мы, конечно, не могли приготавливаться и принимать мер для борьбы со всей Европой. В числе наших врагов при Наполеоне I было много тайных друзей; при Наполеоне III — считавшиеся друзьями оказались врагами. Вот как на деле влияние политического равновесия (сил) Европы и его нарушения на судьбы России. Его можно выразить следующей формулой: при всяком нарушении равновесия, Европа естественно разделяется на две партии: на нарушителя с держащими волею или неволею его сторону и на претерпевших от нарушителя, стремящихся восстановить равновесие (сил). Обе эти партии естественным образом стараются привлечь на свою сторону единственного сильного соседа, находящегося по сущности вещей (каковы бы ни были, впрочем, формы, слова и названия) вне их семьи, вне их системы. Обе партии заискивают, следовательно, в России. Одна ищет у ней помощи для сохранения полученного ею преобладания; другая — для освобождения от власти, влияния или опасности со стороны нарушителя. Россия может выбирать по произволу. Напротив того, при существовании равновесия (сил), политическая деятельность Европы направляется наружу — и враждебность ее к России получает свой полный ход: тут, вместо двух партий, наперерыв заискивающих в России, Европа сливается в одно, явно или тайно враждебное России целое.

Нам необходимо, следовательно, отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами, о какой бы то ни было связи с тою или другою политической комбинацией европейских держав и, прежде всего, приобрести совершенную свободу действий, полную возможность соединяться с каждым европейским государством под единственным условием, чтобы такой

союз был нам выгоден, нисколько не взирая на то, какой политический принцип представляет собою в данное время то или другое государство» [3, с. 447—448].

Примерно в это же время наблюдается и ренессанс сакральной теократической идеи «Москва — Третий Рим», первое научно-теоретическое осмысление которой осуществил в 1869 г. В.С. Иконников на страницах своей докторской диссертации «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории». При этом, написанное в самом начале XVI в. игуменом псковской Елизаровой пустыни старцем Филофеем послание к «Государю великому Василию Ивановичу всея Руси», содержащее пророческие слова о том, что к концу времен «яко вся христианская царства приидоша в конец и снисдошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти», воспринималось «славянофилами», а позже и евразийцами как руководство к действию, учитывая и тот факт, что Рим является словом-палиндромом, т.е. при чтении наоборот получается Мир.

Культовую идеологию об особой миссии Руси/России в мировой истории человечества и ее предначертанного сакраментального призвания к собиранию вокруг «Третьего Рима» народов и племен создаваемого нового Евразийского мира, активно стали разрабатывать и приверженцы евразийского философско-политического движения: «Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном, важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к Западу то нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия). Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии» [4, с. 3]

Историософски обыгрывая постулат особого «срединного месторазвития» России между Западом и Востоком и общей пагубности дальнейшего функционирования Европоцентристской модели миропорядка, особенно после совершенного коммунистами государственного переворота в октябре 1917 года, П.Н. Савицкий подчеркивал, что «Россия— собор народов. Объединение этой огромной территории является результатом усилий не одного лишь русского народа, но и многих народов Евразии... и только в преодолении «западничества» открывается путь к настоящему братству евразийских народов: славянских, финских, тюркских, монгольских и прочих» [6].

Весьма примечательно, что аристократ, столбовой дворянин Г.В. Чичерин, глава НКВД СССР с марта 1918 по июль 1930 гг., являясь членом довольно престижной ложи Великий Восток Франции (адептом которой был, в частности, Абрам Лейбович Животовский — дядя Л.Д. Троцкого и один из столпов сионистского движения), будучи либералом и «совершенным европейцем по происхождению, семейным традициям и воспитанию», также обращал внимание на явную «близость, внутренне родство и глубокое единство», существующее между евразийскими народами. Еще в августе 1919 г. в своей статье «Россия и азиатские народы» он писал: «Будучи европейским революционным пролетариатом, русский пролетариат есть в то же время первый из азиатских, восстающих против капиталистического ига трудящихся народов, показывающий дорогу своим собратьям, уже идущим за его зовом и чутко прислушивающимся к его голосу. Если империалистический выразитель царской политики мог с полным правом говорить, что будущее России лежит в Азии, то в начавшемся ныне пролетарском периоде человеческой истории это единство исторической жизни русских и азиатских трудящихся масс выразится и начало уже выражаться в современной единой революционной борьбе против международного ига империалистической олигархии за мировой социализм, при котором уже не будет эксплуатирующих и эксплуатируемых классов, эксплуатирующих и эксплуатируемых стран, при котором уже не будет противоположения Европы и Азии» [9, с. 97—98].

Существенно, что на факт замечания Г.В. Чичерина о том, что «Россия не является в полной мере ни западной, ни восточной страной, а представляет сложное смешение этих цивилизаций и поэтому ей предназначена особая роль в международных отношениях» обращал в свое время внимание и американский историк Тимоти Эдвард О'Коннор, обладающий, несомненно более масштабным объемом информационно-аналитических материалов по данному хронологическому периоду всемирной истории [8, с. 190].

В качестве механизма дипломатического «прорыва» организованной Антантой международно-политической изоляции СССР, Г.В. Чичерин также воспользовался евразийской парадигмой, заключив в 1921—1922 гг. серию двусторонних дружественных договоров с пришедшими к власти в Афганистане, Иране, Турции, Бухаре, Монголии и Китае «младшими братьями» из числа разного рода «младо»-революционных организаций и движений, создав тем самым надежный региональный кордон на Среднем Востоке

и в Центральной Азии в противовес Рейнскому оборонительному пакту и Лиги Наций в целом [2].

Согласно составленным Феликсом Чуевым из фонетических диалогов-воспоминаний В.М. Молотова (Скрябин) о И.В. Сталине, «вождь всех народов» достаточно хорошо разбирался в геополитике и был в курсе фактически всех значимых ее направлений, включая и специфику евразийской геополитической мысли [10]. Анализ доминирующих международных направлений и общей тактики внешнеполитических действий И.В. Сталина также свидетельствует о том, что за фоном его декларативных лозунгов о «пролетарском интернационализме» стоял хорошо выверенный, классический геостратегический расчет, особенно если это касалось проблем построения системы региональных связей с периферийными зонами Передней, Южной и Юго-Восточной Азии. На созданной сталинской дипломатией жесткой инфраструктуре многосторонних связей, опутывающей весь мир невидимой нитью взаимозависимых формальных и неформальных контактов, впоследствии практически держалась вся Советская империя.

Крах биполярной модели мироустройства, повлекший за собой радикальную трансформацию международно-политической карты мира, предоставил России новый шанс практической реализации «русской идеи» в виде модифицированного структурирования обновленного Евразийского геополитического пространства.

(Продолжение следует...)

Список литературы:

1. Бейджент М. и Ли Р. Храм и ложа — М.: «Эксмо», 2005 г.
2. Гарин В.Б. Слово и дело: история советской дипломатии — Ростов н/Д: «Феникс», 2010 г.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому — М.: «КНИГА», 1991 г.
4. Евразийство // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927 г.
5. Киссинджер Г. Дипломатия — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997 г.
6. Савицкий П.Н. «Географические и геополитические основы Евразийства» — Париж, 1933 г.
7. Окультурные силы России: «Спецслужбы России» — СПб.: «Северо-Запад», 1998 г.

8. О'Коннор Т.Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918—1930 гг.— М.: Прогресс, 1991 г.
9. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики — М.: «Издательство социально-экономической литературы», 1961 г.
10. Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин — М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2000 г.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СООБЩЕНИЯ ЗОСИМА О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ХРАМА СОЛНЦА АВРЕЛИАНОМ

Шенцов Максим Евгеньевич

*аспирант II года обучения кафедры российской и всеобщей истории,
НИУ БелГУ, г. Белгород
E-mail: serapis@list.ru*

На сегодняшний день для немалой части антиковедов сообщение позднеантичного историка Зосима о строительстве императором Луцием Домицием Аврелианом в Риме храма Солнца (Zos. I, 61, 2) служит поводом утверждать, будто культ Deus Sol Invictus не следует отождествлять с митраизмом. Так, Зосим указывает следующее: «В это время Аврелиан построил роскошный храм Солнца, который украсил жертвами и приношениями из Пальмиры, и в котором поставил статуи Гелиоса и Бела» [14]; см. также SHA 25.6, 28.5, 35.3; Eutrop. IX, 15. 1. Со ссылкой на этот фрагмент аргументируется, что митраизм никогда не имел в Риме статуса официальной религии или идеологии [13, с. 382; 22. с. 313—314; 33, с. 151]. На наш взгляд, несмотря на значимость в понимании эволюции солярных культов античности, в подобных утверждениях выводы о данной проблематике представлены несколько поверхностно и односторонне. Как будет показано далее, в приведённых выше мнениях практически не учитывается связь римского и восточного (армянского, иранского, сакского [4, с. 86—69, с. 172]) почитания Митры. По нашему мнению, вследствие этого указанные выводы, несмотря на высокий профессионализм исследователей, на сегодняшний день, нуждаются в некотором дополнении. Таким образом, целью данной работы следует считать рассмотрение выше указанного сообщения Зосима в контексте

неразрывной связи западного (эллинистическо-римского) и восточного (индо-иранского) культа Митры.

Для начала следует отметить наличие неразрывной связи между римским и восточными формами почитания иранского божества. Мнение П.В. Иванова о базисном «зороастрийском» субстрате митраизма [15, с. 21] на наш взгляд, следует считать неверным. Несмотря на отличие от основных теологических идей зороастризма, идеи, связанные с образом Митры, вне зависимости от влияния и статуса религии Заратуштры, имели в Иране широкое распространение. Об этом говорит тот факт, что Митра, почитание которого было отвергнуто пророком Заратуштрой, позднее занял в зороастрийском пантеоне место более значимое, чем Ахура-Мазда и Амеша-Спента. Кроме того, духовная жизнь Древнего Ирана определялась существованием целого ряда течений, отличных от зороастризма. Также, на наш взгляд, при рассмотрении образа эллинистического Митры И.М. Дьяконовым было преувеличено значение религиозного синкретизма, который имел место во всех регионах во все периоды истории. Почитание царя как земной ипостаси Митры характерно не только для мифологии народов Ближнего Востока, но и для парфянской и сакской культур. Также мы можем предположить, что представления об охоте, борьбе и ритуальном жертвоприношении обладавшего связью с луной в индоиранской традиции быка, в митраизме имеют параллели с мифологическим образом ведического жертвоприношения богами во главе с Митрой лунного божества Сомы. Несмотря на параллели с образами некоторых анатолийских божеств, в частности, Улликумми, на наш взгляд, они объясняются индоевропейским происхождением данных мифологических образов (возможно, они восходят к традициям хуррито-арийского государства Митанни) и имеют индоиранскую природу.

Возвращаясь к упоминанию Зосимом величественного храма Солнца в Риме, следует отметить что культовые места поклонения Митре не следует сводить к катакомбам или природным пещерам. В связи с этим необходимо привести, на наш взгляд, справедливо утверждение К.В. Тревер: «... следует отметить, что храмы этого бога на Востоке, в частности, в Армении, существенно отличались от храмов-крипт, так называемых митрейонов, в Риме и западных римских провинциях. Объясняется это тем, что митраизм на Западе был явлением чужеродным, занесённым извне возвращавшимися с Востока римскими солдатами, и поэтому культ его не мог в чужой стране проявлять в архитектуре и обрядности местные, освящённые традицией особенности, как это имело мест в странах Востока...

Можно говорить только о том, что и на Востоке храмы Митры отличались друг от друга некоторыми специфическими особенностями» [27, с. 90]. Необходимо отметить, что храм в Гарни, а также подобные места почитания Митры (храм в Сагалассе и Термессе на юге Малой Азии) представляли собой храмовые сооружения эллинистического типа, отличные от подземных святилищ, известных на западе Римской империи. Так, общие размеры храма Гарни составляли 13 на 18 м; помещение было окружено колоннами высотой 6, 60 м с капителями ионического ордера; стены состояли из хорошо отточенных больших базальтовых плит более метра в длину [27, с. 43—46]. Ранее упомянутый Сагиласский храм имел приблизительно схожие размеры: длина плит составляла 2,2 м, ствол колонн с аттической базой и ионическим ордером имел в высоту 5,83 м [27, с. 51 — 52]. Исходя из архитектуры упомянутых храмовых строений можно сделать вывод о том, что на основании упоминания о величественном роскошном храме Солнца не следует утверждать, будто рассматриваемое сообщение Зосима не могло иметь отношения к Митре.

Нельзя также не рассмотреть вопрос о статуях Гелиоса и Бэла, упоминаемых Зосимом. Так, Митра, будучи изначально божеством и гарантом общественного договора [16], в процессе своего исторического развития прочно вообрал в себя черты солярного божества. В процессе соприкосновения эллинской и иранской культур, в первую очередь, в эллинистический период, Митра был отождествлён с Гелиосом. Так, Страбон, говоря о культе Солнца у персов, поясняет: «Гелиос, которого зовут Митрой» (Strab., XV. 13. 3). На протяжении длительного времени иранский бог также отождествлялся с другими эллинскими солярными божествами. В связи с этим необходимо упомянуть гробницу селевкидского царя Антиоха I в Нимруд-Даг. Монумент украшен грандиозными статуями Зевса-Арамазда, Аполлона-Гелиоса-Митры-Гермеса, самого царя и Коммагены — богини страны [5; 25. с. 88—89]. На барельефе данной местности Митра-Гелиос изображен в лучистой короне, аналогичной головному убору *Deus Sol Invictus* на римских монетах [2]. На наш взгляд, нельзя не упомянуть о связи Митры с культом верховного зороастрийского божества Ахура-Мазды (Ормузда, в армянской версии — Арамазда). Данной проблематике посвящена обширная литература [6; 17; 24; 31]. Как отмечает П.В. Иванов, «Митра — не только Космократор и Демиург, но и "транзитный" бог, посредник между Ахура-Маздой и людьми» [15, с. 18]. При этом К.В. Тревер говорит о существовании на территории Армении синкретического культа Бэла-Зевса-Арамазда, вобравшего в себя черты

как некоего древнего местного, так и верховного зороастрийского божества [27, с. 89]. На наш взгляд, исходя из подобной интерпретации — отождествления Арамазда и Митры и Бэлом и Гелиосом, становится более понятна причина установки в римском храме Непобедимого Солнца статуй божеств, упомянутых Зосимом. Кроме того, Лукиан в диалоге «Зевс Трагический» упоминает о золотой статуе Митры и прочих варварских богов; согласно тексту, Гермес возмущался: «Вот это Бендида, Анубис и Аттис, и рядом с ними Митра и Мэн сделаны целиком из золота, они тяжелы и действительно представляют ценность». Таким образом, можно утверждать, что наряду с мозаикой, лепниной и барельефами статуи Митры, сделанные из драгоценных металлов, имели распространение на территории эллинистических государств и Рима. На наш взгляд, можно предположить, что в сообщении Зосима о строительстве Аврелианом храма Солнца могли быть упомянуты изваяния подобного рода.

В заключение следует отметить, что, несмотря на практически единодушное мнение большинства отечественных и зарубежных антиковедов, можно предположить, что позднеантичный историк Зосим подразумевал возведение Аврелианом в Риме храма Митры ближневосточного (армянского) образца. Как отмечается в фундаментальных трудах Вардумян, Тревер по истории дохристианских культов Армении, почитание Митры, помимо катакомб и пещер, осуществлялось в наземных святилищах эллинистического типа. Как свидетельствует эпиграфический материал на примере надгробной надписи в Нимруд-Даг, Митра отождествлялся не только с Гелиосом, но и с Аполлоном и Гермесом. Барельеф данной местности, на котором Митра представлен в лучистой короне, на наш взгляд, может считаться свидетельством в пользу предположения об отождествлении культа иранского солярного божества с *Sol Invictus* Аврелиана. О синкретическом культе Митры-Гелиоса также говорится у Страбона. По мнению К.В. Тревер, в Армении присутствовало почитание Зевса-Арамазда-Бэла. Вследствие постоянно встречавшегося отождествления эллинских и иранских солярных божеств, под именем "Гелиос" Зосим мог упоминать индо-иранского Митру.

Список литературы:

1. Абдуллаев Е.В. Идеи Платона между Элладой и Согдианой — СПб.: Алетея, 2007. — 320 с.
2. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики — М.: Институт археологии РАН. 1995. — 656 с.

3. Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата — М.: Дружба народов; КРАМДС, 1992. — 207 с.
4. Акишев Искусство и мифология саков. — Алма-Ата: Наука, 1984. — 176 с.
5. Бонгард-Левин, Гаиров, Кошеленко Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика // Вестник древней истории (М.) — 2004. — № 1. — С. 125 — 158.
6. Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука. 2: Рождение астрономии — М.: Наука, 1991. — 384 с.
7. Вардумян Г.Д. Дохристианские культы армян // Армянская этнография и фольклор: Материалы и исследования / Ин-т археологии и этнографии АН Армении. — Вып. 18. — Ереван: Изд-во АН Армении, 1991. — С. 59 — 146.
8. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана — М.: Наука, 1992. — 384 с.
9. Вольф М. Ранняя греческая философия и Древний Иран — СПб.: Алетейя, 2007. — 222, [2] с.
10. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. Изд. 3-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 248 с.
11. Евтропий. Бrevиарий от основания Города — СПб.: Алетейя, 2001. — 305 с.
12. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры — СПб.: Марс, 1995. — 380 с.
13. Зелинский Ф.Ф. Римская империя — СПб.: Алетейя, 1999. — 486 с.
14. Зосим Новая история. — Белгород: Издательство Белгородского Государственного Университета, 2010. — 344 с.
15. Иванов П.В. Восточные культы в духовной жизни Италии (распространение митраизма) / Автореф. канд. дисс. — М.: 1996. — 27 с.
16. Кошеленко Г.А. Ранние этапы культа Мифры // Древний Восток и античный мир / Г.А. Кошеленко. — М.: Наука, 1972. — С. 75—84.
17. Крюкова Зороастризм — СПб.: Азбука-Классика, Петербургское Востоковедение, 2005. — 288 с.
18. Кюмон Ф. Восточные культы в римском язычестве — СПб.: Евразия, 2002. — 352 с.
19. Кюмон Ф. Мистерии Митры — СПб.: Евразия, 2000. — 320 с.
20. Лукиан Сочинения / В 2 т. Т. 1. — СПб.: Алетейя, 2001. — 480 с.
21. Москаленко И.И. Сцена охоты Митры в контексте древнеиранской мифологической традиции // Известия Самарского научного центра РАН. — Т. 12. — 2010. — № 5. — С. 261—267.
22. Мостовщикова Е.А. Сакрализация власти в Римской империи и культ Солнца // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. — 2009. — С. 186—193.

23. Нетушил И.В. Обзор римской истории — Харьков: Типография «печатник», 1921. — 410 с.
24. Рак И.В. Мифы Древнего Ирана — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 400 с.
25. Сергеев И.П. Римская империя в III веке нашей эры: проблемы социально-политической истории — Харьков, Майдан, 1999. — 223 с.
26. Страбон География в 17 книгах — М.: Наука, 1964. — 942 с.
27. Тревер К.В. Очерки по истории культуры Древней Армении — М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. — 288 с.
28. Топоров В.Н. Митра // Мифы народов мира: В 2-х тт. — 2-е изд. — Т. 2. — М., 1988. — С. 157.
29. Шгаерман Е.М. Кризис Античной культуры — М.: Наука, 1975. — 184 с.
30. Шгаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима — М.: Наука, 1987. — 320 с.
31. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. — 2-е изд. — М.: Академический проект, 2009. — 622 с.
32. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. — 2-е изд. — М.: Академический проект, 2009. — 676 с.
33. Halsberge G.H. The cult of Sol Invictus — Leiden, E.J. Brill:1972. — 180 p.

4.3. ИСТОРИОСОФИЯ

ОСНОВНЫЕ ВОЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В РУССКОЙ АРМИИ В XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Широкова Вера Валерьевна

*юрисконсульт в/ч 55433, соискатель кафедры философии для
гуманитарных специальностей историко-социологического
института МГУ им. Н.П. Огарева, г. Саранск
E-mail: vera-selezneva@mail.ru*

Воинское воспитание призвано формировать высокие нравственные качества военнослужащих, укрепление их боевого духа, повышение боеспособности армии. В содержание воспитания, кроме познания нравственно-боевых категорий и нравственно-служебных обязанностей, входит так же эстетическое, трудовое, религиозное, патриотическое, правовое и профессионально-этическое воспитание. Становление военно-этических взглядов и практики воспитания в Российской армии неразрывно связаны с именами прославленных русских полководцев и видных деятелей XVIII—XIX вв.

Немало оригинальных военно-этических идей выдвинул выдающийся полководец А.В. Суворов (1729—1800). Заметное влияние на формирование его военно-этических взглядов оказало знакомство с произведениями объективного идеалиста Лейбница и материалиста Локка, особенно с его прогрессивной теорией воспитания. Свои взгляды А.В. Суворов изложил в «Полковом учреждении» и широко известной «Науке побеждать». Полководец считал, что главные нравственные качества, необходимые солдату, следующие: любовь к Отечеству («мы сыны России»), дисциплина («мать победы»), товарищество («сам погибай, а товарища выручай»), инициатива и находчивость («не могу терпеть немогузнаек»). А.В. Суворов сформулировал знаменитый принцип — учить войска тому, что необходимо на войне. А.В. Суворов любил говорить, что у подчиненных нужно вырабатывать смелость без запальчивости, быстроту без опрометчивости, деятельность без легкомыслия, покорность без унижения, твердость без упрямства, осторожность без притворства, приятность без суетности [1, с. 42].

Суворов вошел в военную историю как блестящий мастер воздействия на нравственные силы воинов. Если смотреть на солдата как на «артикул стреляющий, моральный дух будет дремать», справедливо полагал А.В. Суворов. В обращении к низшим чинам он широко использовал выражения «ребятушки», «други», «братцы», подчеркивая этим войсковое братство, боевую солидарность, что чрезвычайно высоко ценилось солдатской массой. Суворов был противником широко распространенных физических наказаний в армии. «Умеренное... наказание, — писал полководец, — смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешностей, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние» [6, с. 69].

Вместе с тем Суворов в силу своего идеалистически-монархического мировоззрения не мог подняться выше своей эпохи. В его военно-этических взглядах преобладали элементы крепостнической идеологии, самодержавности, религии. Эти идеи были господствующими в духовной атмосфере того времени и накладывали свой негативный отпечаток даже на прогрессивные идеи и взгляды передовых людей.

Заметная роль в развитии прогрессивных военно-этических взглядах принадлежит русскому полководцу М.И. Кутузову (1745—1813). В его приказах, распоряжениях, письмах проходит идея преданности, верности Отечеству как центрального, стержневого нравственного качества воинства русского. Патриотизм «виден особенно в долге воинском», писал Кутузов. Правда воинский долг он понимал как обязанность не только перед Отечеством, народом, но прежде всего перед богом и государем. Для его военно-этических взглядов характерна неприязнь к тщеславию, славолюбию, карьеризму [1, с. 42]. В своих приказах М.И. Кутузов обращал особое внимание на создание высокого морального духа, ибо, как бы не были вооружены войска, они могут остаться «бессильными тогда, когда не оживятся они воинским духом, которой... не находит препон не в каких предприятиях» [4, с. 458].

Известная роль в развитии прогрессивных идей русской воинской этики принадлежит декабристам. Рылеев, Кюхельбекер, Раевский, Бестужев — Марлинский в своих произведениях выступали против унижения человеческой личности солдата, призывали к равенству и справедливости. В частности, полковник П. Пестель, главный теоретик декабризма, писал, что «крепость нравственная солдата» зависит от «справедливости государственной и правильности воспитания воинства». Офицеры — декабристы Крюков, Горбачевский,

Барятинский, Орлов призывали к просвещению солдатской массы. Эта идея обобщенно была отражена декабристом Борисовым следующим образом: «Просвещение есть надежнейшее средство против всех моральных зол» [2, с. 75]. В своих произведениях они утверждали, что главная нравственная черта русского военного человека — безграничная любовь к Родине и преданность ей.

Нравственное просвещение русского офицерства того времени царизм осуществлял на основании «высочайше одобренных», многочисленных сборников, кодексов, правил, наставлений нравственного поведения. Например, в Морском кадетском корпусе в 1779 году были изданы «Правила учтивости офицера»; среди офицерского состава была широко распространена книжка Бажанова «Этикет», изданная в 1794 году. В Артиллерийском кадетском корпусе в 1778 году было написано «Наставление молодому офицеру. В кадетских корпусах всячески поощрялось чтение «философской нравственной словесности», одобренной свыше. Все эти и им подобные офицерские моральные кодексы проповедовали преданность царю, веру в бога, любовь к Отечеству. В кодексах детально предписывалось офицерам: как поступать в различных ситуациях, как вести светский разговор, как защищать честь, относится к неприятелю и так далее. С особой силой подчеркивалось, что все доброе, нравственное, мужественное связано с богом и должно служить самодержцу; все пороки и зло — от безбожия и вольнодумства [1, с. 43].

Крепостное право, господствовавшее в эту эпоху, породило целый ряд привычек и обычаев, подчеркивающих социальное и нравственное неравенство нижних чинов и господ офицеров. Всячески культивировались, писал русский революционер П.А. Кропоткин, такие моральные качества солдата, как боязнь начальства, смирение, покорность, набожность. Родилось даже слово, выражавшее суть идеального царского служаки — «верноподданный» [3, с. 182]. Различные просветительные дворянские общества устраивали для солдат чтения книг («Святой Алексей, человек божий», «О средствах борьбы с моральными пороками», «Добродетели верноподданного» и так далее). Проводились специальные занятия с солдатами по словесности, где разъяснялся моральный смысл религиозных постулатов, таких, например, как «Бога бойся, а начальства слушайся»; «Начальник есть божий слуга тебе на добро».

Заметное место в развитии военно-этических взглядов начинают играть журналы «Военный сборник», «Русская старина». В «Военном сборнике» появляются статьи по отдельным этическим проблемам армии: «Честь офицера», «Летописи ратных и героических дел полка»,

«Нравственное значение дуэлей», «Наставление господам офицерам в день сражения». В журнале не рассматривались реальные нравственные отношения между офицерами и солдатами, среди рядового состава; главной темой военно-этических статей была проблема офицерской чести. Например, в 1857 году «Военный сборник» опубликовал «Заметки об общих военных принципах», в которых вопросы чести офицера занимали едва ли не главное место [1, с. 44—45]. В «Заметках» подчеркивалось, что «офицер должен воздерживаться от всяких увлечений и от всех действий могущих бросить хотя бы малейшую тень на его личную честь, а тем более на честь корпуса офицеров. Слово офицера, должно быть залогом правды и потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательства — пороки, подрывающие веру в правдивость офицера, бесчестят его звание и не могут быть терпимыми» [5, с. 18].

Дух корпоративизма пронизывает официальные этические воззрения. В условиях господства официальной крепостнической идеологии, религиозно-мистического славянофильства передовые, прогрессивные взгляды наталкивались на холодное непонимание, открытую враждебность. Ее в полной мере испытал на себе Н.Г. Чернышевский, который в течение восьми месяцев 1858 года редактировал журнал «Военный сборник». Он внес в него дух свободомыслия и критики. Выдающийся мыслитель с горечью писал, что русский солдат бесправный, забитый, неграмотный, не может в полной мере проявлять все замечательные моральные качества, присущие его народу. Войско, составленное «не из свободных людей, чаще будет побеждаемо неприятелем, солдаты которого — не мертвые машины, а живые существа» [7, с. 316]. Однако, следует заметить, что Н.Г. Чернышевскому было очень трудно отстоять свои прогрессивные взгляды.

Его главной заслугой, как и других революционных демократов, в области этики является конкретизация материалистического понимания сущности морали и ее развития. Этим самым был нанесен удар по идеалистическим взглядам на происхождение и сущность морали. В работах революционных демократов отчетливее отражается мысль о детерминировании всех человеческих мыслей и поступков социальной среды. Взгляды революционных демократов не могли не оказать положительного влияния на развитие русской военно-этической мысли в последующем.

Таким образом, в эпоху феодализма официальная военно-этическая мысль носила ярко выраженный религиозно-идеалистический

характер. В религиозные одежды облачались все этические постулаты, предписываемые для исполнения народу, армии.

В армии военно-этическая мысль имела четко выраженную классово-сословную, корпоративную окраску. В основе этических взглядов лежали царские законы, подобные закону «О добронравном поведении человека русского на добро царю и государству». Создавалось большое число моральных кодексов офицерства, предписывавших беспрекословную верность царской службе.

Прогрессивные элементы военно-этической мысли содержали просветительные концепции морального развития общества и армии. В печатных военных трудах высказываются догадки, положения по теоретическим проблемам морали (о категориях этики, «науке о нравах», детерминизме в морали). Однако реализация и распространение прогрессивных идей были затруднены в армии как особо косном военном аппарате самодержавия. Военно-этическая мысль развивается в направлении профессионализации морали офицерского корпуса и приобретает резко выраженный корпоративный характер [1, с. 45—46].

Таким образом, система воспитания и формирования военно-этических взглядов в Русской армии прошли долгий и сложный путь своего становления и развития. Они изменялись в зависимости от социально-политической обстановки в стране, задач, решаемых Вооруженными Силами, а также с учетом достижений науки и передовой практики.

Список литературы:

1. Волконогов Д.А. Воинская этика. — М.: Воениздат, 1976. — 320 с.
2. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 3. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1951, — 406 с.
3. Кропоткин П.А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988, — 544 с.
4. Кутузов М.И. Сборник документов, т. 3. — М.: Военмориздат, 1953, — 841 с.
5. Свидзинский Э. Заметки об общих военных принципах // Военный сборник. — 1857. — № 2. — С. 18 — 19.
6. Суворов А.В. Полковое учреждение. — М., 1948, — 168 с.
7. Чернышевский Н.Г. Соч., т. 6, — М., 1949, — 448 с.

4.4. КНИГОВЕДЕНИЕ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ САРАТОВСКОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ТЕХНИКУМА, БИБЛИОТЕКОВЕД ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА ОФИЦЕРОВА

Самохин Алексей Николаевич

*преподаватель ГОУ СПО «Саратовский областной колледж
культуры имени Е.Н. Курганова, г. Саратов
E-mail: gqwert25@yandex.ru*

Замечательный библиотековед, преподаватель Саратовского библиотечного техникума, а затем директор Саратовской областной библиотеке Вера Александровна Офицерова родилась 4 августа 1906 года в уездном городе Кирсанов Тамбовской губернии. Здесь прошли её детские годы. Её отец Александр Семёнович Офицеров (1875—1927) работал до революции служащим городского суда и был уважаемым в городе человеком. По характеру был мягким, обходительным и доброжелательным человеком. После прихода большевиков к власти в Кирсанове его назначают в 1918 году судьей, где он смог по достоинству проявить свои способности. О желании постоянно учиться и достижению хороших результатов в этом деле говорит тот факт, что он самостоятельно изучил английский язык. Мать Анна Павловна Офицерова (1879—1947) была верной спутницей своего мужа и помогала ему во всём. Серьёзное воздействие на духовное развитие Веры Александровны Офицеровой оказала её сестра Лидия Александровна, в замужестве Воронкова (1900—1949), которая была старше её на шесть лет и являлась её жизненным наставником и верным другом в течении всей её жизни. По специальности она была медицинская сестра. Суровое лихолетье гражданской войны не позволило ей окончить Воронежский медицинский университет, куда она поступила и являлась одной из прилежных студенток. Переехавшись в Саратов, ей удалось лишь окончить в 1925 году Саратовское медицинское училище, по окончании которого она целиком посвятила себя своей профессии медицинского работника.

Детские и юношеские годы Веры Александровны прошли на малой родине в городе Кирсанов. Переломным моментом в её жизни стал 1924 год, когда она познакомилась с Валерием Владимировичем Огарёвым (1902—1972) и вышла за него замуж, но отношения

не складывались, и через год она подаёт на развод и уезжает в Саратов. Новый город неизмеримо потряс Веру Александровну своей архитектурой, красотой улиц, площадей, а так же тем, что он являлся центром культурной жизни всего Нижневолжского региона. Здесь она поступает на учёбу в Саратовский педагогический институт, который являлся центром подготовки кадров не только зоны Поволжья, но и здесь обучался большой контингент студентов из Средней Азии. Но вскоре Вера Александровна встречает нового мужчину Ивана Ивановича Гончарова, который по профессии был военный, и становится спутником жизни. Иван Иванович Гончаров в Саратове обучался в Саратовской партийной школе, а после её окончания он был направлен в Сталинград. С ним в Сталинград отправилась и его жена Вера Александровна Офицерова. Началась жизнь жены военного: они часто меняли гарнизоны, а вместе с этим и места жительства. Вере Александровне приходилось довольствоваться той работой, которая имелась в том или ином населённом пункте, где они проживали: она работала преподавателем истории в сельскохозяйственном техникуме, а так же работала в библиотеках. Не выдержав такой напряжённой жизни, в феврале 1936 года они расстались, и Вера Алексеевна переехала в Саратов, где была принята на работу в Областной отдел народного образования инспектором. Здесь она подружилась с Л.Е. Остапенко и Л.А. Бугаенко.

С 1 сентября 1941 года на основании приказа Заведующего областным отделом народного образования Воейкова инспектор политико-просветительного сектора Саратовского областного отдела народного образования Вера Александровна Офицерова была переведена должность преподавателя специальных дисциплин в Саратовский библиотечный техникум [2, л. 16]. В техникуме Вера Александровна преподавала специальные дисциплины: библиотечные каталоги, библиография детской литературы, практика, но главным предметом её учебной нагрузки было библиотековедение, которое она вела с особым интересом [5, л. 6].

Техникум являлся базой повышения квалификации библиотечных работников города и с этой целью один раз в месяц на его базе начали проводиться собрания библиотечных работников политико-просветительских, профсоюзных и вузовских библиотек. На эти курсы была приглашена Вера Александровна. На курсах ставились методические доклады по теории и практике библиотечного дела, и эти занятия под руководством Веры Александровны особо привлекали слушателей, так как все они были людьми уже работающими библиотекарями в районных и сельских библиотеках и с интересом

желавшие овладеть недостающими практическими навыками и новой информацией по развитию библиотечного дела в стране. Вера Александровна хорошо владела методикой преподавания и поэтому её лекции были доступны, как только что определившимся с выбором профессии вчерашним выпускникам школ, так и практикам библиотечной работы, много лет отработавших в библиотеках, но не имевших специального образования.

Здесь её верными соратниками и друзьями стали О.А. Грязнова, Н.Н. Фёдорова, И.М. Свищёв и особенно его супруга Н.И. Оболенская, сотрудница саратовского художественного музея имени А.Н. Радищева. Вскоре Вера Александровна вступает в ВКП(б) и становится активным членом его первичной организации. С начала Великой Отечественной войны она, как большинство сотрудников техникума, всех жителей страны включилась в помощь фронту. Она читала новости с передовой, письма бойцам, книги, проводила культурные мероприятия в эвакуационном госпитале №3630 над которым техникум взял шефство [3, с. 154—158]. Этот эвакуационный госпиталь находился на окраине Саратова, у городского кладбища и имел специализацию на ранениях и поражениях органов зрения.

В феврале 1941 года директор Саратовской областной библиотеки Надежда Николаевна Фёдорова была повышена в должности и ушла на партийную работу. Директором Саратовской областной библиотеки была вначале назначена Ольга Андреевна Грязнова, — работавшая до этого заведующим сектором политико-просветительской работы, но отработав несколько месяцев, вновь вернулась на прежнюю работу, а библиотеку возглавила Вера Александровна Офицерова. Вместе с этим она не оставила педагогическую работу и продолжала вести ряд учебных дисциплин в Саратовском библиотечном техникуме.

Вера Александровна сразу включилась в работу, а её рабочий кабинет стал местом встреч и работы Е.И. Покусаева и артиста Саратовского драматического театра В.К. Соболева. Суровые годы войны требовали перестройки работы библиотеки на военные рельсы. В госпиталях Саратова, число которых особенно выросло в 1942 году, когда фронт приблизился к Волге, были созданы передвижные абонементы, производилось снабжение раненых бойцов необходимой литературой, но прежде все газетами. Вместе с этим была налажена по проведению часов политико-просветительской информации в госпиталях, на предприятиях города, что было очень важно в условиях военного времени. Вместе с этим Вера Александровна активно выступала за организацию качественного библиотечного обслуживания населения, созданию нормальных условий для работы

библиотек [4, л. 4]. Так как огромное количество библиотек в годы войны в Саратовской области было выселено из собственных зданий и размещено в приспособленных, сырых, не отапливаемых помещениях, где книги и другие печатные издания приходили в негодность. Только после публикации статьи Веры Александровны в областной газете «Коммунист» дело двинулось с мёртвой точки [4, л. 4].

Вера Александровна проживала в центре города Саратова, на углу Чапаева и Бахметьевской, в близком расположении к Саратовскому педагогическому институту и университету, поэтому её дом всегда был полон гостей. У неё часто бывал профессор Гуковский, а после возвращения их десятилетней ссылке с Колымы в 1947 году в Саратов приехал профессор Юлиан Григорьевич Оксман, который так же становится её близким другом. Вера Александровна была большим энтузиастом, настоящим трудоголиком. Именно связи с опальными властью людьми послужили вскоре источником её травмы и унижения.

Весной 1949 года Вера Александровна Офицерова покончила жизнь самоубийством: пошла с берега Волги на большую глубину и скончалась от разрыва сердца. Она была оболгана и ошельмована сотрудницей-сексоткой, а секретарь обкома ВКП(б) не пожелал выслушивать объяснения своего товарища по партии, авторитетнейшего в городе человека. Вера Александровна была большим другом филологов. Ленинградцы в годы войны, лишённые своих библиотек работали в богатейшем собрании Областной библиотеки, и, как в открытом фонде, подвижнически сберегаемом сотрудниками-бессребрениками. Город был потрясён смертью Веры Александровны Офицеровой [1, с. 10].

Список литературы:

1. Никитина Е.П. Пушкинская тема в трудах и днях А.П. Скафтымова // Филология: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. Ред. Ю.Н. Борисов, В.Т. Клоков. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. — Вып. 5: Пушкинский. — 276 с.: ил.
2. Государственный Архив Саратовской Области (далее ГАСО). Ф. 2026. Оп. 1. Д. 96.
3. Самохин А.Н., Логинова В.С. Саратовский библиотечный техникум: первый опыт подготовки библиотечных кадров в Саратовском крае // Повышение качества профессиональной подготовки будущих учителей: Сб. науч. Ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. — 295 с.
4. Офицерова В.А. Создать нормальные условия для работы библиотек // Коммунист (Саратов). 1944. 29 января.
5. Фёдорова, Н.Н. В Саратове открывается библиотечный техникум // Правда Саратовского края. 1934. 9 августа

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**«ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

18 июля 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 25.07.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,625. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3